

Глава первая

ДОЗНАНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Симпатичный был двор, чистенький и ухоженный. Новенькая детская площадка с мягким покрытием под горками и качелями, клумбы с обилием цветов, декоративный прудик, скамейки под старыми зелёными деревьями, в углу двора оборудовано место для курения: пластиковая будка, закрытая с трёх сторон от ветра. Неужели жильцы и впрямь ходят туда курить, с балконов и подъездов? Особенно зимой? Да не поверю!

Но по всему выходило — жить в доме с таким двором должны добрые, весёлые люди. На площадке с качелями должна звонко галдеть детвора, на лавочках судачить о своём, вечном, старики, а посреди двора сидеть, умываясь, толстая рыжая кошка.

Ладно, не обязательно рыжая. Пусть будет чёрная.

— Звук был нехороший, — сказала консержка.

— Нехороший — это какой? — уточнил я. — «Уэ-уэ-ээ?»

Консержка вздрогнула. Невысокая, крепко сбитая — такие не склонны к пустым истерикам. Да и возраста ей было за сорок, и, судя по всему, она много чего повидала.

— Нет, не настолько нехороший, — сказала она. — Бум!

— Бум? — Я посмотрел на неё с иронией.

Консержка надула щеки и выдохнула:

— Пух!

Это и впрямь немного походило на выстрел.

— Откуда слышали? — спросил я.

— Из окна донеслось. — Консьержка показала вверх, на балкон третьего этажа. Балконная дверь была открыта. — Я тут, у ограды... — Она замялась.

— Курили, — кивнул я.

— Нам нельзя далеко от подъезда отходить, — стала оправдываться консьержка. — Я тут стояла, тихо было, и вдруг — «пух»! Я поднялась. Это профессора квартира...

Что-то у неё дрогнуло в лице при этих словах. Ничего криминального, пожалуй. Либо интрижка, но вряд ли «профессор» будет крутить роман с немолодой и некрасивой прислугой. Либо просто неприязнь. К профессору? Нет... но как-то с ним связано...

Ладно, отложим на потом.

— Не открывает?

Консьержка замотала головой:

— Не открывает! А он на работу не уходил. Жена... ушла с утра, а он остался.

Ага. Понятно. Жену профессора она не любит. Что ж, это бывает.

— Жена ушла до «бум-пух»? — спросил я.

— До, — с явным сожалением признала консьержка.

— И кто там с ним ещё остался?

— Никого.

Версия у меня уже вырисовывалась. Очень неприятная версия.

— Итак... подозрительный звук вы слышали... — я посмотрел на часы, — сорок семь минут назад.

— Много, — вздохнула консьержка.

— Виктор Аристархович? — уточнил я.

— Виктор Аристархович, — кивнула консьержка, и лицо у неё стало совсем уж страдающим. — Квартира двадцать четыре.

Похоже, у консьержки уже сложилось своё мнение о произошедшем. А я привык доверять мнению таких женщин, что ещё в лес за грибами-ягодами ездили.

— Будьте внизу, — сказал я. — И если что... позвоните.

Она кивнула и спросила:

— Может, дворника позвать?

— Позовите, — разрешил я, вошёл в подъезд и стал подниматься по лестнице. Этаж невысокий, обойдёмся без лифта, зато проверим обстановку.

Подъезд был хороший, как и дом. Все чисто, на подоконниках цветы, никакой грязи, никаких окурков и граффити на стенах. Живут приличные люди, и детей хорошо воспитывают... хотя нет, вот одна, пусть и закрашенная, но проступающая надпись на стене: «КВАЗИ — МПАЗИ!»

С содержанием я был согласен, но все-таки портить стены нехорошо.

Дверь двадцать четвертой квартиры тоже была приятной. Металлическая, конечно, но облицованная снаружи деревянным шпоном. Два замка. Глазок. Все как положено.

Если честно, то у меня уже было достаточно информации, чтобы вызвать команду зачистки. Но то, что случится после её приезда, меня не устраивало.

Я снял с пояса рацию.

— Денис Симонов, дознаватель смертных дел. Нахожусь на вызове, адрес — Последний переулок, дом два, двадцать четвертая квартира. Мне кажется, что я слышу слабые стоны и призывы о помощи! — громко сообщил я, прижав тангенту. — Принимаю меры по проникновению в квартиру.

Прежде чем опомнившийся диспетчер успел что-то сказать, я вернул рацию на пояс и достал пистолет.

Нет ничего нелепее, чем пытаться выбить пулей замок. Результатом может стать то, что дверь намертво заклинит. Или то, что пуля от ricochet тебе в голову. Но выбора у меня... выбора у меня...

Я секунду всматривался в дверь. Потом толкнул её стволом.

Дверь плавно открылась. Она была не заперта, просто аккуратно притворена.

Повезло. Очень интеллигентный был человек Виктор Аристархович. Оставить дверь открытой, когда собираешься застрелиться, — это очень, очень культурный поступок.

— Виктор Аристархович! — на всякий случай крикнул я в полутёмную квартиру. — У вас дверь открыта! Можно войти?

Тишина.

Да, видимо, консьержка все правильно услышала, а моя догадка верна.

Я вошёл, держа пистолет перед собой. Налево... направо... в прихожей чисто. Кстати, на самом деле очень чисто, все на своих местах. То ли жена у профессора чистюля, то ли хорошая домработница. Ставлю на домработницу.

Из прихожей вело несколько дверей.

Одна в туалет. Чисто.

Другая по коридорчику в кухню. Тоже чисто, только пахнет горелым кофе. Электрическая плита была хорошей, отключилась сама, но кофейник потемнел и пластиковая ручка слегка оплавилась.

Ну, теперь-то уж никаких сомнений.

Из кухни шла вторая дверь — в гостиную. Я осторожно заглянул туда. Шторы задёрнуты, полумрак.

Но — чисто.

Поворачиваясь налево-направо и прислушиваясь, я двинулся через гостиную. Беззвучно работал телевизор на новостном канале. Дверь в коридор, ещё один туалет (чисто), дверь в спальню — чисто. Маленький холл, оттуда дверь в прихожую и ещё две двери. Какая затейливая планировка, можно кругами бегать, в казаки-разбойники играть. Ненавижу такие квартиры.

Дверь... Ещё одна спальня. Детская? Нет, взрослая. Супруги предпочитали ночевать в разных спальнях? Тоже мне, аристократы хреновы...

Ну и последняя дверь...

Ещё не открыв её, я почувствовал запах — слабый смешанный запах пороха, крови и чего-то остро-пряного. Очень хорошо знакомый мне запах.

Я перебросил пистолет в левую руку, правой вытащил из ножен мачете. И толкнул дверь ногой.

Тут было посветлее, зато кровью и дерьмом воняло чудовищно.

Профессор Виктор Аристархович стоял у раскрытой двери на балкон, рядом с внушительным, но опрокинутым креслом, слегка пошатываясь и подёргивая склонённой на плечо головой. У всех у них головы поначалу держатся неустойчиво, что прямо-таки намекает и провоцирует. Одет профессор был простецки — старые мятые штаны и синяя клетчатая рубашка, на спине порванная и тёмная от крови. При моём появлении профессор начал медленно поворачиваться.

— Что ж ты в сердце себе стрелял, дурик, — приближаясь к нему, сказал я. — В башку надо было. И мне работы меньше, и сам бы не мучился.

Профессор, конечно же, не ответил. Если он и мучился, то сейчас никаких эмоций на бледном сером лице не осталось. Ну, кроме голода, конечно. Запавшие мутные глаза сфокусировались на мне, окровавленный рот жадно оскалится. Я почему-то представлял Виктора Аристарховича пожилым, но он умер совсем молодым, не больше сорока. Увидев меня, профессор негромко застонал: «Уэ-э-эзу» — и попытался пройти прямо сквозь стол. Стол был крепкий, массивный, с кожаной столешницей и тяжёлыми тумбами по бокам. Разумеется, профессор пройти не смог, но продолжал упорно топтаться на месте, протянув ко мне руки.

Поначалу они тупы как дерево.

— Ничего не поделаешь, ты на меня напал, я вынужден был защищаться, — сообщил я, поднимая пистолет. Что-то меня тревожило. Что-то здесь не так...

— Уууу-эээ! — тоскливо взвыл профессор, будто его мёртвый мозг был способен сообразить, что приближается настоящая и окончательная смерть. Окровавленный рот раскрылся ещё шире.

Окровавленный!

Я рванулся влево, разворачиваясь и гадая, что в меня сейчас вцепится — пальцы или зубы.

Но пока все было в порядке.

Второй действительно оказался тут. Пожёванный, истерзанный, окровавленный мужчина лет тридцати, мой ровесник. Горло у него было перегрызено, рубашка порвана и живот поеден. Мужчина ворочался в луже темной крови, сучил ногами, елозил по скользкому паркету руками и неотрывно следил за мной. Потом его рот с томительной неизбежностью открылся, и мужчина провыл:

— Эу-эу-уэ!

Вовремя я вошёл. Он только собирался вставать. Так что же получается — профессор был не один... выстрел пришёлся ему в сердце... а вот и пистолет на полу, в крови.

Какая-то ерунда получается.

Убийца застрелил профессора и стал дожидаться, пока тот восстанет и загрызёт его?

Кажется, случилось когда-то где-то что-то подобное на почве страсти.

— Теперь уж совсем без вариантов, — сообщил я профессору, подходя ближе к столу. Виктор Аристархович засуетился, опустил одну руку и принялся скрестить ею о столешницу, будто подгребая ко мне.

Я размахнулся и одним ударом мачете снёс ему голову.

Повернулся и направился к мужчине, уже вставшему на четвереньки. Очень удобно, если честно.

— У-у-э? — протянул мужчина.

Я примерился и отрубил голову и ему.

Вот и все.

Мир стал чище.

Хотя уборку в кабинете придётся делать капитальную. Хорошо, что ковров нет.

Я спрятал пистолет и снова взял рацию — она уже вторую минуту вибрировала на поясе.

И слышал шорох за спиной.

Их тут что, трое было?

От растерянности я словно затормозил, повернулся плавно и неспешно.

В балконных дверях стоял, разглядывая учинённое мной побоище, грузный немолодой мужчина в мятом старомодном костюме. Вначале, глядя против света, я принял его за человека.

А потом увидел голубовато-серую кожу.

Это был квази. Это был чёртов квази!

Мгновение мы смотрели друг на друга.

Потом все понеслось очень быстро, как оно и бывает в таких случаях.

Я выпустил рацию и схватился за рукоять пистолета. Квази перепрыгнул через стол, одной рукой схватил меня за запястье правой руки, с мачете, другой рукой — за левое запястье, не давая вытащить пистолет. Мы молча боролись, он был силён, как и положено их породе, но я был слишком зол и напуган, чтобы уступить.

Головой я изо всей силы ударил его в лицо, одновременно коленом — в пах. Квази отпрянул, долю секунды колебался, а потом бросился к балконной двери. Я, упав на одно колено, выпустил две пули ему в спину, но, нажимая на спуск, уже понимал, что промажу.

А квази, не оборачиваясь, перемахнул через перила и полетел вниз.

Когда я выскочил на балкон, квази как раз выбегал со двора. Его грузная фигура мелькнула и исчезла за углом соседнего дома.

Мне хватило ума не стрелять. Ну и, конечно же, не прыгать. Я не квази, чтобы шутя сигать с десятиметровой высоты...

Я посмотрел вниз — там ли консьержка. Но её у подъезда не оказалось.

Проклятье!

— Гражданин следователь! — донеслось от дверей квартиры. — Гражданин следователь, у вас всё в порядке?

— Я не следователь, я дознаватель! — пряча пистолет в кобуру, откликнулся я. — Всё в порядке.

Вернувшись к тому месту, откуда я стрелял в квази, я прикинул угол. Все было в порядке, пули ушли в небо, а не улетели в окна соседних домов. Благослови, Господи, низкую застройку в центре и вколоченные в подкорку рефлексy.

— Виктор Аристархович... — тоскливо воскликнула консьержка, оказавшись в дверях кабинета. — Ах, Виктор Аристархович, как же вы так! Зачем же вы так...

Я покосился на неё и решил, что она совершенно искренна. За её спиной маячил дворник — молодой таджик с лопатой в руках. Лопата была штыковая, хорошо наточенная, и я кивнул таджику с одобрением.

— Вы не видели этого, второго? — Я катнул голову носком ботинка.

— Нет! — Консьержка замотала головой. — Нет, нет! Он не входил! Вот как супруга профессора вышла, я всё время на месте была. Никто не входил!

— У вас же есть камера в подъезде? — уточнил я. — Не волнуйтесь, посмотрим, как и что...

— Я его видел, — сказал таджик, сглатывая. Русский язык у него был чистый, видимо, вырос парень уже в Москве. — Он рано-рано через двор проходил, я мусорные баки вывозил.

Я снова посмотрел на консьержку.

— Я с семи на смену заступила, — поспешно сказала она. — А ночью сегодня не было сменщицы, но дверь подъезда закрыта, разве что впустил кто из жильцов...

— Вас никто ни в чём не обвиняет, — сказал я. — Разберёмся. А пока покиньте место происшествия.

Только после того как консьержка и дворник, все ещё нёсший лопату наперевес, вышли, я позволил себе снова взять рацию.

* * *

Полицейский участок у нас маленький, потому что мы расположены в центре. Конечно, тут тоже живут люди, да и офисов-магазинов вокруг полно. Но всё-таки с окраинными спальными районами не сравнить. Работы меньше, персонала, соответственно, тоже. Да и те, кто есть, занимаются большей частью ворами и мошенниками.

Зато дознаватель по смертным делам один.

Это я.

— Денис, ты понимаешь, что ты у нас единственный дознаватель по смертным делам? А?

Я посмотрел на начальника участка и кивнул:

— Да, Амина Идрисовна. Я понимаю.

Если начальник полицейского участка женщина — это уже плохо. Если это женщина восточная — совсем ужасно. Не потому, что женщина или восточная женщина чем-то уступает мужчине на такой работе. Нет, не уступает. Но чтобы доказать всем и вся, что ты можешь командовать несколькими десятками суровых мужиков, женщине (а тем более восточной женщине) приходится долго и старательно всем доказывать, что у неё тоже есть яйца, причём стальные и весом в пуд. А к тому моменту, когда ни у кого вокруг нет в этом и тени сомнений, жёсткость становится привычкой и образом жизни.

— Так какого хрена у тебя, капитан, из двадцати выездов на смертные случаи — тринадцать обезглавленных трупов?

— Это опасная работа, Амина Идрисовна, — очень неудачно сказал я.

— Ах, опасная? — с подозрительным сочувствием воскликнула подполковник Даулетдинова. — Да что ты говоришь? Очень страшно было, да?

Красивая ведь тётка, в самом соку ещё. Муж есть. Трое детей — когда родить-то успела? Интересно, дома тоже

она командует? Или дома всё, как положено, муж — господин?

— Амина Идрисовна, я виноват, — вздохнул я. — Ну посудите сами, ничто не предвещало... Консьержка заподозрила, что профессор застрелился. Я тоже так подумал, вошёл, соблюдая осторожность... профессор уже встал, но я только потянулся за сетью, а на меня набросились сзади! И профессор сразу ускорился, вы же знаете, он поел, а они как поедят — быстрые...

— Я вижу, что ты врёшь, — сказала подполковник с презрением. — Хотя не во всё... Ты и впрямь о втором не подозревал. Но ты мог успеть их обездвигнуть. Не сомневаюсь.

Я вздохнул.

— Ты хороший человек, Денис, — неожиданно сказала Амина Идрисовна, и я напрягся. — Мне очень не хочется тебя увольнять. Но на тебя было уже три заявления от квази.

— Два! — поправил я.

— Три. С тем баскетболистом. С мальчиком, которого сбила машина. И вот сейчас, с профессором и его убийцей.

— Когда успели-то, — пробормотал я, лихорадочно соображая.

— Днём, ты ещё и в участок не успел вернуться. — Начальник нахмурилась, её явно тоже смутила скорость реакции квази. — Там на месте никого не было, когда ты восставших укоротил?

— Ни одной живой души, — ответил я.

— Очень, очень всё плохо, — сказала Амина Идрисовна, прогуливаясь по кабинету. Я сидел, как провинившийся школьник, и следил за ней краем глаза. — Норма окончательной смертности при задержании восставших — двадцать процентов. У тебя шестьдесят пять. Тебя надо увольнять. В лучшем случае — в лучшем, Денис! — могу отправить тебя на бумажную работу. Устроит?

Я молчал. Не стала бы она заводить такой разговор лишь для того, чтобы сообщить об увольнении или переводе. Время не стала бы тратить, будь всё решено.

— И никаких вариантов? — спросил я, не поднимая глаз.

— Будешь работать в паре, как во всех нормальных участках.

Это было неприятно. Но это было меньшее из зол.

— Если так необходимо... — Я вздохнул. — У нас штатное расписание забито, с кем же я буду...

— Это тебя пусть не волнует, — ответила начальник. — К счастью, квази сами предложили вариант. — Она нажала кнопку на селекторе и скомандовала: — Пусть Михаил Иванович войдёт.

Дверь кабинета открылась, и внутрь вошёл, очевидно, Михаил Иванович.

Немолодой, грузный, в старом пиджаке с широкими лацканами.

С кожей серо-голубого оттенка.

Квази.

Тот самый, в которого я стрелял сегодня утром.

У меня внутри всё похолодело.

— Михаил Иванович, познакомьтесь, это Денис Симонов, наш дознаватель по смертным делам, — сказала Амина Идрисовна. — Очень старательный сотрудник.

— Я заметил, — сказал квази, протягивая мне руку. — Михаил Иванович.

Никаких эмоций у него на лице не было. Ну и откуда им там быть, у квази. Ни иронии, ни злости, ни злорадства.

— Михаил Иванович только сегодня прибыл из-за МКАДа, — продолжала Амина Идрисовна. — У него очень хорошие рекомендации, он... Михаил Иванович, вы же были сотрудником правоохранительных органов до... в прошлой... в прошлом?

Приятно видеть, что наша суровая начальница может замяться.

— В прошлой жизни, до смерти, я был участковым, — сказал Михаил Иванович. — В маленьком городке Мышкине, в Ярославской области.

Он так и продолжал стоять с протянутой для рукопожатия рукой, глядя на меня.

— Денис Игоревич! — с нажимом произнесла начальник.

Я встал и протянул квази руку.

— Денис Симонов, капитан, дознаватель смертных дел, — сказал я.

И пожал руку мертвяку, в которого сегодня безуспешно стрелял.

Рука Михаила была крепкой (неудивительно) и горячей (само собой). У квази нормальная температура тела — тридцать семь целых девять десятых градуса. А ещё они в полтора-два раза сильнее среднестатистического человека.

— Я уверен, что мы сработаемся, — сказал квази. — Зовите меня просто Миша.

— Непременно, — ответил я и улыбнулся. — Зовите меня просто Дениска.

Мы смотрели друг на друга, крепко сжав ладони.

— Очень мило, — с сомнением сказала начальник. — Я рада. Тогда, возможно, вы закончите дело, которым с утра занимался Денис? В качестве вживания в обстановку... простите, Михаил Иванович!

— Ничего страшного, — ответил квази, не поворачиваясь к ней. — У меня нет предубеждений к слову «жизнь». Это ведь только слово. Пойдёмте, Дениска?

— Пойдём, Мишка! — сказал я.

И так, держась за руки, мы вышли из кабинета нашей суровой восточной начальницы. Я широко улыбался, Михаил смотрел на меня.

В коридоре участка никого не было.

Мы отошли от дверей на два шага и остановились.

— Ну? — просто спросил квази.

— Если ты хоть кому-то скажешь хоть единое слово... — прошептал я.

Увы, он ждал продолжения. Пришлось продолжить.

— Я тебя зарюю, нежить.

— Мёртвого не так легко убить, юноша, — сказал Михаил Иванович, старый квази, только утром приехавший в Москву из земель мёртвых.

— Я умею, — сообщил я.

Он пожал плечами.

А в следующую секунду я оказался прижатым к стене, и ноги мои не доставали до пола с полметра. Старый мёртвый участковый держал меня одной рукой, сгребя в кулак форму так, что затрещали лацканы, а от рубашки полетели пуговицы.

— Убить квази — это тебе не детей несмышлёных обезглавить, Денис, — холодно сказал он.

Впрочем, холод мне, конечно, только почудился. Не умеют мёртвые ни любить, ни ненавидеть.

— Вниз посмотри! — прохрипел я.

Он опустил взгляд.

Дуло моего пистолета почти упиралось ему в подбородок, а палец лежал на спусковом крючке.

— Третий раз я не промахнусь, — сказал я.

— Скорее всего, — согласился квази.

И разжал руку.

Я рухнул, больно стукнувшись пятками и едва не прикусив язык. Зато устоял. И даже пистолет держал более-менее точно нацеленным.

— У нас есть два варианта, — спокойно сообщил квази. — Первый — я иду обратно и сообщаю подполковнику Даулетдиновой, что сегодня утром наблюдал, как ты без всякой необходимости обезглавил двух восставших, вместо того чтобы обездвигнуть их и передать нам для возрождения. Ты убил двух потенциально разумных существ, капитан.

— Это надо доказать, — прошептал я.

— Квази не лгут, и это всем известно, — сказал Михаил Иванович. — Второй вариант — мы отбрасываем взаимные предрассудки и неприязнь, после чего начинаем...

— Жить заново? — вставил я максимально язвительно.

— Я хотел сказать — работать с чистого листа, — ответил квази. — Но твой вариант тоже годится, спасибо.

Он замолчал.

Я тоже заговорил не сразу.

— Сколько вам лет, Михаил?

— Можно просто Миша. Я умер в две тысячи семнадцатом, мне было шестьдесят четыре года. Возвысился я очень быстро, буквально через неделю. Так что, если отсчитывать от человеческого рождения, мне семьдесят четыре.

— Так вы из самых первых, Михаил?

Он кивнул. И продолжил ждать.

— Мне тридцать лет, — сказал я. — Когда всё началось, я был двадцатилетним сопляком, вокруг которого мир сошёл с ума. И я видел... много чего видел. Я вас ненавижу. Что восставших, что возвысившихся. Все вы одна порода — нежить.

Михаил Иванович продолжал стоять и смотреть мне в глаза.

— Это чтобы не было недопониманий, — уточнил я.

— Так какой вариант мы выберем? — терпеливо спросил квази.

— Не надо тревожить подполковника, — сказал я. — Она хорошая тётка.

— Полагаю, мы сработаемся, — сказал мёртвый участковый. — Работа в паре даёт массу способов для достижения взаимопонимания.

Я кивнул.

Работа в паре даёт ещё и массу способов для убийства партнёра.

Но этого я, конечно же, говорить не стал.

— Мы вместе. Мы справимся, — сказала Ольга. — Обязательно. Дениска!

Я смотрел на неё не отрываясь. Голова плыла, и не от удара — от безумия происходящего. Хотелось сидеть на месте и не двигаться...

Ольга размахнулась и дала мне пощёчину.

Почему-то я закашлялся. Потом потёр лицо и сказал:

— Дожили. Год как поженились, а жена уже бьёт меня...

— Ты как? — спросила Ольга.

— Ничего. Уже ничего, — сказал я, встал с пола и осторожно выглянул в окно.

На улице было пусто.

Тогда я повернулся и посмотрел на то, что лежало на полу.

Проще всего было сказать «посмотрел на труп человека, которому моя жена кухонным ножом отрезала голову».

Но это было бы не совсем верно. Мертвецом этот молодой парень, наш ровесник, был и раньше. Вот только труп шёл к нам, издавая какие-то невнятные булькающие звуки, то ли завывая шёпотом, то ли постанывая. Глаза у него были пустые, но следили за нами. Ноги разъезжались, но он не падал. Половина лица у него была не то разбита, не то объедена... даже не хочется думать кем.

Но когда я бросился к нему и попытался оттолкнуть, восставший мертвец одним ударом сбил меня на пол. И пока я лежал, слегка оглушённый, он начал наклоняться надо мной...

Вот тут-то Ольга его и убила окончательно. Схватила сзади за волосы, запрокинула голову назад — и несколькими движениями отрезала голову. Тем самым здоровенным острым ножом, что забрала утром на кухне ресторана. Из перерезанного горла прямо на моё лицо потекла какая-то густая жижа, похожая на почти свернувшуюся кровь...

— Как ты думаешь, не заражусь? — вытирая лицо полотенцем, спросил я.

Ольга пожала плечами. Кто мог ответить на этот вопрос? Да никто.

— Ты его... резко так. — Я понял, что не могу сказать «убила».

— Я с пяти лет на охоту с отцом ходила.

— Но там звери.

— И это не человек.

— Стыдно, — сказал я. — Я должен быть защитником, а не ты...

— Дениска, ты всё сделал правильно. Нож был у меня. Ты его отвлёк, я его прикончила. Мы вместе. Вдвоём мы справимся.

Я смотрел на Ольгу и думал про то, что не знал свою жену по-настоящему. Говорил мне отец: «Когда женишься до двадцати, то женишься не на женщине, а на своих фантазиях».

Но знаете что?

Эта женщина оказалась лучше моих фантазий.

— Мы справимся, — сказал я и улыбнулся. — Мы банда!

Ольга тоже улыбнулась и сразу посерьёзнела.

— Денис, обещай мне одну вещь. Если меня укусят, или что-то ещё... Ты меня убьёшь. Ладно? Чтобы я не превратилась вот в такое...

Я ответил не сразу, и она продолжила:

— Я тебе это обещаю.

Сглотнув вставший в горле ком, я кивнул:

— И я обещаю. Но мы выберемся. До Москвы недалеко. По радио говорят, что за МКАДом всё спокойно.

— Обязательно выберемся, — кивнула Ольга. — Ради него.

Мы посмотрели на кровать.

Сын спал крепким младенческим сном.

Народ у нас в отделении сдержанный. Про Михаила все уже знали и все старательно делали вид, что ничего особенного не происходит.

Впрочем, что тут особенного?

Мало ли в Москве квази? Тысяч пятьдесят, пожалуй. Большинство живут в своих районах, на Юго-Западе и на Люберецких Полях, но и среди людей их много. Да и в тех случаях, когда мне не удавалось убить восставших, а приходилось привозить их в отделение, за ними приезжали квази.

Я даже здоровался с ними. Даже жал руки. Надо соответствовать высоким стандартам московской полиции. Мы выше предрассудков, мы выше гендерного, расового или витального неравенства.

Но работать в паре с квази!

— Денис, давайте определимся, как мы друг друга зовём, — сказал Михаил.

— Давайте, — идя через участок и кивая встречным, ответил я. — Например, я буду вас звать Геной.

— Почему Геной? — искренне поразился Михаил.

— Ну вы же предлагаете выбрать друг другу какие-то прозвища, позывные? Вы будете Геной, я — Чебурашкой.

— Я предлагаю решить, на «ты» или на «вы» мы разговариваем, — терпеливо пояснил Михаил.

— А... — протянул я. — Вы старше, надо бы к вам обращаться по имени-отчеству. Но мы же теперь партнёры, это может быть неудобно в рабочей обстановке. А кто вы по званию?

— У нас нет полиции в вашем понимании, — сказал Михаил. — И званий нет. Я — личный инспектор Представителя.

— О! — потихоньку ускоряя шаг, сказал я. Не нравилось мне, как на меня поглядывали сослуживцы. Слишком много плохо скрытой иронии. Ни для кого в участке моё отношение к восставшим и квази не секрет, много будет сегодня разговоров... — Так вы птица высокого полёта, Михаил! Но звания у вас нет, как же вы будете...

— Я был майором полиции и формально остаюсь в этом звании, — сказал Михаил. — Вас устроит такой вариант, капитан Симонов?

Ну надо же! Если это и не эмоции, то что-то максимально к ним близкое.

— Устроит, Миша! — воскликнул я, останавливаясь и кладя руку на плечо квази. — Будем на «ты»!

Торжествовал я всего секунду. Михаил кивнул и хлопнул по плечу меня.

— Замечательно. Я на это и рассчитывал, Денис.

Он меня подловил! Этот кусок тухлого мяса понял, что я выберу любой вариант, который не выберет он... и подловил меня. Как ребёнка, которому говорят «нет-нет, не надо идти спать!». Как собачку, которой протягивают таблетку — потом отдёргивают руку, потом снова протягивают, потом снова отдёргивают... пока глупая собака не хватает и не проглатывает горькое лекарство.

— Только не бросай меня в терновый куст, — сказал я. — М-да.

Мы вышли из участка, я молча направился к своей машине, квази так же молча обошёл её и сел на переднее сиденье.

— Что предлагаешь делать, партнёр? — спросил я дружелюбно.

— Продолжать расследование смерти профессора Виктора Аристарховича Томилина.

— Причина смерти — отсечение головы, произведённое дознавателем Денисом Симоновым, — ответил я.

— Я говорю о первой смерти.

Вздохнув, я завёл мотор и сказал:

— Он был застрелен грабителем. Квартира богатая... сам видел. Грабителя видел дворник, и его записали камеры наблюдения. Очевидно, грабитель дожидался в подъезде, пока жильцы уйдут, но не заметил, что вышла лишь жена Томилина. Он вскрыл дверь, вошёл, наткнулся на хозяина и выстрелил. Но грабитель просчитался, профессор восстал очень быстро и покарал своего убийцу.

— Как быстро восстал профессор?

— Быстро. Двадцать пять минут, минимальный срок, в первом классе учат.

— Верно. И грабитель, прекрасно знающий, что жертва может восстать, полчаса рылся в вещах? Подпустил к себе медленного, голодного восставшего? После чего, погибнув, тоже восстал за минимальный срок, как раз к твоему приходу?

— Маловероятно — не значит невозможно, — упрямо сказал я.

Квази даже не стал ничего отвечать в ответ на такую очевидную глупость.

Я вздохнул и выехал со стоянки. Москва, конечно, нынче не так забита автомобилями, как раньше. Скажем прямо — на дорогах просторно. И бензин дорог, и места для двадцати миллионов человек внутри МКАДа не так много, чтобы позволять всем ездить на личном транспорте.

И все же в Пушкинском переулке оказался небольшой затор, сквозь который мы и поползли к Трубной, чтобы развернуться к Сретенке.

— Я не столь хорошо знаю Москву, — неожиданно сказал квази, — но мне кажется, что от участка до места преступления — одна минута пешком. Может быть, две. Куда ты собрался ехать?

— На работу к его жене. То есть вдове. Минут за двадцать доедем, — ответил я.

— Зачем?

— Её оповестили о смерти мужа, но она сказала, что не сможет вернуться раньше окончания рабочего дня. Довольно странное поведение, верно?

Михаил удовлетворённо хмыкнул. Мы выехали на Сретенку, и он спросил:

— А ты уже знаешь, о чем хочешь её спросить?

— Есть мысли, — уклончиво ответил я. — А пока лучше ответь ты, Михаил.

Квази вздохнул:

— Ценю твою сдержанность. Я ждал, когда ты спросишь.

— Считаю, что спросил.

— Я прибыл в этот дом, потому что у нас имелась информация о готовящемся преступлении.

Вот как! Нет, понятно, что совпадений не бывает, а значит, одно из двух — либо сам Михаил убийца, либо он

знал о возможном убийстве. Но приятно, что хоть в этом он не темнит.

— Откуда информация?

— Информатор пожелал остаться неизвестным, — быстро сказал Михаил.

Ясно. Врать квази не умеют, но уклоняться от вопросов могут запросто.

— Но ты ему... или ей... доверяешь?

— Доверяю всецело и абсолютно, — сказал Михаил с какой-то даже торжественностью в голосе. — Информация была верна, но я не успел. К сожалению, я не успел...

— А что так?

Михаил вздохнул. Нет, стоп, он не вздохнул, он изобразил вдох! Квази, конечно, тоже дышат, но у них всегда ровное дыхание, лишь при очень больших нагрузках немного учащается.

— Пробка.

— Пробка? — воскликнул я. — Никаких неожиданных встреч, звонков и рукотворных препятствий?

— Увы. Случайность.

— Что-нибудь ещё, что может помочь в поисках убийцы? — спросил я.

Некоторое время Михаил размышлял. Потом покачал головой:

— Нет. Все остальное к этому убийству не относится.

Ответ был уклончивый, но лучше, чем ничего.

Мы ехали по Садовому кольцу, где тоже начиналась традиционная вечерняя пробка. Потихоньку темнело.

Да уж. Пробки, бич больших городов. Пробки убивают. После катастрофы число машин в личном пользовании упало раз в пять. И всё равно пробки остались! Как мы вообще куда-то ехали и доезжали раньше?

— А как там у вас, в Питере? — спросил я.

— У нас пробок нет. Мы редко пользуемся персональными автомобилями.

— Но у вас ведь живут живые.

— Двенадцать с половиной процентов, — кивнул Михаил. — Но они тоже предпочитают метро и велосипеды.

— У вас зима теплее, — буркнул я. Конечно, я видел по телевизору сюжеты из столицы не-живых, все эти толпы квази на велосипедах, аккуратными рядками едущие по Невскому... Но когда говоришь с квази, нормально так говоришь, как с человеком, а потом представляешь толпы мёртвых велосипедистов — то дрожь пробирает от этой картины.

Впереди мелькнула буква «М», и я прижался к обочине. Сказал:

— Пожрать не успел. Будешь?

Михаил помедлил, глядя на меня. Потом кивнул:

— Да. Квази-бургер.

— Знаю.

Я вышел из машины, забежал в «Макдональдс», беззастенчиво махнув удостоверением, пробился сквозь толпу подростков к кассам.

— Чизбургер и квази-бургер. Большую колу, большую воду.

На меня не ворчали, даже молодёжь. Всё-таки за последние десять лет уважение к полиции и армии сильно возросло. Со своей добычей я вернулся в машину, вручил Михаилу его суррогат, распаковал свой, и мы медленно двинулись в правой полосе.

Я жевал свою котлету с сыром, запихнутую в безвкусную булку, и краем глаза косился на Михаила. Тот ел квази-бургер — лук, зелень, огурцы, помидоры и баклажаны. Запихнутые в точно такую же булку, как у меня.

— Тебе никогда не хочется мяса? — спросил я.

— Ты же знаешь, что все квази — вегетарианцы.

— Знаю. Я спрашиваю про желание.

— Мы своё мясо уже съели, — ответил Михаил. Помедлил, потом кивнул: — Да, это прозвучало грубо. Извини. Но мы вегетарианцы, и нам не хочется ни мяса, ни рыбы, ни сыра.

Он снова стал жевать, но когда мы проехали с квартал, внезапно сказал:

— Мне иногда хочется молока. Я попробовал. Вырвало.

— Соевое? — предложил я.

— Гадость. Но я пью его. С искусственным мёдом. Тоже гадость. Я чувствую любые химические примеси. Даже следы фосфатных удобрений на этом листке салата... хотя его долго и хорошо мыли. У себя мы стараемся есть только органически выращенные овощи.

На мгновение мне даже стало его жаль. Но тут он добавил:

— Но при этом отравить меня крайне сложно. Я могу есть человеческие яды ложками, мне они не повредят. И мясо тоже не убьёт. Всего лишь будет отторгнуто.

Отторгнуто... Как деликатно сказано... Я снова покопился на Михаила и спросил:

— А скажи тогда... напарник. Твой дурацкий костюмчик — тот самый, в котором ты возвысился?

Квази оглядел свой пиджак, будто первый раз в жизни. Отряхнул какой-то волосок с лацкана. Сказал:

— Нет. Тот был запачкан и порван. Но в провинции много маленьких городков и много заброшенных магазинов. Я всегда выбираю одно и то же. Это привычка.

— Это не привычка, это косность, — сказал я с неожиданной злостью.

— Косность, — согласился квази. — Мы не способны к развитию, это правда. Я смотрю старые фильмы, читаю старые книги и ношу старую одежду. Плата за возвышение.

— Может, тогда не стоит считать это возвышением? — сворачивая к институту биохимии и паркуя машину, сказал я.

— Возвыситься можно и с самого дна, Денис, — мягко ответил квази. — Если ты какое-то время просуществовал беспмятным кровожадным зверем, то нынешнее состоя-

ние становится очень привлекательным. Несмотря на минусы.

Мы вышли из машины. За спиной шумело Садовое, здание института было уже полутёмным, хотя, судя по отдельным светящимся окнам, кто-то ещё работал.

— Не понимаю его жену, — сказал я. — Как можно остаться на работе, зная, что муж погиб?

— Ну ведь она уже ничего не может изменить, — с укором сказал Михаил. — Вот я её вполне понимаю.

Через секунду до меня дошло.

— Чёрт! — воскликнул я. — Чёрт, чёрт, чёрт!

Несмотря на серовато-голубую кожу, женщина была красива. Может быть, потому, что возвышение застало её в самом расцвете сил и красоты — где-то на грани тридцати лет. Квази, кроме цвета кожи, внешне не отличался от своего человеческого облика и не пользовались косметикой. Так что это была её внешность. Природная.

А вот тёмно-серый брючный костюм, красные туфли и красная блузка, прекрасно гармонирующие с серовато-синей кожей, — это уже её личный вкус.

— Примите мои искренние соболезнования, Виктория... Э...

— Андреевна, но это не важно, — ответила женщина квази. — Просто Виктория.

— Мы предпочитаем короткие имена, — кивнул Михаил.

Они с Викторией обменялись взглядами. Виктория кивнула. Мы сидели в холле, вокруг маленького столика. Институт, к моему удивлению, выглядел не унылым функциональным научным учреждением, а очень не бедным и очень современным. Такие вот уютные уголки отдыха в холлах, с хорошими кофейными автоматами, причём бесплатными, великолепный ремонт, приятные и хорошо подобранные краски, хорошая кожаная мебель, красивые шторы на окнах. Нет, лаборатории тоже выглядели очень

современно, но у нас обычно не жалеют денег на аппаратуру, зато на всё остальное не обращают внимания. А тут, похоже, старались создать впечатление домашнего уюта, чтобы сотрудники не стремились уйти с работы.

На стене висела огромная доска объявлений — со старой стенгазетой (такие сохранились почему-то только в научных заведениях), где поздравляли женщин с 8 Марта, с объявлениями от профсоюзного комитета, с предложениями летнего отдыха для семейных сотрудников в Евпатории, с графиком работы секции «Юный биохимик» и прочей ненужной информацией. И впрямь, не институт — а второй дом...

— Вам звонили из отделения... — продолжил я.

— Понимаю, вы удивлены тем, что я не бросила работу и не вернулась домой, — спокойно ответила квази. — Но у нас идёт важный эксперимент, моё присутствие необходимо. Виктору уже ничем не помочь, а он был предан работе и поймёт меня. Уверена.

Я нахмурился. Что она несёт...

— Виктор и Виктория, очень красиво, — неожиданно сказал Михаил. — Вы были женаты до вашего возвышения?

— Нет, мы впервые познакомились уже здесь, в институте, три года назад, — ответила Виктория. — Но вы правы, Виктор считал это знаком. Люди склонны к маленьким суевериям.

— У него были враги? — спросил Михаил.

— Не более чем у любого молодого талантливого учёного. Но это не те враги, которые пускают пулю в сердце. Мне сказали, что его застрелил грабитель?

Михаил кивнул.

— А потом он восстал и убил грабителя? — продолжала Виктория.

— Всё так, — сказал Михаил.

— Можно сказать, что справедливость восторжествовала, — произнесла Виктория. — В этом есть высшая ло-

гика. Грабитель хотел его убить, а в результате погиб сам и навсегда.

— Наверное, вы не дослушали сообщение, — предположил я. — Потому что со справедливостью вышло... не очень.

Виктория приподняла одну бровь. Очень человеческим и очень ненатуральным жестом.

— Когда дознаватель вошёл в квартиру, там было уже двое восставших, — сказал я. — Дознаватель был вынужден применить оружие. Они мертвы. Окончательно мертвы. Им отрубили головы.

— Как? — спросила Виктория. И моргнула. Лицо у неё стало глупое, как у обычной живой женщины.

— Мачете.

— Я не об этом, идиот! — закричала Виктория. — Как, как, как это произошло? Почему это произошло? Это неправильно, так не должно было произойти!

— Преступление не может быть правильным по определению, — сказал Михаил.

Виктория мгновенно успокоилась.

— Вы правы. Но это очень печально. И очень несправедливо. Виктор был очень талантливый учёный. Это огромная потеря.

Разумеется, она не выглядела страдающей. Удивительно было то, что она вообще повысила голос и принялась ругаться. Квази, которая любила мужа? Чушь. Она могла его любить после смерти и возвышения только в одном случае — если они были знакомы раньше.

А они не были.

Она могла любить секс. Банально любить секс так, что после смерти и возвышения эта черта её личности стала основной. Квази развиты односторонне — то, что было для тебя главным при человеческой жизни, останется твоей единственной целью на грядущую вечность. Вот Михаил был полицейским, и, похоже, хорошим. Он стал полицейским-квази, пусть они и называют эту работу иначе.

Мелкий политик, мэр провинциального городка, после возвышения стал гениальным политиком — и превратился в Представителя, главу всех квази России. Он остановил войну между живыми и мёртвыми, точно так же, как её остановил в Германии лидер партии зелёных, а в Штатах — губернатор Калифорнии.

Виктория могла любить секс или семейную жизнь и выйти замуж за человека. Но смерть этого человека не должна её тронуть. Человек для неё был бы лишь винтиком в механизме, который легко заменить.

Да если даже она его и полюбила! Хорошо, допустим, что смыслом её новой жизни была любовь. Так убивать-то зачем?

Что-то не сходится.

Ничего не сходилось!

— Вся наша работа теперь надолго остановится, — с явным разочарованием говорила Виктория. — Пока мы найдём того, кто заменит Виктора, пока он войдёт в курс дела...

Так вот оно что. Противно, но не преступно. Она переживает, что её покойный муж не сможет продолжить свою работу.

— Сочувствую, — продолжал тем временем Михаил. — А над чем он работал?

— Никаких глупостей из разряда «излечить всех восставших», если вы об этом. — Виктория поморщилась. — Рядовые скучные исследования вируса ветряной оспы. Ищем новые лекарства. Через пять лет, если повезёт, эти разработки дадут неплохую прибыль.

— Зачем её лечить-то, — сказал я. Не нравилась мне эта женщина, и дело было не в том, что она квази. — Зелёнкой помазать — и пройдёт. Все болели когда-то.

— Дети переносят легко, взрослые — крайне тяжело, — пояснила Виктория. — Лекарство востребовано.

Михаил покивал. Спросил:

— Можем мы посетить ещё раз вашу квартиру? Тела уже увезли... ещё раз соболезнуем. Но вдруг что-то осталось незамеченным?

— Пожалуйста. — Виктория небрежно взмахнула рукой. — Я, вероятно, сегодня останусь ночевать на работе. Будет очень одиноко в пустой квартире. У нас тут хорошие комнаты для отдыха...

Её уже явно не волновал мёртвый муж. И то, что мы будем делать в квартире, — тоже. Она не боялась, что мы там что-то найдём.

— А я ведь вначале подумал, что вы как-то причастны к смерти мужа, — сказал я неожиданно для самого себя.

Михаил посмотрел на меня, но ничего не сказал.

— Как? — спросила Виктория. Она уже начала было привставать, но при моих словах села снова. — Насколько я понимаю, убийство произошло после моего ухода. Уже когда я была в институте.

Я кивнул.

— Здесь моё пребывание постоянно контролируется. — Виктория указала взглядом на потолок, на поблёскивающую линзу камеры. — Я никуда не выходила из здания. Допустим даже, что это я наняла убийцу. Но разве могла я уговорить его остаться наедине с мёртвым телом и послужить восставшему кормом?

— Если мы продолжим это занятное теоретизирование, — сказал я, — то вы могли нанять человека: убить вашего мужа, а потом что-то найти в квартире. Мы выяснили его личность, это преступник, уже дважды сидевший за грабёж. Он застрелил вашего мужа...

— И стал что-то искать, прекрасно зная, что мёртвый вот-вот восстанет? — Виктория улыбнулась. — Нелепо. Он бы отрубил трупу голову или хотя бы связал мёртвого. Восставшие поначалу слабы и неповоротливы. Зачем же служить кормом?

— Да, — сказал я, глядя на Викторию. — Это и впрямь нелепо. Никто не согласится на такую смерть.

Михаил встал.

— Простите моего коллегу за его предположение, — сказал он. — Денис не очень доверяет нам. Что, конечно же, нелепо. Простите за беспокойство. Наши соболезнования.

— Всё в порядке, — сказала Виктория, вставая.

Встал и я. Что-то было не так, что-то было неверно.

Но у меня не было никаких доказательств, никакого мотива и никакой связи между убийцей и Викторией.

— Было очень приятно с вами познакомиться, — внешне сказал Михаил. И поцеловал Викторию в губы.

Женщина-квази вздрогнула и отшатнулась от мужчины-квази.

Михаил облизнул губы. Язык у него тоже был синий.

— Очень необычно, — сказал он. — Не могу сказать сразу, что это за вещество. Но я полагаю, оно было на ваших губах с утра? С того момента, как вы, выйдя за дверь, поцеловали нанятого вами... или, правильнее сказать, соблазнённого вами человека в губы, впустили в квартиру и ушли? Сколько у него было минут, прежде чем его разбил паралич? Пять, десять? Пятнадцать? А потом он был в сознании? Видел, как ваш мёртвый муж встаёт и бредёт к нему, чтобы начать питаться?

Виктория одной рукой схватила тяжёлое кожаное кресло, вздёргнула в воздух и обрушила на голову смешного старого полицейского.

Будь он живым — она бы его убила. Даже если бы он успел прикрыться руками.

Но они оба были квази, и Михаил отбил удар.

Виктория бросилась прочь из холла. Я кинулся за ней, выдёргивая пистолет из кобуры.

— Не стрелять! — крикнул Михаил, проносясь мимо меня. Фалды старого пиджака развевались за его спиной. — Не смей, дурак!

Я опустил пистолет и, сжимая перед собой двумя руками, побежал следом за ними.

Михаил догнал Викторию у лестничного пролёта. Прыгнул, повис на спине, сбил — они закувыркались вниз по лестнице. Грохот от удара черепов о ступеньки был такой, что меня передёрнуло. Даже в падении квази пытались разбить друг другу головы — единственный по-настоящему уязвимый орган.

А потом Михаил сломал ей шею.

Услышав мерзкий влажный хруст, я всё понял и замедлил бег. Не хватало мне повторить такое падение... я после него не встану, я после него восстану...

Доставая на ходу наручники — специальные, усиленные, для квази, я спустился к Михаилу. Тот сидел, придерживая подёргивающееся тело Виктории. Свою пару наручников он уже надел ей на ноги. Молча поймал мою, сковал квази руки.

Потом мы минуту сидели и ждали. Я тяжело дышал и сожалел о том, что не курю. Михаил просто смотрел на квази. Он и впрямь был хорошим полицейским — он смотрел на неё с сочувствием.

Потом шея Виктории хрустнула и вправилась. Она открыла глаза. Посмотрела на нас. Подняла руки и изучила наручники. После чего сказала:

— В этом больше нет нужды.

— Ничего, поносите немного, — сказал я. — Зачем? Зачем вы это сделали?

Женщина-квази смотрела теперь только на меня. Потом улыбнулась и спросила:

— Вы когда-нибудь любили?

— Доводилось, — сказал я.

— Я не могла больше смотреть, как мой любимый человек старится, — сказала она. — Теряет форму, привлекательность, ясность ума... Когда-нибудь он стал бы квази... но вот таким... старым и нелепым... — Она презрительно посмотрела на Михаила. — В то время как настоящая, полноценная, высшая жизнь — рядом. Надо лишь умереть, пройти неприятный этап... и воскреснуть. Вечно молодым.

— Вечно мёртвым, — шёпотом сказал я.

— Вечно молодым, — повторила Виктория и замолчала.

— «Любимых убивают все, — сказал Михаил и рывком поднял Викторию со ступенек. — Но не кричат о том. Трус поцелуем похитрей. Смелчак — простым ножом».

— Стихи пишете? — поинтересовалась Виктория.

— Это Оскар Уайльд, дура дохлая, — сказал я. Покоился на Михаила. — И дело не в том, что дохлая, а в том, что дура.

Михаил потёр правый бок, очень натурально вздохнул.

— Рёбра болят. Три ребра, а они почему-то дольше всего срастаются. Денис, вызовите опергруппу, пожалуйста.

Ночная Москва красива. Когда-то я думал, что навсегда разлюбил ночь.

Ничего, привык понемногу...

— Куда тебя отвезти, Михаил? — спросил я.

— В гостиницу «Ленинградская», конечно, — сказал Михаил. — Где ещё остановиться честному квази?

— Ты шутишь, что ли? — мрачно спросил я.

— Пытаюсь. Получается?

Я пожал плечами:

— Не знаю. Как-то не расположен к шуткам сейчас. Напиться хочу.

— Везёт тебе, — кивнул Михаил. Достал мобильник и стал кому-то звонить.

Я не слушал. Я думал, что, наверное, он всё-таки и впрямь шутит.

Мы остановились у гостиницы рядом с шумящей вокзальной площадью. Как раз протяжно гудел, отправляясь, бронепоезд Москва — Казань, идущий сквозь мёртвые земли, где даже квази не чувствуют себя в безопасности среди толп восставших.

— Не думай только, что мы стали друзьями, — сказал я. — Ты всё равно такой же, как она. Нежить.

— Я и не думаю, — покорно согласился Михаил.

Мы выбрались из машины, я поколебался — и пожал ему руку. Горячую даже жарким летним вечером. По улице громыхал, приближаясь, трамвай.

Самый опасный вид транспорта, об этом ещё Булгаков писал. Раз — и голова с плеч. Квази может быть сколь угодно силён, но если он поскользнётся и упадёт под трамвай...

— Завтра нам обещали дать квартиру, — сказал Михаил. — Я некоторое время буду работать в Москве.

— Уже понял, — кивнул я. — Нам?

Трамвай приближался. Я быстро оглянулся. Где здесь камеры... попаду я в кадр или нет, и будет ли понятно, что я не удерживаю квази, а толкаю под трамвай...

Но Михаил вдруг завертел головой, уставился на гостиницу.

— Папа! — Из дверей гостиницы вдруг выскочил мальчишка — маленький, лет десяти, бросился к Михаилу. — Папа, всё в порядке?

Трамвай проехал мимо.

Михаил неловко обнял мальчика — я заметил, что он прижимает его к левому боку.

— Конечно, в порядке. Разве со мной может что-то случиться?

Я отвёл глаза. Ребёнок-квази. Какой ужас. Хуже не бывает.

А потом я посмотрел на них снова.

Мальчик был живой. Розовощёкий, раскрасневшийся, с любопытством смотревший на меня.

Я не прав. Бывает и хуже.

Но почему именно сегодня?

— Это Денис, мой новый напарник, — сказал Михаил. — Он хороший и живой.

— Привет, — сказал я. — Ну и пока! Спешу, дома ждут.

И нырнул в машину так позорно быстро, словно за мной гналась толпа восставших.

* * *

Дома я разулся, стягивая ботинки ногами — в руках был пластиковый пакет из супермаркета. Прошёл на кухню, оставляя на полу влажные следы, носки пропотели за день. Сел за стол, привалился к стене, достал из пакета бутылку водки. Свернул крышку и глотнул прямо из горла.

Жидкое забвение потекло по телу.

Я сидел и смотрел на стену напротив. На фотографию, где Оля стояла у окна, держа на руках младенца. До апокалипсиса оставалось три месяца, Оля улыбалась, и мой девятимесячный сын улыбался тоже.

— Вот ведь как бывает, — сказал я и сделал ещё один глоток.

В пустой квартире не было никого, чтобы мне ответить. Да я и не ждал. Я прекрасно научился говорить сам с собой за десять лет.

Жизнь тем и хороша, что один собеседник у тебя всегда найдётся.

Глава вторая

НЕБО И ВЕТЕР

В июне месяце в Москву всегда приходит буря. Несколько раз подступает к городу, заставляя метеорологов объявлять штормовое предупреждение, и развеивается.

А потом накатывает в полную силу.

Не знаю, собиралась ли буря разыгаться сегодня или просто играла с городом. Но ветер дул нешуточный. По небу неслись плотные низкие облака, полные воды, но пока ещё не пролилось ни дождинки.

— Я сам пойду, — сказал я Михаилу.

— Почему не вместе? — поинтересовался он.

— Справлюсь.

Мы стояли у мусоропровода, откуда вела дверь на маленький технический балкон. Двадцать первый этаж. Шестьдесят метров над землёй.

— Я не разобьюсь, если что, — напомнил Михаил, придерживая меня за руку.

Я покрутил пальцем у виска.

— То есть разобьюсь, — признал Михаил. — Но выживу. В смысле — восстановлюсь. Со временем.

— Тогда мне чего бояться? — спросил я. — Разобьюсь — восстану — возвышусь. Делов-то.

— У тебя в завещании указана кремация, — сказал Михаил. — Не восстанешь.

— Тогда и биться не буду. Пусти!

— Но почему именно ты? Ты вчера много пил. Я чувствую запах.

— У тебя загар неправильный, — объяснил я. — Не надо им сейчас тебя видеть.

Михаил подумал и отпустил руку.

— Разумно. Иди.

Я толкнул дверь и неторопливо вышел на балкончик.

Ого!

Вот это ветрила!

Будь у меня шляпа — она бы улетела.

Будь у меня крылья — я бы сам улетел.

А будь мозги — рванул бы обратно.

Балкончик был узкий, но длинный, метра четыре. Он соединял лифтовую площадку с мусоропроводом и дверь на лестницу. То есть в случае пожара жильцам предстояло петлять при спуске: выбегать на балкон, впуская в горящее здание свежий воздух, и снова нырять в огонь.

Как-то глупо. Впрочем, у нас тут не пожар.

Вначале я посмотрел вниз. Там стояли несколько патрульных машин, пожарная машина, «скорая». И зеваки, куда же без них. И телевизионщики. Ну ещё бы...

Я помахал рукой всем сразу.

Потом повернулся.

Девчонки стояли на старой облупленной тумбе в углу балкона. Вначале я решил, что это просто какой-то ларь. Потом понял, что это старая швейная машинка «зингер». Древняя! Ей же лет сто! Кто такой антиквариат выкидывает?

— Привет! — сказал я громко и дружелюбно. — Ветрено сегодня!

Одна девочка гордо отвернулась. Другая неуверенно кивнула. Было девчонкам лет по пятнадцать-шестнадцать. Они держались за руки, крепко, аж пальцы побелели. И прижимались к стене.

Ту, что кивнула, хорошенькую и рыженькую, звали Юля. Она училась в десятом классе. Неприветливую, ко-

ротко стриженную брюнетку звали Аня. Она училась на первом курсе технического колледжа. Подружками они были ещё с детского сада.

Плохо.

— Девчонки, только один вопрос! — крикнул я. — Вы не беременны?

Теперь и Аня посмотрела на меня. С искренним возмущением.

— Объясняю суть вопроса, — пояснил я. — Если вы восстанете и возродитесь, будучи беременными, то вы останетесь беременными навсегда. Понимаете, какой это ужас?

— Мы не беременны! — с возмущением выкрикнула Юля.

— Мы не проститутки! — поддержала её Аня.

Я присел на корточки. Во-первых, скрываясь от ветра. Во-вторых, такая поза должна их расслабить. В-третьих, из такой позы можно очень резко рвануться вперёд, но вряд ли они это понимали.

— Хорошо! — крикнул я. — Тогда второй вопрос. Если можно! Как звать эту сволочь?

Девчонки переглянулись.

— А вам зачем? — с надрывом воскликнула Аня.

— Надо же знать, кто такой дурак.

— Он не дурак! — сказала Юля. Внезапно посмотрела вниз и испуганно отвела глаза. Хорошо, хорошо...

— Он нас обеих любит! — поддержала Аня. — И не может выбрать! А мы подруги, мы не будем друг друга предавать!

— А зачем предавать? — удивился я. — Он вам обоим нравится? Вы подруги? Ну и живите втроём.

На мой взгляд, это было прекрасное предложение, хотя детский омбудсмен мог бы его и оспорить.

— Он женат! — с надрывом воскликнула Юля. — Сказал, что любит нас, но не может жену бросить!

— Вот козёл, — согласился я искренне. Понятное дело, что мужик просто пытался отвязаться от влюбившихся ма-

лолотов, при этом сильно их не травмируя. Но перестарался. — Девчонки, у вас сигареты есть?

Девчонки переглянулись.

Юля достала зажигалку.

Аня — мятую пачку сигарет, которые ей никто не должен был продавать по возрасту.

— Вам бросить? — спросила Аня.

— Уронишь! — возмутился я. Встал, подошёл к девчонкам (обе напряглись), взял сигареты и зажигалку. Снова сел, но уже поближе. — У меня дочка в вашем возрасте тоже со взрослым парнем встречалась...

По возрасту у меня не очень-то получалась дочка-ровесница Юли с Аней. Но в пятнадцать лет все взрослые на одно лицо.

— И что? — с подозрением спросила Юля.

— Что-что... Дура, вот что! По ней полкласса сохло, а она за учителем бегала... Два месяца в слезах ходила.

— А потом?

— Потом? С другим познакомилась. Двадцать два года, студент МИМИ.

— Мими? — удивилась Аня.

— Московский институт молекулярных исследований, — на ходу придумал я. — Мимишный парень.

Вот это уже лучше. Обе улыбнулись. Тут как на рыбалке — подкормка, крючок, подсечь, вытащить.

— Девчонки, слезли бы вы, а? — попросил я. — Посидим, покурим, поговорим.

Аня и Юля переглянулись. Прыгать они уже не хотели. Может, и с самого начала не хотели, просто завели друг друга в силу свойственной полу и возрасту эмоциональности.

— Не будете нас держать? — спросила Аня.

— Не буду, — пообещал я.

Аня неловко переступила на тумбе. Попыталась присесть, тут налетел порыв ветра, она пискнула и прижалась обратно к стене.

— У меня ноги затекли! — в панике закричала она. Юля схватила её за плечи и сама пошатнулась.

— Стоп-стоп-стоп! — воскликнул я, вставая. — Давай-те помогу.

Они уже не спорили.

Я крепко взял обеих за руки. Потянул вниз.

Юля аккуратно спрыгнула на балкон.

Аня пошатнулась и стала оседать в сторону перил.

— Твою мать! — завопил я, хватая девчонку обеими руками.

— Держите меня, держите! — в панике закричала Аня. В полуприседе она балансировала на краю ветхой поскрипывающей тумбы, всё сильнее и сильнее заваливаясь в сторону края. Я бы её легко вытащил, но ветер навалился мне на спину и теперь толкал к девчонке...

Дверь хлопнула. Михаил в два прыжка оказался возле нас. Одной рукой рванул на себя Аню, другой придержал меня. Мы все вместе рухнули на грязный балконный пол, покрытый голубиным помётом и старыми сплюснутыми окурками.

Юля рыдала. Аня хлопала глазами, засунув в рот палец.

— Вот же дурёхи, — сказал я с чувством. — Держите свою отраву.

Аня вытащила изо рта палец, сменила его на сигарету и лихо запалила ту с фильтра.

Я вздохнул, вытащил у неё изо рта сигарету и затушил.

Буря, похоже, решила сегодня пройти стороной. Тучи всё так же неслись над городом, временами проливаясь короткими холодными ливнями, но ветер ослабел.

— Ты берёшь на себя больше, чем требуется, — сказал Михаил. Я снова был за рулём, он сидел рядом. К его старому костюму добавилась помятая фетровая шляпа, которую он предусмотрительно оставил в машине. — Надо

было дожидаться переговорщика, девчонки не собирались прыгать.

— Их бы сдуло, — сказал я. — А ещё их было двое. Двое друг друга быстро заводят, и в хорошем, и в плохом.

— Тоже верно, — согласился квази.

— Тебе помочь с переездом?

Он немного подумал.

— Да, спасибо. Вещей у нас не много, но ведь положено делать новоселье.

— Кем положено?

— Людьюми, — ответил Михаил.

— А... — Я остановился возле участка. — Ты считаешь себя человеком?

— Одной из трёх разновидностей. Люди. Восставшие. Квази.

— Восставшие, на твой взгляд, тоже люди?

Михаил заколебался, прежде чем ответить.

— Промежуточный этап. Куколка. У насекомых это обычное дело — личинка, куколка, взрослая особь — имаго. Можно найти много параллелей. Личинки обычно хищники, имаго — часто вегетарианцы.

— А восставшие — куколки?

— Это грубое сравнение.

— Не поспоришь. — Я вылез из машины. Михаил, придерживая шляпу, следом. — То есть ты против убийства восставших?

— Я вообще против убийств, — ответил Михаил. — Кого бы то ни было. Только если нет иного выхода.

— Стая восставших идёт на человека. Твои действия?

— Я их останавливаю.

— Их много. Даже квази не могут управлять большой толпой. Стая идёт на человека, у тебя пулемёт, твои действия?

— По ситуации. — Михаил повернулся и пошёл в участок.

Я пошёл следом.

Всё-таки он нежить, и забывать об этом нельзя.

В помещении было прохладно — жара сегодня упала, а кондиционеры, похоже, отрегулировать никто не спешил, так и работали на полную мощность. Народа оказалось не много. Две заплаканные тётки делились с молодым лейтенантом из дежурной части своими бедами. Судя по лицу лейтенанта, ему эти беды казались не огромными и несслыханными, а мелкими и банальными. Ирина из регистрационно-разрешительной оформляла какие-то бумаги худощавому мужчине интеллигентного вида. Наверное, выписывала разрешение на очень большую и страшную пушку.

— У тебя ведь есть свой кабинет? — спросил Михаил.

— Да, разумеется... — Я покрутил головой. — Вон там.

Дверь заедала и открылась с трудом. Через маленькое окошко с трудом проникал свет с улицы, я щёлкнул выключателем, с недовольным гудением загорелись старые люминесцентные лампы.

Я сел за стол, Михаил напротив. Кабинет сразу оказался полон. Квази провёл пальцем по столу, посмотрел на палец, покачал головой. Спросил:

— Как подполковник Даулетдинова тебя терпит?

— Я хорошо работаю, — сказал я. — А бумажками занимаюсь два раза в месяц. Ну или раз. От рассвета до заката. А у тебя был кабинет в Питере?

— Вроде бы был, — сказал Михаил. — Но у нас... у нас всё по-другому.

— Вы ухитряетесь обходиться без многих официальных структур, — кивнул я. — Как?

— Мы все знаем свою цель и своё место.

Дверь хлопнула, заглянул Александр — пожилой майор из следственного. Сказал:

— Дуй-ка к царице, дознаватель.

— Что стряслось? — насторожился я.

— Много будешь знать... — туманно ответил он. Скорее всего, сам не знал. Видимо, сидел у подполковника,

когда той вздумалось меня вызвать, а то с чего бы оказался на побегушках.

— Яволь, — сказал я. Александр был немец, чьи предки переехали в Россию ещё во времена Петра Великого.

— Вазелин готовь, — посоветовал Александр и закрыл дверь.

Кажется, он все-таки что-то знал.

— Почему царица? — спросил Михаил.

— Потому что Шамаханская.

— Но она же Даулетдинова!

Я развёл руками. Кто может предсказать, как и откуда возьмётся прозвище? Да никто.

— А зачем вазелин?

Я посмотрел на Михаила с подозрением.

— Нет, я понимаю смысл выражения, — успокоил он меня. — Но, во-первых, твой начальник — женщина, поэтому смысл меняется на совершенно противоположный...

— То, что она женщина, не мешает ей употребить меня и с вазелином, и без вазелина, — вздохнул я, вставая.

— Во-вторых, вчера и сегодня ты хорошо поработал и к тебе не должно быть претензий...

— Михаил! — с чувством сказал я. — Претензий ко мне не будет, когда я помру. Да и то, только если не восстану.

— Я иду с тобой, — решил квази.

Спорить я не стал.

Выйдя из кабинета, я запер дверь, и мы отправились к царице. При виде квази она погрузилась.

— Я вас не вызывала, Михаил Иванович. Вы можете пока... отдохнуть?

Положение квази в нашем отделении, без сомнения, было очень туманным и плохо регламентированным. Похоже было, что Даулетдиновой позвонили сверху. Причём с самого верху. И велели назначить Михаила мне в напарники и оказать всяческое содействие.

Любопытно!

— Спасибо, Амина Идрисовна, — вежливо сказал он. — Но мне было бы очень полезно понаблюдать за тем, как идёт работа с личным составом.

Видимо, против этого Даулетдиновой возразить было нечего.

— Денис, кто вчера производил досмотр задержанной Виктории Томилиной?

Прежде чем я прокрутил в памяти вчерашний вечер и пришёл к неутешительному выводу, что мы вообще не проводили досмотр задержанной, сдал её на руки опергруппе «как есть», квази сказал:

— Я её осмотрел, Амина Идрисовна.

— Что у неё было с собой?

— Ничего, — невозмутимо ответил Михаил. — На ней был обтягивающий деловой костюм. Женщины редко носят что-то в карманах, для этого есть сумочки.

Подполковник непроизвольно бросила взгляд на шкаф, где, вероятно, и стояла её сумочка.

— В ушах серёжки, серебряные, в виде листиков. Наше цепочка с медальоном, тоже листок, очевидно — комплект. На правой руке обручальное кольцо, белое золото с маленьким бриллиантом, примерно одна десятая карата, но чистой воды. На левой руке браслет с подвесками, серебро и кристаллы Сваровски. Всё.

— Вы очень наблюдательны, — похвалила его Даулетдинова. — Мужчины редко так хорошо запоминают украшения.

Она явно была растеряна, квази выбил у неё почву из-под ног.

— Что-то случилось? — поинтересовался Михаил.

— Она сбежала.

— Как — сбежала? — воскликнул я. Михаил молчал, ожидая продолжения.

— Когда её привезли для оформления в изолятор временного содержания, оказалось, что наручники у неё сняты. Она сбила с ног наряд и убежала.

— Расстёгнуты? — спросил Михаил.

Даулетдинова нахмурилась. Взяла со стола какой-то листок, прочитала.

— Нет... да... Сняты, и лежали на полу машины. Нет, не расстёгнуты.

— Квази могут вытащить руки из любых наручников, — сказал Михаил. — Надо всего лишь сломать кости. Это больно, требует времени на восстановление, но возможно. Патрульные не читали инструкцию по перевозке задержанных квази?

— Мы нечасто арестовываем квази! — заступилась за патрульных подполковник. — Чаще перевозим восстановивших...

— Квази не ангелы, мы тоже совершаем преступления, — невозмутимо сказал Михаил. — Если в человеческой жизни была склонность к преступлениям, то она проявится и в квази-жизни. Надо внимательно читать инструкции, мы направляли их в ваше министерство внутренних дел.

Подполковник вздохнула.

— Я сообщу об этом. Что ж... хорошо, что это не вина Дени... не наша вина. Денис, почему вы так напряжённо смотрите на своего напарника?

— Восхищаюсь его профессионализмом, — сказал я. — Нам помочь в поисках Виктории?

— Этим уже кто только ни занимается! — махнула рукой Даулетдинова. — Идите. Займитесь отчётами.

— Я лучше обход сделаю, — сказал я. — У меня на участке сорок три бабушки и двадцать восемь дедушек, которых надо почаще проверять.

— Сделайте обход, — согласилась Даулетдинова, из чего я понял, что она серьёзно смущена ситуацией. Не загнать меня заполнять бумажки — это что-то неслыханное!

Покинув кабинет начальника, Михаил двинулся было к моему, но я подхватил его под руку.

— Позвольте пригласить вас на прогулку, Михаил. Чудесная погода, надо больше дышать воздухом.

За окнами громыхнуло.

— Как угодно, Денис, — согласился квази. — Вы что-то хотели спросить?

— Да-да-да, — ускоряя шаг и заставляя Михаила потопиться, пробормотал я. — Скажи мне, напарник, любил ли бог... Как ты врать научился?

— Я не врал.

— Хо-хо-хо! — голосом пьяного Санта-Клауса воскликнул я. — Ну да! — Дверь участка хлопнула за нами, и я продолжил, хотя и тише: — Ты не проводил досмотр. Я не проводил досмотр. Ты соврал!

— Осмотр должен был провести ты, — ответил Михаил. — Моя вина в том, что я недоглядел за тобой.

— Но ты соврал! А квази не врут!

— Это кто вам сказал? Квази?

Я остановился, в упор глядя на напарника.

Михаил вздохнул. Я уже понял, что это у него был отработанный приём невербального общения.

— Да, мы не врём. Но я и не соврал. Я сказал то, что царица хотела услышать...

— Это нам она царица!

— Я сказал подполковнику, что осмотрел Викторию. Я и осмотрел её, очень внимательно. Но осмотр не равен досмотру.

— Ты лжец! Ты формалист и крючкотвор! — воскликнул я в полном восхищении. — Ты настоящий полицейский старой школы!

И вот тут он неожиданно улыбнулся.

Наверняка так же искусственно и рассудочно, как и вздыхал. Но улыбнулся.

— Куда уж старше. Я при Сталине родился, при Хрущёве в школу пошёл, при Брежневе работал, при Путине на пенсию вышел. И я прекрасно понимаю, что нашей вины в случившемся нет. Виктория не отмычкой наручники от-

крыла, она сломала себе руки и ноги и вытащила из браслетов. Если и есть вина, то моя — надо было предупредить тех ребят.

— Но зачем ей сбегать? — спросил я. — По всей вашей логике: совершил преступление — прими наказание. Верно?

— Если на почве любви, то да, — согласился квази.

— Значит, тут не любовь.

— Или не та любовь. Или не только любовь. Будем объезжать старичков?

— Поедем ещё раз на место преступления.

Михаил посмотрел на часы — старомодные, стрелочные, в позолоченном корпусе.

— Я должен был выписаться из гостиницы и переехать.

— Тогда иди, я сам.

Михаил покачал головой:

— Нет, неправильно. Я заберу вещи и сына. Покатаемся с нами.

— Тоже неправильно.

— Выбор невелик. Я за руль, надо привыкать к вашему движению.

— Ну рискни, — сказал я. — Только учти, это тебе не велосипед.

Я посмотрел на Ольгу и покачал головой:

— Не верю! Ты водишь машину. Ты плаваешь как рыба. Ты умеешь стрелять. Ты на гитаре лучше меня играешь!

— А на велосипеде ездить не умею, — сказала жена.

Всегда есть шанс узнать о близком человеке что-то неожиданное. Даже после двух лет семейной жизни.

Мы стояли посреди спортивного магазина. Тут было чисто, его никто не громил. Казалось, что продавцы и покупатели просто куда-то вышли на минутку. Два собранных горных велосипеда стояли посреди зала, притягивая взгляд.

— На велосипеде можно проехать по просёлку, — сказал я. — Мы к вечеру будем в Москве.

— Мы не знаем, что там сейчас, в Москве, — устало ответила Ольга. — И я никогда не ездила на велосипеде. Упала в детстве, напоролась на железку... помнишь, ты спрашивал про шрам на плече? И больше никогда не садилась.

— Я тебя научу, — сказал я.

— С младенцем на велосипеде? — Ольга рассмеялась, и я понял, что спор окончен. — Нет, нет и нет. Давай попробуем по дороге на машине. Будем объезжать заторы по обочине.

— Ага, тут к нам и набегут, — сказал я. Развёл руками: — Хорошо. Давай попробуем. Но велосипед...

— Тут не о чем говорить. Пусть на нём мертвяки ездят, — отрезала Ольга. — Возьми бейсбольную битую... может, тут ножи есть...

Сын захныкал во сне.

— Какая же я дура, что перестала кормить грудью. — Ольга принялась укачивать сына. — Еда всегда с собой, чистая и подогретая...

— И тут тоже не о чем говорить, — вздохнул я. — Я попищу, может, есть туристическая плитка. Подогреем воду, разведём смесь.

Ольга кивнула, глядя сквозь стеклянную дверь на улицу. Там было пустынно. Пока пустынно — мы уже убедились, что восставшие мертвецы чувствуют живых.

— Соберу всё, что может пригодиться, — сказал я.

Вещей у них было не много. Большой чемодан и сумка с ноутбуком у Михаила, маленький чемодан у его сына. Они погрузили вещи в багажник — я попытался помочь мальчику, но тот помотал головой и с натугой забросил чемодан в багажник сам.

— Мы вчера так толком и не познакомились, — сказал я. — Меня зовут Денис.

— Знаю, папа сказал, — ответил живой мальчик. — Меня зовут Найд.

— Найд? Венгерское какое-то имя? — предположил я.

— Нет, это домашнее. Прозвище такое. Папа у меня квази, мамы нет. С чего имени быть обычным?

На это я не нашёлся что ответить. Сел вперёд, Михаил за руль, мальчишка со странным именем Найд забрался назад. Повозился там и спросил:

— У вас есть совместные школы?

— Совместные? А... да. Есть. Конечно.

— Найд, — негромко сказал Михаил. — Три правила.

— Никуда не забегая, смотрю внимательно, вопросы задаю потом, — с шумным вздохом сказал Найд, и я понял, откуда Михаил перенял свою манеру имитировать эмоции.

Мы поехали обратно к участку и Последнему переулку, Михаил вёл неторопливо, очень аккуратно, но как-то ухитряясь ни разу не встать на светофоре.

— Будем исходить из того, что у Виктории имеется какая-то неизвестная нам страсть, — сказал он. — Страсть в смысле «цель». В эту цель входило возвышение её мужа...

— Она могла планировать только то, что он восстанет, — заметил я. — Как скоро он возвысится — вопрос спорный. По Земле до сих пор шесть миллиардов восставших ходят, а возвысившихся — сотня миллионов.

— Сто четыре миллиона шестьсот тысяч, — поправил Михаил. — Давай всё-таки исходить из того, что она хотела иметь рядом квази, а не восставшего.

— Это логично, — согласился я.

— И эта неизвестная нам страсть не связана напрямую с личностью Виктора, — продолжал Михаил. — Иначе после его смерти она покорно приняла бы задержание и наказание. Но Виктор безвозвратно умер, а страсть осталась.

— Другой мужчина? — предположил я.

— Лучше будем говорить «цель», иначе ты сбиваешься, — решил Михаил. — Нет, не думаю.

— Нам бы очень, очень сильно помогло, если бы мы оба знали то, что знаешь ты, — невинно заметил я.

— А именно?

— Почему ты прибыл на место преступления?

— У меня была информация...

— Это я слышал. Кому грозила опасность — человеку или квази? Почему ситуация была столь важна, что в Москву направили тебя, челове...

Я запнулся. Мальчишка сзади тихо хихикнул.

— Найд! — строго сказал Михаил.

Я страдал молча.

— Слушаю дальше, Денис.

— Почему направили тебя, квази из ближнего круга Представителя? Должно было случиться что-то очень важное, чтобы Представитель отослал прочь руководителя своей тайной полиции.

Теперь настал черёд молчать Михаила.

— Интернет — великая сила, — сказал я. — Я вчера не только пил.

— У нас нет тайной полиции, — заявил Михаил.

— О да. У вас и обычной нет. Но есть квази, которые выполняют эту работу. Если с молотка снять ярлычок, им всё равно можно забивать гвозди.

— Денис, я не могу ответить на эти вопросы, — сказал Михаил.

— Тогда скажи, насколько общество квази однородно?

— Мы разные.

— Я понимаю. Общее ли у вас видение будущего? Одинаково ли вы смотрите на взаимоотношения с людьми? На чём основана власть Представителя?

Найд ёрзал на заднем сиденье. Ему очень хотелось влезть в разговор, но он молчал.

— На эти вопросы, наверное, я дам ответы, — решил Михаил. И начал говорить, аккуратно подбирая слова: — Являясь разными личностями, мы по-разному видим своё будущее. В настоящее время основной является выдвинутая Представителем идея космической экспансии. Мы гораздо лучше людей переносим условия космических по-

лёт и иных планет. Мы можем оставить Землю человечеству, как колыбель, а сами покорить Солнечную систему и двинуться к звёздам. Учитывая, что срок жизни квази неопределённо велик, мы малочувствительны к радиации и ряд других факторов — это привлекательная идея. Взаимоотношение с людьми тоже видится нам по-разному. Войны никто не хочет, но есть серьёзные опасения. Они имеют основания. Власть Представителя основана на том, что он гениальный политик, мастер взаимовыгодных компромиссов и общих интересов.

— Ну, сказал ты много, но не сказал ничего, — подытожил я. — Это и так все знают.

Михаил остановил возле дома покойного профессора и посмотрел на меня.

— Да. Но что поделать... Найд, ты остаёшься в машине. Мы отойдём на полчаса-час.

— Я возьму планшет, — сообщил мальчик.

— Три правила поведения в Сети, — сказал Михаил.

Мальчишка закатил глаза и произнёс:

— Не называть личной информации, не знакомиться, не говорить о живых и мёртвых.

Михаил подумал и добавил:

— И ничего не покупать.

Знакомая консьержка при нашем появлении засуетилась, оторвалась от стола, за которым пила чай. Я махнул ей рукой, показывая, что вставать и подходить не надо.

Сами справимся.

Дверь в квартиру Томилиных была открыта и завешена крест-накрест красно-жёлтыми заградительными лентами. Я нахмурился. До сих пор эксперты работают? Или...

Видимо, мысль о Виктории, которая могла оказаться настолько наглой или настолько глупой, что вернулась домой, появилась у нас одновременно. Михаил ловко поднырнул под ленты и оказался в квартире. Я двинулся следом, расстёгивая кобуру.

Но всё было в порядке. В кабинете, разложив на письменном столе чемоданчик с пробирками, пакетами и реактивами, стояла одетая в белый одноразовый комбинезон поверх формы Анастасия — эксперт из нашей лаборатории. Она аккуратно опускала пинцетом в пробирку какой-то волосок.

Наше появление её ничуть не удивило. Кивнув, она закрыла пакет, подписала его и отправила в чемоданчик.

— Царица послала? — спросил я, застёгивая кобуру.

— Привет, Денис. Да. Она сказала, что вы наверняка сюда приедете.

Анастасия у нас работает недавно, сразу после института. Я от её поколения теряюсь. С молодёжью, вроде тех двух девчонок, в сознательный возраст вошедших уже в изменившемся мире, нормально общаюсь. С ровесниками, кому за тридцать, тоже без проблем. А вот с этими, двадцатипятилетними, чей мир опрокинулся и в без того сложном отроческом возрасте, теряюсь. И с юношами, и с девушками. Как-то они иначе на мир смотрят. Не как мы, не как молодёжь. К восставшим и квази относятся вроде бы нормально, куда лучше, чем я. К современной жизни адаптировались будь здоров.

Но их что-то изнутри гложет. Фантомные боли какие-то. Наверное, о том мире, когда можно было сесть в электричку, выехать за город и разбить там палатку у тихой речки. Или поехать через всю Европу на машине, останавливаясь в случайных городишках. А то и отправиться куда-нибудь... ну, допустим, в Африку или Азию. В Азию! Ха-ха! В Китай! Или на Килиманджаро взобраться.

Они всё это получить не успели и уже никогда не получат. А могли. Даже если не собирались, то знали, что всё это возможно. Пляжи Гоа, Великая Китайская стена, египетские пирамиды...

Те, кто помладше, на это уже и не рассчитывали, им это словно мечта в Крестовом походе поучаствовать или с

Робин Гудом в Шервудском лесу поразбойничать. У них и не болит.

— Нашли что-то интересное, Анастасия? — спросил Михаил. Ну надо же, он весь наш состав в лицо знает.

— Ничего особенного, Михаил. — Анастасия взяла ещё один пакетик, скальпель и принялась вырезать фрагмент кожаной столешницы. — Всё выглядит именно так, как в рапорте Дениса. Мне только кажется, он мог бы и вернуться от восставших. Но я не оперативный сотрудник, и это не моё дело. А что вы хотели посмотреть?

— Компьютер, бумаги... — сказала я.

— Жёсткий диск уже изъяли, часть бумаг — тоже. — Анастасия пожала плечами. — Смотрите сами. Мне ещё на четверть часа работы. Царица велела всё по полной программе запротоколировать.

Мы с Михаилом переглянулись. Я кисло поморщился.

Да, непонятно, что теперь тут искать. Это только в кино попавший в тупик следователь приезжает на проверенное и осмотренное место преступления, после чего находит там самый важный документ, незамеченную гильзу или отпечаток пальца.

В жизни такого не бывает.

Для порядка и из упрямства я всё же порывлся в столе, натянув протянутые Анастасией перчатки. Проглядел какие-то оставшиеся бумаги, посмотрел на своём планшете пару мелких флэшек, валявшихся в мусоре, пролистал книжки со стола.

Ничего ценного тут не было.

Было немного рабочей переписки — судя по ней, милошавый профессор занимался именно тем, о чём нам говорили, — ветрянкой. Было немного финансовых документов, из которых следовало, что профессор человек не бедный, но и богачом его не назвать. На флэшках нашлась коллекция старой японской анимации, включая запрещённый по закону о нравственности хентай. Ну, как по мне — невелико прегрешение.

Ежедневник с плохонькими стихотворениями. Похоже, покойный баловался любовной лирикой.

Книжка вульгарно-философских рассуждений о восставших с пометками Томилина. Может, вирусолог он был и великий, но подчёркнутые рассуждения мне показались банальными.

По хорошей привычке, которой меня научил один старый сотрудник, я достал бумагу из подающего лотка принтера и перевернул. Так и есть, для черновой печати профессор использовал обратную сторону напечатанных листов. На десяти первых я обнаружил исчерканный правками черновик статьи «Моя жена — квази», довольно любопытной сама по себе, но никаких сенсаций не содержащей. В основном рассуждения о том, как хороши квази. Может, уже и опубликована где-нибудь... Я мельком глянул на текст, испытывая некоторую неловкость — покойный профессор действительно любил свою квази-супругу, заставшую его смерть.

Впрочем, она ведь тоже любила его. По-своему. Насколько это возможно для мёртвых. Как писал бедолага Томилин — «не знаю, что было для неё большей страстью — я или наука, наверное, она не воспринимала нас раздельно».

Листы я сложил пополам и спрятал в карман пиджака, чтобы поглядеть на досуге. Не по работе, просто из болезненного любопытства: что испытывал человек, делящий постель с нежитью?

Михаил побродил по кабинету, потом на время скрылся в спальне, в ванной комнате, на кухне... Ему перчатки не требовались, квази не оставляют отпечатков пальцев.

— Царица что-то конкретное говорила? — спросил я у Анастасии. Та тоже заканчивала, паковала все образцы.

Девушка покачала головой:

— Нет, Денис. Сказала, что ей не нравится это дело, особенно после бегства Виктории.

— Не боялась, что квази сюда придёт?

Анастасия посмотрела на меня с удивлением.

— И что? Задержать я её не смогу, и пробовать бы не стала. А нападать на меня — зачем это ей?

— Так ей и бежать смысла не было, — заметил я.

На мгновение мне удалось её смутить. Потом Анастасия похлопала себя по поясу через хрустящий белый комбинезон.

— Обойма с разрывными. Остановит любого квази. На время.

Я неохотно кивнул.

Говорю же — не понимаю это поколение...

— Ничего интересного, — сказал вернувшийся Михаил. — Вы закончили, Анастасия?

Ответить она не успела. Из прихожей послышался шорох запретительных лент, топот ног, и в кабинет вбежал Найд.

— Папа, там две машины, безопасность, — быстро сказал он.

— Никуда не выбегать! — жёстко сказал Михаил, взял Найда за плечо и задвинул себе за спину. — Про телефон забыл?

— Папа, у меня деньги кончились!

Судя по взгляду, брошенному Михаилом на балконную дверь, он сейчас размышлял, не повторить ли вчерашний прыжок. С мальчишкой на руках, к примеру.

Может быть, он был способен на такое. Но нас с Анастасией он вытащить бы никак не смог.

— Почему у тебя всегда есть уважительный повод для нарушения запретов? — риторически спросил Михаил.

Ленты в дверях с треском порвались. Те, кто бежал за Найдом, не церемонились. Первый вбежавший в кабинет, в строгом костюме свободного кроя и с пистолетом в руке, имел лицо, невозмутимостью могущее поспорить с квази. Но когда вместо одного мальчишки, вбежавшего в подъезд перед носом, он обнаружил ещё и трёх взрослых — спо-

койствия у него поубавилось. Он начал было приподнимать оружие, потом опустил. Следом вбежали ещё двое — без оружия, зато с азартом на лицах.

— По какой причине вы гонитесь за ребёнком с оружием? — спросил Михаил.

— Кто вы такие? — вопросом ответил первый ворвавшийся. — Поднимите руки!

Руки мы поднимать не стали.

— Капитан Денис Симонов, двадцать девятое отделение полиции города Москвы, — сказал я. — Я повторю вопрос своего коллеги. Почему вы преследуете ребёнка с оружием в руках?

Дураком вбежавший не был. Он направил ствол в пол и сказал:

— Капитан Владислав Маркин. Госбезопасность. Покажите удостоверение.

Я неспешно достал корочки, протянул капитану. Кивнул на Анастасию.

— Лейтенант Анастасия... Э...

— Анастасия Деева, — подсказал Михаил.

— Анастасия Деева, эксперт-криминалист. Михаил Иванович. Инспектор от Представителя квази.

— Документы у Михаила Ивановича есть? — спросил гёбэшник мрачно.

— Есть, — ответил тот, не порываясь ничего достать. — Я повторю вопрос: почему вы подвергали опасности моего сына Найда?

— Здесь место преступления, — хмуро сказал гёбэшник. — По нашим данным, тут могла появиться преступница. Квази. Увидев ребёнка, направляющегося сюда, я достал оружие, чтобы защитить его в случае опасности.

— Квази ребенка не обидят, — сказал Михаил. — Это совершенно исключено.

Владислав наконец-то спрятал оружие. Неохотно вернул мне документы.

— Недоразумение... коллеги. Я в курсе, что это вы про-
извели здесь зачистку, Денис Симонов.

— Я оборонялся от восставших, — твёрдо ответил я.

Гэбэшник улыбнулся уголками губ.

— Ну да, конечно. Итак, я понимаю, что вы вели это
дело... в какой-то мере... но теперь оно передано госбезо-
пасности. Спасибо за помощь. Все мы делаем одно общее
дело. Попрошу вас вернуть собранные улики и покинуть
территорию.

Вслед за этой троицей подтянулись ещё несколько че-
ловек. Судя по внешности и одежде — эксперты. В разго-
вор они не лезли, самый пожилой даже махнул рукой Ана-
стасии — вполне дружески и, кажется, с узнаванием. Мо-
жет, в институте ей курс читал.

— Простите, не могу, — упёрся я. В общем-то ничего
мы не нашли, да и собранные Анастасией волоски и со-
скобы особой ценности не имели. Но когда это бывало,
чтобы полицейский легко отдавал своё дело гэбэшни-
кам! — У меня нет таких предписаний.

Владислав спорить не стал. Порылся в кармане пиджа-
ка, достал сложенный вчетверо лист бумаги, протянул мне.

Жутким канцелярским языком, который был надёж-
нее любых печатей, в бумаге от министерства внутренних
дел сообщалось, что дело об убийстве профессора Томи-
лина передаётся в государственную службу безопасности
и всем сотрудникам органов внутренних дел предписыва-
ется оказывать полное содействие ГСБ. Впрочем, печати
на документе тоже были. А подписан он был меньше часа
назад.

— Выглядит настоящим, — сказал я, чтобы оставить за
собой последнее слово. — Анастасия, нам придётся...

— Подождите, — внезапно сказал Михаил. — У меня
тоже есть бумага.

Точно так же, как Владислав, он достал из пиджака
сложенный лист. Владислав со скепсисом открыл его и
начал читать. Выражение его лица изменилось.

— Согласен, — сказал Владислав. — У вас постановле-
ние министерства внутренних дел, визированное госбезо-
пасностью, по которому вы ведёте дело на своё усмотре-
ние. Это конфликт интересов... и юридический казус, по-
скольку моё предписание выдано позже.

Михаил кивнул.

— Поэтому единственное, что я могу предложить, —
сказал Владислав, — это всем нам вместе проследовать в
управление. Там и будем разбираться, кто прав, чьи бума-
ги в данный момент действительны, а чьи — нет. Не уве-
рен, что разбирательство будет быстрым. Но два-три дня —
и всё разъяснится.

Михаил протянул руку, забрал свою бумагу и сказал:

— Хорошо, вы меня убедили. Считайте, что никаких
постановлений у меня не было. Мы покидаем место пре-
ступления. Но я прошу вас занести в рапорт мой про-
тест.

— Официальный? — спросил Владислав.

— Как вам будет угодно, — сказал Михаил, помолчав
мгновение, и я понял, что квази сдался.

— Не смею вас больше задерживать, — с улыбкой ска-
зал безопасник. Протянул руку, потрепал Найда по голо-
ве. — А ты чего дёру дал, парень?

— Вы такие страшные, я испугался, — мрачно ответил
Найд.

Владислав совершенно искренне рассмеялся.

— Верно, мы такие. Доброй ночи, господа и дамы. Не
забудьте передать нам всё, что вы для нас собрали. Мака-
ров, собери у коллег плоды их неурочной работы!

Уже возле самой машины я не выдержал. От резких
слов, учитывая присутствующего Найда, сдержался. Но
все-таки сказал:

— И ты так это спустишь, Михаил?

— Если не заметил — уже спустил, — ответил квази.

— Но ты мог все-таки попытаться...

Михаил очень натурально вздохнул:

— Чего ты хотел, Денис? Чтобы я тряс бумагами и корочками, поругался с человеческой госбезопасностью, но все-таки оставил при нас собранные улики? А потом мы помчались бы в какую-нибудь тайную лабораторию? И вот все отношения испорчены, коллеги Владислава висят у нас на хвосте, министра поднимают с кровати, он орёт в телефон на Даулетдинову, та берёт нас за шкуру... Ради чего? Ради бесполезных улик? Мы ничего не нашли. Верно, Анастасия?

— Верно, — поддержала его эксперт. — Я приключения люблю, но не дурацкие.

— Зачем по пустякам-то ссориться? — как-то очень взросло рассудил Найд.

Я поднял руки.

— Хорошо, хорошо, хорошо. Мы сдались.

— Мы не сдались, Денис, — сказал Михаил. — Мы узнали, что этим делом интересуются в самых высоких инстанциях. И убедились, что ничего не упустили при первом осмотре.

— Мальчики, хватит ссориться, — попросила Анастасия. — Вы меня до дома не подбросите? Я недалеко живу, в Марфино.

— Только Михаила с сыном вначале завезу, — сказал я. — И хоть в Марфино, хоть в Митино... А вас на Переяславку, Михаил?

Квази удивлённо посмотрел на меня. Я ухмыльнулся и пояснил:

— Там служебные квартиры, сам когда-то жил. Садитесь.

Михаил сел рядом, Найд с Анастасией на заднее сиденье. Я вёл машину и слушал их разговор.

— Давай знакомиться, — предложила девушка. — Меня можешь звать просто Настя.

— Меня — Найд.

— Это, наверное, значит «найдёныш»?

Всё-таки удивительное поколение. Я бы постеснялся так в лоб спрашивать, тем более ребёнка. А Найд к вопросу отнёсся как к должному.

— Точно. Меня папа нашёл, когда был апокалипсис. Ну, тогда он мне папой не был, конечно.

— Понятно, — сказала Анастасия, словно человеческие дети, воспитанные разумными мертвецами, — самое обычное дело. — Так, значит, вы живёте в Питере?

— Зимой в Питере, а летом в деревне, в Репино.

Я покосился на Михаила. Тот сидел спокойно, бесстрастно слушая разговор.

— А там не страшно?

— А я один не хожу, — объяснил Найд. — У меня друзья есть, квази.

— Мальчишки? — Голос Анастасии дрогнул.

— Ну, мальчишки... и девочки. Им на самом деле уже много лет, но они... ну...

— Понимаю, — мягко сказала Анастасия.

Я чуть сильнее, чем надо, нажал на тормоз, машина резко затормозила перед светофором. Сказал:

— Извините.

— Мне тоже очень жаль детей-квази, — сказал негромко Михаил. — Беда не в том, что они не развиваются физически, хотя это тоже печально. Но они, как и взрослые квази, односторонни. Как правило, им интересны только детские занятия. Игры. И это та вечность, к которой они приговорены.

— Никто не доказал, что вы будете существовать вечно, — заметил я.

— Конечно, Денис. Конечно. Но мёртвые не стареют.

— В этом доме? — спросил я, останавливаясь.

— Пятнадцатый, — кивнул Михаил. — Да, здесь. Спасибо, напарник. Найд!

— Сейчас! — отозвался Найд. Он что-то показывал Анастасии на планшете. — Вот наш клан. «Не-мёртвые»,

через дефис. Ты не думай, у нас там полно живых. Я, ещё один мальчишка из Калуги, дядька из Варшавы...

— Найд, я не очень люблю танковые сражения, — рассмеялась Анастасия. — Но спасибо...

— Да ты попробуй!

— Найд! — громче повторил Михаил. Открыл дверцу, выбрался из машины. Протянул мне руку.

Я молча пожал горячую ладонь.

Как бы там ни было, этот старый мёртвый полицейский спас человеческого ребёнка. И значит, он оставался моим коллегой. Даже в смерти.

Некоторое время мы ехали молча, потом Анастасия спросила:

— Вы с ним ладили?

— Нормально работает, — ответил я.

— Да я про другое, Денис. Все знают, что вы восставших не любите.

— Он — квази.

— Конечно, это совсем другое дело, — сказала Анастасия. То ли серьёзно, то ли с иронией. Не поймёшь их, молодых.

Жила Анастасия в старом, наверное, ещё при Советском Союзе построенном доме. Большой тихий двор, в беседке сидела компания молодёжи, слышался негромкий смех и разговоры.

Я остановил машину, заглушил мотор.

— Спасибо, Денис, — сказала Анастасия. — А то мой кот заждался.

— В смысле — животное? — уточнил я.

— Знаете, а вы мне иногда напоминаете квази, — сказала Анастасия, помолчав. — Да, домашнее животное, породы кошачьих. Я одна живу, мама и брат... они отдельно.

— Хорошо, когда кто-то есть, пусть даже отдельно, — сказал я. — Извини, хотел пошутить, а вышло глупо.

Анастасия улыбнулась.

— А хотите выпить чая?

Я подумал секунду и кивнул:

— Да. На самом деле — очень хочу. А вы тоже хотите?

— Давай на «ты»? — предложила Анастасия. Посмотрела мне в глаза. — Да, хочу. Давно уже.

Я открыл бардачок и достал термос. Открутил крышку, налил чай.

— Давай на «ты». Держи! Только стакан один куда-то затерялся, придётся по очереди.

— Нет, — сказала Анастасия дрогнувшим голосом. — Ты все-таки не квази. Ты какая-то особая порода, Денис Симонов.

Она открыла дверь и вышла из машины. Я посидел, глотая тёплый чай и глядя на дом. Вот зажегся свет — на пятом этаже.

— На работе я пью только чай, — сказал я вслух, завинтил термос обратно и завёл машину.

Не стоит ждать от жизни слишком многого. Тогда меньше придётся разочаровываться.

Глава третья

АКТЁР И ПРИЮТ

Михаил стоял у внутреннего барьера и внимательно смотрел на тёмные башни Химок. Большинство домов давным-давно стояли с выбитыми окнами, потемневшие и облупившиеся. Но кое-где в рамках поблёскивали стекла. Я знал, что ночами там даже горит свет.

Барьер на МКАДе двойной. С внутренней стороны дороги и с внешней. Поначалу по МКАДу даже не ездили. Тогда он был ещё не именем собственным, а аббревиатурой. МКАД — Московская кольцевая автодорога.

Потом, когда всё более-менее устаканилось, движение по двум полосам всё-таки открыли. В основном для грузового транспорта, ну и по спецпропускам. Режиму безопасности это не мешало, наоборот. Я слышал, что пару раз какие-то особо ловкие восставшие проникали за внешний барьер — и их с удовольствием размазывали по асфальту водители грузовиков.

Но последнее время на московский периметр никто не нападал. Поселения квази за МКАДом задерживали восставших и отводили в резервации. Впрочем, пулемётные гнезда на вышках, сооружённых на фундаментах старых надземных переходов через МКАД, остались. И пограничники с собаками — тоже.

Но сами барьеры, которые второпях сооружали из решёток и колючей проволоки, превращать в неприступные

стены не стали. Не оказалось в этом нужды. Так что через двойные решетчатые заборы, между которыми лежали десять полос автодороги, прекрасно просматривалось Замкадьё — обитель квази и восставших.

Ну и некоторых особо упёртых людей.

— Там, в Химках, большая община, — сказал я. — К примеру, в тех двух высотках, видишь? Начиная с пятого этажа — все жилые. У них и электричество от Москвы подведено. И по отдельным зданиям тоже есть общины. Живут как-то. От восставших отбиваются помаленьку, помощи не просят. Ну и там старая трасса на Питер и к аэропорту, хорошо, что рядом люди живут...

— Я знаю, — сказал Михаил. — Мы приглядываем за этой общиной. Восставшие чуют людей и идут к Химкам со всех сторон. Мы их перехватываем. Всем польза — восставшие попадают в резервации, нам меньше хлопот с поисками, Москве — меньше нападений.

— То есть вы ловите восставших на жителей Химок? Как на живца? — поразился я.

— Ну да. Мы за всеми человеческими общинами в провинции приглядываем и помогаем. По мере сил.

Я неохотно кивнул. Разумная политика, что спорить.

— Мне кажется, что сейчас эти барьеры работают в большей мере в обратную сторону, — предположил Михаил. — Не позволяют людям выходить наружу.

— Ну зачем же кому-то выходить из безопасного города? — деланно удивился я.

Михаил искоса посмотрел на меня, сказал:

— У людей разные интересы. Говорят, некоторые выходят из Москвы и устраивают сафари. Охотятся на восставших. Не слышал?

— Доходили какие-то слухи, — кивнул я, глядя на Замкадьё. — Ты же сам сказал, у людей разные интересы. Если человек хочет — он всегда найдёт способ удовлетворить своё хобби.

Михаил кивнул и продолжать не стал.

Я тоже сменил тему разговора:

— Нормально вчера устроились?

— Да, неплохо. Найд нашёл в квартире старый аквариум. Хочет завести рыбок... Денис, почему ты думаешь, что они поедут здесь?

— Он поедет через ленинградский пропускник, — сказал я, проигнорировав «они». — Вот увидишь.

— Но почему? Поездка в Питер на машине — хороший предлог, можно пристать к каравану, а потом съехать с дороги... но у Москвы десять выездов.

— Пойдём, — сказал я. — Вон машина, похожая на ориентировку...

Михаил ещё раз посмотрел на Замкадье. Пробормотал:

— Очень странно видеть всё это с другой стороны...

Мы спустились с насыпи к площадке перед пропускником, где как раз заканчивали формировать полуденный караван на Питер. По спецразрешению можно было выехать и в одиночку, но дураков в Москве мало. Все предпочитали выезжать группами — в восемь утра, в полдень, в шесть вечера. Четыре стареньких колесных БТР охраны, машина «скорой помощи» и две бронированные полицейские машины должны были сопровождать целую кавалькаду — полсотни фур и три десятка легковушек.

То, что между Москвой и Питером существовало автомобильное сообщение, объяснялось отчасти традицией, отчасти сохранившимися вдоль трассы человеческими поселениями (через большую часть, конечно, проходила железная дорога), а отчасти — человеческим упрямством. Никаким восставшим нас не запугать.

Сейчас все, готовящиеся к выезду, стояли на бетонированной площадке, когда-то бывшей парковкой огромного молла. Скучающие дежурные ходили между машинами, бегло оглядывая шины, проверяя, залит ли полный бак бензина.

— Вон тот белый седан «рено» на краю площадки, — сказал я.

— Да, номер сходится, — подтвердил Михаил.

Я с такого расстояния номера разглядеть не мог. Обидно, что у мёртвого зрение лучше, чем у меня.

Мы прошагали мимо дальнобойщиков, суровых ребят с табельными мачете на поясах, и подошли к старой «реношке». Дальнобойщики поглядывали на Михаила — неприязненно, но молча. Водитель «рено» курил, ожидая осмотра машины. Выглядел он совершенно спокойным, даже умиротворённым. Полноватый дядька лет сорока, с залысиной и рыхлым лицом.

— Альберт Ефремович! — позвал я.

Мужчина обернулся, посмотрел на меня. Кивнул. Он меня знал, и я его тоже. Спокойствие и умиротворённость покинули лицо мужчины, сменившись усталостью и безнадёжностью.

Нет, честное слово. Настолько разительная смена эмоций — только актёр мог бы и изобразить. Потом мужчина посмотрел на Михаила — и к его выражению лица добавилась ещё и тоска. Актёр!

Впрочем, Альберт Ефремович и был актёром МХАТа. Ведущим актёром.

— Далеко собрались? — спросил я.

Альберт Ефремович бросил и затоптал сигарету. Сказал досадливо:

— Эх, ну что вам не сидится, товарищ капитан? Неужто дел в городе мало?

— Альберт Ефремович... — сказал я укоризненно.

— В Питер, — безнадёжно, но упрямо сказал мужчина.

Я заглянул в машину. Нахмурился.

— А маму одну оставили? Она же хворала у вас последний год...

Альберт Ефремович вздохнул.

— Не надо, товарищ капитан.

— Симонов моя фамилия, — подсказал я. — Откройте багажник.

— Помню, что Симонов, — сказал мужчина. — Слушайте, а давайте как в старом телешоу? Я вам контрамарку на премьеру — а вы не открываете багажник?

— Альберт Ефремович... — сказал я. — Вы великий актёр. И человек хороший. Но сейчас вы поступаете неправильно.

И тут из его глаз покатились слёзы. Непритворные. Он подошёл к багажнику, открыл его.

Я заглянул внутрь. Там лежали одеяла — и под ними что-то слегка шевелилось.

— Лучше я, — внезапно сказал Михаил и потянулся к одеялам.

Но актёр его опередил. Наверное, ему было неприятно, что это сделает кто-то другой. Он резко наклонился и сдёрнул одеяло.

Старушку-мать Альберт Ефремович связал, очевидно, сразу после смерти. Связал очень крепко, по рукам и ногам.

Но восставшие, когда они чувят рядом человеческую плоть, проявляют удивительное упорство и находчивость.

У старушки и зубов-то почти не оставалось в её восемьдесят пять лет. Но она всё-таки перегрызла-пережевала крепкую верёвку. И стоило сыну сдёрнуть одеяло — одним рывком приподнялась, вцепилась ему в руку, трясая жиденькими седыми прядками волос, принялась грызть.

Актёр завопил. Он стоял, оцепенев, и кричал — а старушка с урчанием жевала его запястье.

Первым опомнился Михаил.

— Отпусти его, — сказал он. — Отпусти. Отпусти!

Я нащупал на поясе ножны, но доставать мачете не стал. Михаил склонился над старушкой и смотрел ей в глаза. Актёр кричал, не делая попыток вырваться. Со всех сторон к нам бежали люди — и дежурные с дубинками, и охрана, достающая пистолеты, и дальнобойщики с мачете...

Выбирать приходилось быстро. Я выхватил одной рукой пистолет, другой — корочки, которые поднял вверх. Выстрелил в воздух и крикнул:

— Всем стоять! Не приближаться! Полиция! Ситуация под контролем! Всем стоять!

— Отпусти! — громовым голосом сказал Михаил.

Старушка выпустила окровавленную руку Альберта Ефремовича и, издавая хнычущие звуки, улеглась обратно в багажник. Михаил достал из кармана пластиковые хомуты и быстро стянул ей руки. Потом всунул в рот пластиковый кляп и завязал шнурки-фиксаторы.

Восставшая ему не противилась. Они не всегда подчиняются квази, могут и взбунтоваться, но для этого их должно быть много.

Актёр рыдал, баюкая руку.

— Будьте мужчиной, — сказал я. — Ну укусила. Ничего страшного. Вы же знаете, что зараза так не передаётся. Точнее — она и без того во всех есть. Пока не померёте — не восстанете.

— Я хотел её спасти... — прошептал актёр. — У нас дача... в Клинском районе...

— Знаю, — сказал я. — Потому вас тут и ждал. Что вы собирались делать?

— Жить, — безнадёжно сказал актёр. — Дождаться... пока мама возвысится...

— Это может занять десятилетия, — мрачно сказал я. — А может, и не все возвышаются. Мы же не знаем до сих пор ни черта... Но дело не в этом, Альберт Ефремович. Имеется документально зафиксированная воля вашей ма-тушки...

Нас уже окружили со всех сторон. Но Михаил захлопнул багажник, а его ледяное спокойствие остудило горячие головы... как и мой пистолет, наверное. Подошёл молодой парень, врач из «скорой». Косясь на багажник, открыл свой докторский чемоданчик и принялся обрабатывать актёру руку. Он, кажется, не узнал Альберта Ефремовича.

Куда катится мир! Лучший Гамлет последнего десятилетия, ему в Лондоне рукоплескали, а королева-квази наградила рыцарским званием!

— Я не хочу, чтобы она уходила... насовсем... — прошептал актёр. Из него будто воздух выпустили, он весь как-то сдулся, даже ростом меньше стал. — Я так её люблю...

— Это её воля, — сказал я мягко. — Она хотела умереть по-христиански. Мы отвезём её в храм... там всё сделают. Всё, что положено.

— Вы тоже верующий, да? — с тоской спросил Альберт Ефремович. — Ну скажите мне тогда, что она права! Скажите, что так надо, что её ждёт жизнь вечная...

— Я неверующий, — ответил я. — И что кого ждёт — не мне судить. Но в моём завещании указана кремация.

— Знаете, а я вашего князя Мышкина люблю, — неожиданно сказал Михаил. — Больше всех других ролей. Критики Гамлета превозносят, Кутузова, Путина... А я восхищаюсь Мышкиным.

— Правда? — поразился актёр и посмотрел на Михаила с интересом. — Вы не врётё? Меня за эту роль только ленивый не ругал...

Доктор закончил перевязывать ему руку, рана была пустяковая, и отошёл. Видимо, на крепкой верёвке старушкины зубы окончательно затупились.

— Мы, квази, не врём, — мягко сказал Михаил. — Пойдёмте, Альберт Ефремович. Нам нужно будет составить вашу явку с повинной. Я думаю, что удастся отделаться штрафом за нарушение воли покойной. Нервный срыв, вы человек эмоциональный, тонкой душевной организации...

Приобняв актёра за плечи, он повёл того к нашей машине. Я остался караулить «рено» с восставшей в багажнике. Люди помаленьку расходились, только сержант-полицейский всё вертел в руках моё удостоверение и хмурился. Хотелось ему к чему-нибудь придраться...

Я присел на багажник, посмотрел на мелкие пятнышки крови на асфальте. Затёр их подошвой.

Надеюсь, Михаил догадается попросить контрамарку.

В магазине спортивных товаров не было бейсбольных бит. Зато там был ледоруб.

Восставшего я ударил по голове раз десять, хотя уже после второго удара он рухнул и разжал зубы. Ольга даже не стала дожидаться, пока восставший перестанет дёргаться на асфальте, открыла бутылку минералки и стала промывать рану. Кровь шла обильно, от газированной воды пенилась, и казалось, что её вытекло какое-то чудовищное количество.

У восставшего из расколотого черепа вылезли сероватые мозги и сочилась густая тёмная жидкость, на кровь не очень-то и похожая.

— Мне конец, — сказала Ольга. — Мне конец, Денис.

У неё даже голос не дрожал. Она отбросила бутылку, достала пузырёк перекиси и опрокинула над раной. Сказала:

— Надо было не снимать куртку. Надо было не снимать...

Восставший напал на нас совершенно неожиданно, едва мы вышли из магазина. Спрыгнул с балкона третьего этажа, судя по хрусту — сломав ноги, но до Ольги дотянулся. И сразу же впился ей в руку. Густая чёрная шевелюра, острая борода — он изрядно походил на Троцкого, вот только курносый, совсем не еврейский нос мешал сходству. Если бы он не укусил Ольгу, я бы непременно отметил иронию судьбы, что привела этого человека к окончательной смерти от ледоруба...

— Оля, перестань, — сказал я. — Мы не знаем, как передаётся эта зараза. Помнишь того парня, на заправке? Он же явно был укушен, он врал, что это порез. И ничего, живой, только сволочь...

— Значит, не сразу, — ответила Ольга. — Значит, пройдёт какое-то время и я превращусь в монстра.

— Мы не знаем! — крикнул я ей в лицо. — Мы ничего не знаем! Мне лицо залило кровью того покойника! И на губы попало, да, попало! Если это был вирус в крови — я бы заразился!

— Может, он должен попасть в кровь? Как СПИД? Может, не сразу действует...

— Мы не знаем, Оля, — повторил я. — Мы ничего не знаем...

Тело на асфальте вздрогнуло. Чуть-чуть шевельнулось. Я отступил на шаг, посмотрел, и меня передёрнуло от омерзения — сероватые сгустки мозгов втягивались обратно в проломленный череп. Этого не могло быть, это противоречило всей человеческой физиологии, но мозги, будто черви, вползали обратно. Сломанная и неестественно выгнутая нога восставшего дёрнулась и медленно приняла вполне нормальное положение.

— Ты видишь? — спросил я.

— Он восстанавливается, — прошептала Ольга. — Эта тварь оживает!

Я вынул нож:

— Похоже, есть только один надёжный способ — отрезать голову.

— Давай я, — сказала Ольга.

— Мне тоже надо учиться, — покачал я головой. — Залей рану ещё чем-нибудь. Антисептиком посыпь. И перевяжи. А я с этим разберусь...

Ольга спорить не стала. Внимательно оглядела улицу (я заметил, что теперь она осматривает и балконы, и крыши). Сказала:

— Хорошо. А потом ты понесёшь сына. Если я... лучше, чтобы он был у тебя.

Мы обедали в пирожковой «Пир Пирата» в торговом центре на Третьем кольце. Пирожковая была заточена под семейный отдых, основными посетителями тут были родители с детьми, посмотревшие кино и решившие перекусить

перед походом за продуктами. Обстановка была соответствующая — пиратская. И роспись на стенах, и лестницы-канаты под потолком, и нос старинного корабля, вылезавший из стены и вытянувший бушприт на ползала... Раскрашенный под капитана Джека Воробья аниматор развлекал несовершеннолетнюю публику. В общем — не то место, где полицейский дознаватель в форме и пожилой квази в старомодном костюме смотрятся завсегдатаями.

Скажу честно — мы скорее выглядели как аниматоры, готовые сменить самого невезучего и самого обаятельного из пиратов.

Но тут были самые лучшие пирожки в Москве. И я, наплевав на условности, привёз сюда Михаила, когда тот предложил пообедать.

Обслуживали нас корректно. Москва, конечно, не Питер. И не толерантный Париж или Лондон, где квази — как грязи. Но и у нас с топорами за квази никто не гоняется.

Я заказал пирожки с мясом и горячий бульон. Михаил — картофельные и капустные пирожки, после чего поинтересовался:

— Там точно не будет животных белков?

— Жарим на растительном масле, — ответила жующая жвачку молоденькая «пиратка»-официантка с затейливым пирсингом на щеке: сотней, не меньше, крошечных светодиодов. Когда девушка говорила, светодиоды вспыхивали, рисуя абстрактные узоры. — Квази их любят.

— Бери-бери. Разве что червячок в капусте попадётся, — сказал я.

— Червячка я как-нибудь переживу, — ответил Михаил.

Официантка возмущённо посмотрела на меня:

— Нет у нас червячков в капусте.

Светодиоды на её щеке окрасились красным и запульсировали.

— Я шучу, — извинился я. — Шикарный пирсинг.

— Спасибо. — Она снова посмотрела на Михаила. Щека окрасилась зелёным и розовым. — Возьмите овощной взвар. Очень вкусно. Даже не вегетарианцы берут.

Михаил взял.

Сейчас мы съели по первому пирожку, Михаил одобритительно кивнул, я размышлял, будет ли уместно выпить пива. Решил, что всё-таки нет, но пообещал себе взять рванш вечером.

— Это хорошее место, да? — спросил Михаил, оглядывая зал. Дети галдели, родители ели. Большинство взрослых пили пиво. Оно тут очень неплохое.

— Для родителей с детьми — идеальное, если ты об этом, — сказал я.

— Спасибо. Да, я об этом. — Михаил помолчал, вращая пальцами стакан на столе. — Мне довольно трудно быть отцом живому ребёнку, Денис. Те вещи, которые вы, живые, понимаете интуитивно, мне приходится постигать логически.

— А у тебя своих не было? — спросил я.

— Был сын, была дочь, — коротко ответил Михаил, и я понял, что их уже нет. — Но очень давно. Мне и дедушкой-то быть поздно.

— Тебе в земле пора лежать, — очень невежливо сказал я.

— Ну да. Однако мир изменился... Так вот, спасибо. Мне порой трудно понять, что ребёнку хорошо, а что — нет... У тебя ведь был сын?

— Да. Погиб в самом начале...

— Соболезную.

Я кивнул. За его словами не могло быть настоящих чувств, и Михаил знал, что я это знаю, но он всё же счёл нужным это сказать...

— Ровесник Найда, — сказал я. — Был бы ровесник. Только он в Ольгу пошёл, в жену... совсем светленький. Ему и года не исполнилось... А зачем ты изображаешь из себя отца мальчику? Ты ведь его не любишь. Нет, я пони-

маю, ты его спас во время катастрофы. Но потом? Почему не передал в человеческую семью на усыновление?

Михаил ответил не сразу.

— Кто такой хороший полицейский, Денис?

Я пожал плечами.

— Ну я, например.

— А без шуток?

— Ну, есть основные принципы, — сказал я. — Защищать людей. Не брать взятки. Руки с мылом мыть перед едой.

Михаил кивнул:

— Тоже годится. Но основное — справедливость. Хороший полицейский не может предотвратить все преступления и исправить все ошибки. Но он должен добиваться того, чтобы справедливость восторжествовала. Хотя бы в том, что зависит от него.

— Допустим, — сказал я. — Ты хороший полицейский, надеюсь, что и я тоже. А при чём тут мальчик Найд?

— Справедливость заключается в том, — рассудительно, будто ребёнку, объяснил Михаил, — чтобы я был ему отцом. Насколько могу — хорошим отцом. И то, что я не могу по-настоящему его любить, ничего не меняет, поскольку я должен стремиться к справедливости.

Я посмотрел на него и покачал головой:

— Жаль, Михаил, что ты не человек. Мы бы могли подружиться.

— А мы и так уже подружились, — ответил квази.

Я засмеялся и глотнул бульона.

— Нет, извини. Ты мой напарник, так сложилось. Ты хороший полицейский, я хороший полицейский, и это накладывает свой отпечаток. Но мы не друзья и никогда ими не станем. Точно так же, как ты не можешь стать Найд-ду настоящим отцом.

Михаил задумался.

— Это неправильно. Найд считает меня отцом. А ты можешь считать меня другом. В чём разница, если я веду себя как хороший отец и хороший друг?

Я почесал затылок, вздохнул.

— Блин, хороший вопрос, как бы тебе ответить...

Джек Воробей суетился у соседнего столика, пытаясь вовлечь толстого веснушчатого мальчишку в игру. Пацан не втягивался. Ему хотелось есть пирожки. Я взял со стола салфетку, аккуратно скомкал и запустил Джеку Воробью в затылок. Аниматор начал озираться в поисках агрессора. Толстяк, видевший моё движение, захихикал. Я заговорщицки подмигнул мальчишке, тот подмигнул мне. Джек Воробей, утратив к нему интерес, двинулся по залу, явно выслеживая напавшего на него шалолая.

— Это не было хорошим поступком, — укоризненно сказал Михаил.

Я промолчал.

— Твои действия должны были мне что-то продемонстрировать и привести к пониманию моей неполноценности, — продолжал Михаил задумчиво. — Я подумаю. Но ты всё равно не прав.

Я махнул рукой:

— Оставь, Михаил. Будем считать, что ты меня переспорил и победил. А Найда сюда приведи. На следующей неделе как раз начнутся девятые «Пираты», дети их обожают. Говорят, правда, что Джонни Депп там почти не играет, он как стал квази, так очень разборчив в ролях, в основном его компьютерный аватар. Но какая разница, если он ведёт себя точно так же, как настоящий?

Михаил жевал бутерброд, размышляя о чём-то. Потом спросил:

— Скажи, то, чем мы занимались всё утро, это и есть твоя основная работа?

— Это ещё самая интересная её часть, — признался я.

— Ты заслуживаешь большего, — сказал Михаил с укоризной. — Ты хороший полицейский.

— Ну, так если заслуживаю и если мы друзья — колись, — предложил я. — Зачем ты прибыл в Москву, что расследуешь на самом деле.

— Это всё очень сложно, — ответил Михаил.

— А ты как-нибудь простенько.

Михаил колебался. Кажется, он и впрямь был готов к какой-то откровенности.

И тут у меня заиграл телефон.

— Как я ненавижу сотовую связь! — воскликнул я, доставая трубку. — И начальство!

Только на вызов царицы у меня стояла старая песня «Наша служба и опасна, и трудна».

— Михаил рядом? — спросила она, не здороваясь.

— Да...

— Дуйте к храму, быстро!

— Какому храму? — не понял я.

— К большому! Где приют Лазаря Вифанийского!

Связь прервалась.

— По коням, — сказал я, вставая. — Пирожки дожужать по дороге.

— Что случилось? — спросил Михаил, вставая.

— Не знаю. Но какая-то гадость, нутром чую.

Всем традиционным религиям случившееся десять лет назад сильно подпортило карму. Трудно говорить про «чаю воскресения мёртвых», когда ожившие покойники ходят вокруг и пытаются тебя сожрать. Невозможно обещать гурий в раю, когда мёртвому хочется гурий сожрать. И с сансарой как-то неудобно получается, разве что признать наш мир миром голодных духов.

Но человек — существо гибкое, а вера его — ещё гибче.

Все приспособились. Так или иначе.

И с миром восставших и квази тоже стали взаимодействовать.

Так или иначе.

Под храмом Христа Спасителя, где когда-то были автостоянки, зал церковных соборов и трапезные залы, десять лет назад открылся огромный госпиталь. Поначалу там пытались лечить восставших. В том числе молитвами

и святой водой, если уж честно. А потом... потом госпиталь превратился в приют Лазаря Вифанийского, где содержались и содержатся восставшие. Те, у кого остались родственники среди людей.

Родственники, желающие держать своих восставших поблизости, а не отдавать их квази.

И готовые за это платить. Или скажем деликатнее — делать пожертвования храму.

Сейчас там было, наверное, тысячи полторы восставших. Опасное заведение, но оно уже стало частью городской традиции, да и церковь крепко за него держалась, как за визитную карточку своих добрых дел. Поэтому у приюта помимо врачей и санитаров была хорошая охрана (а также, по слухам, система экстренного затопления, способная за полторы минуты превратить храм в бассейн).

На полпути мы влипли в затор. На полноценную пробку он не тянул, но мы едва ползли. Я мрачно смотрел на велосипедистов, едущих по своим велодорожкам, и вспоминал, что раньше тут было четыре полосы для автомобилей, а не две. Очень хотелось достать из бардачка сирену, прилепить на крышу и рвануть, распугивая велосипедистов.

Но Даулетдинова сказала «быстро», а не «немедленно». Так что за такую инициативу я рисковал получить изрядный нагоняй.

Что же могло случиться в приюте?

Самое вероятное — восставшие вырвались на свободу. Но как это могло произойти? Там работают опытные смотрители.

Восставшие схватили кого-то? Ерунда, уж если схватили — так сразу растерзали, и весь вопрос в том, восстанет их обед из мёртвых или не сможет возродиться. Существовал определённый уровень повреждений тела, после которого человек не восставал. В первую очередь, конечно, должен был сохраниться мозг. Ну и тело хотя бы процентов на сорок-пятьдесят. Без сердца и лёгких восставали редко, хотя случалось всякое. Существовала даже инструк-

ция о том, как отбиваться от восставших в безнадёжной ситуации: для того, чтобы восстать, и для того, чтобы не восстать... Для желающих продлить земное существование советы сводились к тому, что надо как можно быстрее умереть от потери крови, подставляя нападающим для укусов крупные артерии. Мёртвых восставшие уже не глодали, почти мгновенно утрачивали к ним интерес.

Так что же тогда произошло?

Район вокруг храма был уже оцеплен. Чтобы не вступать в пререкания, я бросил машину на набережной, и мы, достав удостоверения, прошли сквозь оцепление.

У самого храма нас остановила вторая цепь — и тут уже пришлось пререкаться. Мы были не в тех чинах и не из этого района, моя должность дознавателя никого не впечатлила. Но здесь сработала бумажка с печатями, которую достал Михаил.

И у самого храма мы наконец-то увидели знакомые лица.

Как ни странно, это был наш вчерашний собеседник, капитан Владислав Маркин. Ничего себе! Капитан ли он на самом деле, если командует на серьёзном происшествии такой толпой народа? А рядом с ним — наш эксперт, моя несложившаяся партнёрша по чаепитию, Анастасия! Они о чём-то энергично спорили, точнее — спорила Анастасия, а Маркин качал головой и пытался её успокоить.

Судя по тому, что одета Анастасия была совершенно не по форме — блузка и шорты, явилась она не с работы. Я бы даже сказал, что она прибежала прямо из дома в домашней одежде, сменив тапочки на босоножки и даже не глянувшись в зеркало. Для женщины это несомненный подвиг.

Но какого квази она вообще здесь делает? Её работа — пробирки, скальпель и газоанализатор!

— Всё те же лица, — внезапно сказал кто-то, хватая меня за локоть. — Хорошо хоть ребёнка не притащили. Что вы здесь делаете?

Это был пожилой гэбэшник, которого я вчера счёл экспертом вроде Анастасии. Сегодня я уже не был в этом

так уверен — на мужчине был бронежилет, а за спиной — короткоствольный дробовик.

— А вы-то? — высвобождая руку, спросил я. — А она-то?

— Она-то понятно, — туманно ответил гэбэшник. — Но вы зачем явились?

— Что происходит? — спросил Михаил.

Поколебавшись, гэбэшник кивнул:

— Идите к шефу. Пусть он объясняет.

Михаил сразу двинулся дальше, а я задержался на секунду, посмотрел гэбэшнику в глаза. Тот вздохнул и негромко сказал:

— Захват заложников.

В полном недоумении я двинулся следом за квази. Захват? Заложников? Бред! Восставшие не захватывают людей в заложники. Восставшие нас жрут!

При нашем приближении и Анастасия, и Владислав замолчали. Капитан возвёл глаза к небу и даже развёл руками. Анастасия понурилась и отвела взгляд.

— Доброе утро, капитан Маркин, — сказал Михаил. — Что происходит?

— Всем хотелось бы знать, — ответил капитан. — Но это закрытая информация.

— Слушайте, Маркин. — Я оттеснил Михаила. — Здесь захват заложников, понимаю, это ваша прерогатива. Но, черт возьми, как?

— Откуда вы знаете? — резко спросил капитан.

— Птичка на хвосте принесла.

— Я этой птичке клюв начищу, — выругался Маркин. — Да, это наш вопрос, покиньте зону оцепления. Не заставляйте выводить вас силой.

— Это Виктория! — выкрикнула Анастасия. — Это Виктория, Михаил! Она захватила заложников!

— Квази захватила людей в заложники? — судя по всему, Михаил был шокирован.

— Восставших! — резко сказал Маркин. — Ваша психованная беглая квази напала на приют. Она освободила восставших, а людей выпустила.

— Всех? — уточнил я.

— Да, всех, — мрачно сказал Маркин.

— Ну так всё решается очень просто, — обрадовался я. — Про систему затопления не врут? Или ядовитый газ, разъедающий мёртвую плоть?

Анастасия почему-то посмотрела на меня очень недобрым взглядом. Михаил вздохнул и ответил вместо Маркина:

— Врут, конечно. Там не затопление и не газ. Там магнетроны. Весь приют — одна огромная микроволновка.

Я обалдел. Никогда не подозревал, что церковь настолько идёт в ногу со временем. Магнетроны! Ёшкин кот!

— Да не верю! — воскликнул я невольно.

— Это из старых военных запасов, — холодно сказал Михаил. — Разрабатывали какое-то оружие на страх супостатам. В боевых условиях против живой и мёртвой силы оказалось не очень эффективно, это больше рассчитано на технику. Но кто-то додумался использовать как системы безопасности в институтах, изучающих восставших, и к... — Он неприязненно посмотрел на Маркина и не закончил фразу. С тем же осуждением в голосе добавил: — Конечно, церковь тоже для своей лечебницы выпросила.

— Церковь ничего не спрашивает, Михаил, — мягко поправили его. — Церковь просит.

Поп подошёл неслышно, будто опытный спецназовец. Да он такое впечатление и производил — немолодой, но очень крепкий, без свойственной попам полноты.

Одет он был в рясу неожиданно белого цвета. Я как-то привык к тому, что наши попы ходят в чёрном. Хотя у них вроде есть какое-то белое духовенство и какое-то чёрное... может, в этом дело.

— Включайте свои магнетроны, отче, — как можно вежливее сказал я. — И пусть Господь упокоит несчастных. Он их уж заждался, полагаю.

Священник мягко улыбнулся, будто я был ребёнком, сморозившим чушь.

— Ваше Высокопреподобие, — сказал Маркин, — извините, их сейчас уведут...

— Не надо, Слава, — сказал поп.

Ух ты! Да они знакомы, похоже!

— Протоиерей Пётр Меленков? — спросил неожиданно Михаил. — Руководитель седьмой канцелярии?

— Бедренец Михаил Иванович? Особый инспектор Представителя? — тепло спросил поп.

Я почувствовал себя лишним.

И поэтому немедленно вклинился в разговор:

— Простите, что вмешиваюсь. Я, конечно, простой полицей, в высоких материях не силен. Но с каких пор квази могут шантажировать людей, взяв в заложники восставших?

Михаил, Пётр, Владислав и Анастасия молча уставились на меня.

Почему-то мне стало неудобно.

— Я имею в виду, что не станет же она их убивать, — сказал я. — Квази относятся к восставшим как к детям. Это всем известно!

— Есть люди, которых ничуть не смутит необходимость убить ребёнка, — сухо ответил Владислав.

— Ладно, допустим, — неохотно сказал я. — Эта Виктория — совершенно психованная... даже для квази. Извините, Михаил. Допустим. Но мы не ведём переговоров с террористами. Квази — так квази, восставшие — так восставшие. Почему спецназ не начинает... Э...

— Не начинает что? — ласково спросил Протоиерей. — Освобождение заложников?

— Да, глупость сморозил, — честно признал я.

И впрямь. Как освобождать полторы тысячи восставших, мечтающих сожрать своих освободителей? Они и сами по себе смертельно опасны, это ведь не новенькие, неуклюжие восставшие, эти просидели в заточении деся-

ток лет, они быстры и неутомимы, их очень трудно убить. А уж когда их направляет воля квази, то отправлять в подвалы храма спецназ — это только кормить восставших.

— Тогда уж простите, но вот вам мнение простого полицейского, — сказал я. — Включайте магнетроны. Пока эта сволочь не бросила восставших на штурм. Это чухлое оцепление, — я демонстративно огляделся, — полторы тысячи хорошо выдержанных восставших не удержит. Вы даже огнемёты не подтянули, даже танки! Мы рискуем получить вспышку в центре Москвы. Вспышку первой категории!

Я понимал, почему вокруг нет бронемашин и сотен солдат. Паника в центре Москвы — это не шутка. Я только ждал, когда они начнут возражать и объяснять, в чём я не прав. А они почему-то молчали. Все. И поп в белой рясе, и наглый госбезопасник, и квази. Только Анастасия почему-то всхлипнула.

— Он прав, — неожиданно сказал Михаил. — К моему глубокому сожалению — он прав. Включайте свои магнетроны, Ваше Высокопреподобие.

Лицо Петра исказилось как от боли. Он покачал головой.

— Полторы тысячи душ...

— Когда вы вывели танки своей бригады на МКАД, вы не колебались, полковник Меленков, — сказал Михаил. — Вы убили сотни тысяч восставших и десятки тысяч людей. Но спасли миллионы живых людей.

Вот тут я понял, кто передо мной, сглотнул и подавил желание вытянуться по стойке «смирно».

Протоиерей покачал головой:

— Полковника Меленкова давно уже нет.

— Но вам придётся его позвать, Ваше Высокопреподобие, — сказал Михаил. — Простите, но это решение принять можете только вы. Я, со стороны квази, готов засвидетельствовать, что это был единственный возможный выход.

— Толик, — сказала вдруг Анастасия. — Моего младшего брата зовут Толик. Ему десять лет. Он... он там. Мама там. И он там. Когда... если он превратится в квази, он все равно останется ребёнком. Навсегда.

Она посмотрела на меня, глаза её были сухими.

— Наверное, Денис прав. Наверное, другого выхода нет.

Вот почему она примчалась к храму. Вот что значили её вчерашние слова про мать и брата, которые «отдельно».

— Вы слышали их мнение, — с каким-то облегчением произнёс Владислав. — Ваше Высокопреподобие, я к нему присоединяюсь.

Я посмотрел на бывшего полковника, чьим именем собирались назвать площадь в центре Москвы, но потом так и не назвали — говорят, по его настоятельной просьбе, человека, которого прочили в президенты, но который внезапно исчез отовсюду. И увидел в его глазах растерянность и страх.

Он боялся. Боялся второй раз совершить то, что однажды уже сделал. Убить полторы тысячи уже мёртвых... лишив их шанса однажды обрести разум и вернуться пусть к искажённой, уродливой, но всё же жизни...

Как в нём все это сочеталось?

Военное прошлое. Уход в религию. Церковная карьера.

И чем же он так нагрешил, что ему вдруг послано такое испытание?

А ещё говорят, что Бог каждому посылает лишь тот крест, который тот может вынести...

— Михаил, ты можешь нейтрализовать влияние Виктории на восставших? — спросил я.

— Мне для этого необходимо оказаться рядом, — ответил он.

— А на расстоянии?

— На расстоянии я смогу сдержать одного-двух... Если она бросит против меня хотя бы десяток — восставшие меня растерзают.

— Она на главном посту охраны, там всё просматривается с камер, — сказал Пётр. Но в голосе его послышалась надежда. — Электропитание автономное, хватит на трое суток.

— Совсем нет возможности подобраться поближе? — очень по-деловому спросил Михаил.

— Можно что-то придумать. Инспектор Бедренец, не стоит ли позвать ещё квази?

— Не все квази одинаково эффективны в управлении восставшими. У вас ведь были квази в персонале?

— Трое, — кивнул Протоиерей.

— Они умели управляться с восставшими. Но они не справились. Нет, Михаил, не будем плодить сущности сверх необходимого.

— Одному тебе всё равно не справиться, — сказал я.

— А я и не сомневался, что ты пойдёшь, — ответил Михаил. — Владислав, вы поможете нам с оружием и бронжилетами?

Владислав кивнул. Сказал, сморщившись:

— Но своих людей не дам. У меня прямой запрет на вход в здание...

— Ваших людей не надо, — сказала Анастасия. — Я пойду с ними.

Она обвела нас дерзким взглядом, будто ожидая споров. Но никто не спорил. Владислав только окинул её придирчивым взглядом, будто оценивал требуемый размер бронжилета.

— Ваше... э... высокопреосвященство... — начал я.

— Высокопреподобие, — поправил Пётр. Его лицо расслабилось, стало спокойным и собранным. — Да, конечно. Я пойду с вами, вам нужен проводник. Всё, что можно сделать снаружи, сделает мой помощник.

Хорошо выдержанный восставший — это не полуобглоданный труп, обретший способность двигаться и желание жрать живую плоть. Все съеденные и повреждённые

части тела со временем регенерируют. Половину тела восстановившие регенерируют за два-три года, если их, конечно, кормить. Это уже не прежняя плоть, она бледно-сероватая, но в принципе и у людей бывает такой цвет кожи. В их жилах медленно течёт густая псевдокровь, в которой нет эритроцитов, но которая прекрасно переносит кислород. В капилляры эта мерзость протиснуться не может, но восстановивших это не смущает. Если пищи нет — они впадают в летаргическое забытие, в котором могут находиться годами. Уморить голодом, насколько я знаю, за десять лет так никого и не удалось. Обычно восстановившие двигаются медленно, даже не очень координированно, но когда чуют пищу — обретают стремительность движений.

В общем-то они не многим отличаются от квази. Тоже сильны и выносливы. Только разума нет и не вегетарианцы.

Я застегнул бронезилет, поднял и закрепил твёрдый кевларовый воротник. Зарядил дробовик.

Снарядились мы все одинаково. Для противостояния восстановившим никто не придумал ничего лучшего, чем многозарядный дробовик с крупной дробью, пистолеты с тупоконечными пулями, имеющими высокий останавливающий эффект, и мачете — как последний довод. Автоматы, гранаты — это всё от лукавого. Огнемёт эффективнее, конечно, но восстановившие боли не чувствуют и могут долго сражаться, сгорая заживо.

Команда, конечно, у нас собралась удивительная. Протоиерей, квази, полицейский офицер и девушка-эксперт.

— Если бы мы были в компьютерной игре, — сказал я, — то вы могли бы немножко колдовать, Ваше Высокопреподобие.

Протоиерей проверил магазин в дробовике и сухо сказал:

— В компьютерных играх колдуют маги, а священники исцеляют и призывают божественную силу. Насчёт исцеления я вам ничего не гарантирую, а молюсь с утра и так непрерывно.

Признаюсь — я не нашёлся что ответить.

Мы стояли в бойлерной, расположенной где-то на границе между помещениями собственно храма Христа Спасителя и подземными помещениями приюта. Шумела вода в трубах, щелкали какие-то реле. Десяток молчаливых полицейских, караулящих здесь, прятали глаза. Они останутся в относительной безопасности, а мы пойдём навстречу полутора тысячам голодных восстановивших.

— Эта дверь ведёт в нижнюю бойлерную, а оттуда — в помывочную, — сказал Протоиерей, указывая на крепкую железную дверь, запёртую изнутри на замок и внушительный засов. — В помывочной нет видеокамер, нас заметят не сразу.

— Почему нет? — удивился Михаил.

— Настояло общество защиты прав восстановивших, — объяснил Протоиерей. — Среди пациентов ведь есть несовершеннолетние.

— О Господи, — вздохнул я.

— Если вас утешит, я тоже считаю это глупостью, — ответил Пётр. — Но в данный момент это нам на руку. После помывочного зала мы выйдем в пятое отделение, пройдем мимо палат... — говоря, он водил пальцем по разложенной на шатком пластиковом столике схеме. — Потом лаборатория микробиологии, кухня...

— Кухня? — Меня охватил нервный смех.

— Так её называют. Потом коридор, комнаты персонала и главный пост охраны.

— Скажите, а чего требует Виктория? — поинтересовался Михаил. — То, что она отпустила людей, — обнадёживающий признак. Быть может, если мы пойдём на её условия...

— Она требует вертолёт с заложниками, которым обещает сохранить жизнь и позволить выпрыгнуть с парашютом, личные вещи покойного мужа и три миллиона рублей.

Я присвистнул и покрутил пальцем у виска.

— Да, любопытно, — сказал Михаил задумчиво. — Возможно, у нас тоже бывают психические расстройства. Значит, три миллиона рублей...

— Что-то тут не то, — сказал я. — Идиотское требование в ряду вполне разумных... отвлекает внимание от того, что ей действительно нужно?

— Проще всего будет спросить у неё самой, — сказал Протоиерей. — Идёмте, братья и сёстры.

Михаил двинулся вперёд — и мы не стали с ним спорить.

За железной дверью был короткий коридор. За ним — гулкая железная лестница, ведущая на четыре пролёта вниз. Там — ещё одна дверь.

— С Божьей помощью начнём... — сказал Протоиерей.

Михаил провёл по кодовому замку ключ-картой (нам всем выдали по экземпляру). Замок мигнул зелёным, заблокировать допуск Виктория то ли не смогла, то ли не сочла нужным. Я понадеялся, что не смогла. Потом Михаил осторожно открыл дверь, и мы вошли в ещё одно помещение с трубами и котлами, уменьшенную копию верхней бойлерной.

Здесь тоже никого не было. Негромко, успокаивающе гудела автоматика.

— Восьмой этаж, полёт нормальный, — сказал я. Протоиерей укоризненно посмотрел на меня. Я заметил, что дробовик он держит уверенно, так, будто готов в любую секунду палить. Видимо, все те переживания, которые делали для него невозможным хладнокровное убийство не способных сопротивляться восставших, ничуть не мешали схватке с монстрами лицом к лицу.

Ещё одна дверь, совсем уж коротенький коридор, скорее — тамбур, и мы оказались в помывочном зале.

К счастью, тут тоже никого не было. Ни моющихся, ни сохнувших, ни взрослых восставших, ни несовершеннолетних.

Но картина была ещё та!

Я, конечно, никогда здесь не был. И не представлял, как осуществляется массовая помывка агрессивных созданий в таких заведениях.

Оказалось — очень механизированно.

Небольшой зал. Воздух был влажным и тёплым. Под потолком шла круговая рельса с цепной передачей, волочащей по рельсе торчащие вниз металлические штыри. Сейчас она была выключена, но я живо представил, как всё это лязгает в процессе работы. На штырях крепились металлические ошейники, сейчас расстёгнутые. Пол был решётчатый. В разных местах зала торчали трубы с душевыми лейками и форсунками.

Вот здесь, вероятно, начиналось движение — кто-то, скорее всего — квази, пристёгивал к штырям десяток восставших. Отходил в сторону. Цепи с грохотом тащили штыри, пристёгнутые к ним восставшие волей-неволей шагали под струями воды, бьющими со всех сторон... Тут вот, похоже, их поливало из щели в потолке мыльной водой или пеной... Тут снова прополаскивало... А тут они шли мимо широких вентиляционных решёток, из которых дул горячий воздух. Пять минут — и цикл помывки завершён. В час можно вымыть полсотни восставших, за день полтысячи, за три дня — весь контингент.

Ну, в реальности, конечно, всё шло медленнее. Вряд ли их мыли чаще, чем раз в неделю.

С этим ужасающим технологизмом совершенно не считалась роспись стен — грубоватая, сделанная потускневшими от горячей воды красками, но периодически обновляемая (часть картин была совсем блёклая, часть новенькая, яркая). Изображены были умиротворяющие пейзажи. Леса, поля, реки, море... Ни одного человека или животного. Неужели это как-то работает, успокаивает восставших?

— Я думал, тут всюду кресты и иконы, — не удержался я.

— Пробовали, не помогает, — с каким-то отчаянным весельем ответил Протоиерей. — Денис, я понимаю, что

вы ёрничаете от нервов. Расслабьтесь, вам не обязательно верить в Бога и не обязательно демонстрировать мне своё неверие.

— А вы-то в Бога верите, господин полковник? — спросил я. — После всего, что случилось в мире?

— Не важно, верю ли я в Бога, — ответил Пётр. — Важно, чтобы Он верил в меня.

— Бедные, бедные... — прошептала Анастасия, озираясь. Но совсем тихо, кажется, никто, кроме меня, стоящего рядом, её не услышал.

Я ничего не сказал. Я понимал, что она представляет свою мать и своего брата, прикованных к этой железной грохочущей хрени и идущих под струями воды, словно машина в автомойке.

Из помывочной мы вышли в длинный ободранный коридор. Настолько запущенный и ободранный, что Протоиерей виновато сказал:

— Содержание приюта стоит огромных денег.

— Я знаю, я плачу за брата и маму, — резко ответила Анастасия.

— Оплачивают лишь треть пациентов. А они после мытья возбуждённые, царапают стены...

Царапины были глубокими. Сквозь всю штукатурку, до бетона.

Может быть, польза мытья преувеличена?

Ещё одна дверь послушно открылась перед Михаилом. Мы уже как-то слегка расслабились от тишины и отсутствия противника — и первый попавшийся нам восставший заставил вздрогнуть.

Это была девочка лет четырнадцати. Когда была живой, то была очень хорошенькой. Но сейчас коротко стриженные волосы и бледная кожа делали её внешность жуткой.

Что вполне отвечало поведению.

С урчанием и клцаньем зубов девочка побежала к нам по длинному коридору, в котором до этого бесцельно сло-

нялась. С обеих сторон коридора были стальные двери, сейчас открытые. Но, похоже, больше тут никого не было, девочка неслась на нас одна.

И было это так нелепо и ужасно, что мы замерли, глядя на её приближение.

— Стоять! — сказал Михаил, выставив вперёд руку. — Стоять!

Девочка начала тормозить. Её утробное урчание и стук зубов сменились тихим поскуливанием.

— Стоять! — повторил Михаил.

Девочка встала, покачиваясь. На ней были пижамные штаны и рваная рубашка. Обувь, похоже, восставшим не полагалась.

— Сядь! — сказал Михаил.

Девочка взвизгнула, будто от боли, и села на бетонный пол.

— Она очень сильная, — сказал Михаил, и я понял, что речь не о несчастной маленькой восставшей. — Как же я не почувствовал сразу...

Он наклонился над девочкой и стянул ей руки и ноги пластиковыми хомутиками. Положил на пол, провёл ладонью по коротко стриженным волосам.

— Лежи. Не шевелись. Спи.

Уснула она или нет — не знаю. Но лежала тихо, даже когда мы проходили мимо.

— Тут где-то уже есть камера наблюдения, — печально сказал Пётр. — Боюсь, нас заметили... Виктории необходимо лично отдавать восставшим приказы?

Михаил покачал головой:

— Нет. Словесное проговаривание лишь помогает более чётко оформить мысленный приказ.

— Так вы всё-таки телепаты! — торжествующе сказала Анастасия. — Вы же отрицаете это!

— Мы не телепаты, — запротестовал Михаил. — Мы не читаем мысли. Мы можем управлять восставшими, но

все — в разной мере. И мы не знаем, как это работает. Может быть, феромоны.

— А может быть, фермионы, — невесело пошутила Анастасия. Оглянулась на девочку. — Батюшка, а всё-таки дырявые одежки — нехорошо.

— Они рвут любую одежду за неделю, — ответил Пётр. И тут же вздохнул: — Прости, девочка. Но мы и впрямь не так богаты, как думают в народе.

— Приближаются, — внезапно сказал Михаил. — Я чувствую... — Он вдруг снял с плеча дробовик. Помедлил секунду и добавил: — Если их больше пяти... нет, больше четырёх... стреляйте.

Их было два десятка.

Два десятка восставших вынеслись из дверей лаборатории микробиологии. Я увидел их и порадовался только одному — что среди них не было детей.

А потом мы начали стрелять.

Даже Михаил не пытался воздействовать на восставших своими феромонами или фермионами. Пожалуй, единственное, чем от нас всех сейчас воняло, — это страхом.

Восставшие были сильными, крепкими и, похоже, недавно хорошо отобедавшими. Часть неслась на нас скачками на четвереньках, часть бежала — хорошо так, по-спортивному. А двое перемещались прыжками от стены к стене под самым потолком.

Никогда не думал, что это возможно.

В прыгунов по стенам я даже не стал целиться: увидел, что по ним работают Пётр и Михаил. Я принялся палить вдоль коридора, в основную массу восставших. С секундным запозданием принялась стрелять и Анастасия. Кажется, она вначале искала в толпе знакомые лица.

Дробь не убивала восставших, боли и страха они не чувствовали. Но попадания нарушали в мёртвых телах что-то заменяющее им жизнь. Одному восставшему кучно пришедшимся зарядом дробы разнесло всё лицо — и он закрутился на месте, слепо молотя руками и сбивая сосе-

дей. Другому выстрелом перебило колено, он упал и полз. Остальные замедлили свой бег.

Пётр тремя выстрелами начисто разнёс одному из прыгунов голову. А вот это уже всё, окончательно и бесповоротно. Тело какое-то время будет существовать, может быть, даже пытаться ползать, а потом окончательно сдохнет.

Михаил всадил в своего прыгуна уже четыре заряда дробы. Но так и не добил — голова была цела, ноги и руки действовали, он приблизился совсем уж опасно близко.

Я выхватил мачете и, когда тот прыгнул уже не от стены к стене, а на нас, ударил его по голове. Странно, но хотя я и Пётр были ближе, но восставший прыгал на Михаила. На квази, который не являлся для него пищей, а был хозяином!

Разнести восставшему череп — не проще, чем человеку. Но я бил от души, а к моему удару добавилась сила его прыжка. Восставшему развалило голову напополам, от макушки к шее. Он рухнул к моим ногам, забился в агонии, скребя руками пол. Я ещё раз ударил мачете, теперь — по шее. Голову пинком отправил вседающих восставших — один из них ловко поймал её, остановился, не то осматривая, не то обнюхивая. Увы, этот деликатес его не заинтересовал. Я воткнул мачете в затихающее тело под ногами и снова взялся за дробовик.

Восставшие были совсем уже близко. Их остался десяток.

Двумя последними патронами я удачно уложил двоих — одному снёс голову, другого остановила дыра в животе, даже для восставшего это было слишком сильное повреждение.

Рядом грянуло ещё несколько выстрелов, и нападавших осталось пятеро. Времени менять магазины не было — Пётр принялся стрелять из пистолета, несколько раз выстрелила и Анастасия. Я вынул из тела под ногами мачете и изготовился к рукопашной.

— Стоять!

Михаил чуть вышел вперёд.

— Стоять! Сесть! Сесть!

Оставшиеся на ногах восставшие, поскуливая, уселись. Те, кто был ранен, тоже попытались сесть.

— Ко мне! Всем идти ко мне! — Михаил, как гамельнский крысолов, зашёл в одну из пустовавших камер (всё-таки называть эти бетонные каморки палатами я не мог). — Ко мне!

Восставшие смирились.

Кто-то шёл, кто-то полз, кто-то дёргался, пытаясь выполнить приказ. Михаил загнал всех восставших в камеру, несколько самых израненных затащил туда же за руки и за ноги. Потом закрыл стальную дверь. У неё был электронный замок, но снаружи имелся и простой засов. Его Михаил и задвинул.

Только после этого я понял, что так и стою с мачете наизготовку. Вытер его о грязную пижаму убитого мной восставшего. Без головы, неподвижный, тот казался жалким и несчастным. Я вдруг осознал, что совершенно не запомнил его лица. Мужчина? Да, вроде бы мужчина. А вот какого возраста, какой национальности, какой внешности — ничего не отложилось в сознании. Он с равным успехом мог быть молодым негром или пожилым белым.

Впрочем, будем честными до конца, это могла быть и женщина-корейка средних лет.

Ничего не запомнилось.

— В какой-то момент давление на них ослабло, — сказал Михаил, поворачиваясь к нам. — Иначе бы я не оставил последних.

Я подумал, что если бы последние восставшие не остановились, нас бы ждала жестокая рукопашная. А учитывая, что раненные потихоньку подтягивались к нам — наши перспективы были очень туманны.

— Идёмте, — сказал Пётр.

Мы осторожно приблизились к двери, откуда вырвалась толпа восставших. Микробиологическая лаборатория? Я представил, что там творится. Слон в посудной лавке — и тот оставит меньше разрушений, чем два десятка восставших...

Но, к моему удивлению, в лаборатории царил идеальный порядок.

Белые стены, стеклянные шкафы, рабочие места с кучей хрупкого лабораторного стекла, безумное количество каких-то устройств — сложных, компьютеризированных, выглядящих как антураж фантастического фильма.

— Ну ничего себе, — сказала Анастасия, озираясь. — Вы тут неплохо всё обустроили, Ваше Высокопреподобие. Кажется, я понимаю, на что шли мои деньги.

Пётр опустил глаза. Для немолодого человека с его биографией это было равносильно тому, что он покраснел.

— Вы решили всё-таки полагаться в большей части на науку, а не на веру? — продолжала Анастасия.

— Вера и наука друг другу не противоречат, — ответил Пётр. — Да и что тут такого...

— Ну да, ну да, — саркастически сказала Анастасия. — Электронный микроскоп, масс-спектрометр, биореакторы, термостаты, дилюторы, системы термодесорбции... Да у нас в университете хуже было...

Она вдруг подошла к какому-то прибору, посмотрела на дисплей. С удивлением сказала:

— А ведь тут работали. Пять минут назад ещё работали.

— Все эти дурацкие требования вертолёта, заложников, денег — это для отвлечения внимания, — неожиданно сказал Михаил. — Мы дураки. Ей нужен был не приют и не заложники. Ей нужна была хорошая лаборатория, где она могла бы что-то делать несколько часов, а потом уйти...

— Как — уйти? — спросил я.

— А как бы уходил ты? — ответил Михаил вопросом.

— Она выпустит всю толпу, — сказал я не задумываясь. — Погонит их наружу. И в панике — уйдёт. Без всякого вертолёт.

— Где бы она ни была — всё управляется с поста охраны, — сказал Пётр. — Теряем время!

И мы бросились за ним.

Дальше всё было как в тумане. Мы пробежали через «кухню» — правильнее, впрочем, было бы назвать это помещение курятником или вивариумом. Там, в клетках, нервно кудахтали, ожидая своей незавидной судьбы, бройлерные цыплята и пищали крысы, в мутной воде аквариумов плавали сонные карпы. Одна клетка была поломана, крысы внутри не наблюдались, зато пятна крови присутствовали. Воняло омерзительно, как в театре зверей, куда меня водили в детстве родители.

Надо же, рацион у восставших весьма разнообразный...

По помещениям охраны бродили двое восставших. Какие-то дезориентированные и медлительные. Наверняка Михаил мог их подчинить, но у нас не было времени.

Мы их расстреляли.

Не окончательно, впрочем. Через полгода восстановятся.

А потом мы ворвались в центральный пост охраны. К нашему удивлению, дверь не была закрыта, экраны наблюдения работали. Виктории, разумеется, тут не было.

Пётр замер перед стеной с экранами, изучая их. Впрочем, главное оказалось понятным с первого взгляда. Вся толпа восставших, все полторы тысячи (без той малости, что обезвредили мы), медленно двигалась по коридорам. Серая река, текущая к главному входу в приют.

— В толпе уйдёт, — сказал Михаил. — Когда они все повалят наружу... Пётр, отсюда можно включить вашу микроволновку?

— Да нет тут никаких магнетронов, — раздражённо сказал Протоиерей. — Это всё слухи и выдумки жёлтой

прессы: затопление, ядовитый газ, магнетроны. Мы их не оспариваем, чтобы не волновать людей попусту.

— Сейчас восставшие попрут наружу, и люди будут реально взволнованы, — сказал Михаил.

— У входа, там тоже пост охраны... — Пётр помедлил. — Там есть возможность вручную включить аварийную изоляцию. Упадёт бетонная плита, заблокирует выход.

— Я пойду, — сказал Михаил.

— Ты не заметил, что восставшие бросались в первую очередь на тебя? — спросил Пётр.

— Заметил. Виктория дала им такую установку. Она понимала, что если придут её брать, то в группе помимо людей будут квази.

— В общем-то это хорошо, — неожиданно сказал Протоиерей. — Это её ошибка, а нам она даёт шанс. — Он помолчал и поправился: — Городу это даёт шанс.

— Мы все пойдём, — сказала Анастасия. Она не отрывала взгляда от экранов. Пыталась найти в шаркающей ногами, медленно идущей толпе своих родных?

— Всем не надо, — сказал Пётр. — Более чем достаточно двоих.

Он помедлил секунду, потом улыбнулся:

— Впрочем, чего это я... Достаточно и одного.

Наверное, это здорово, твёрдо зная, что впереди — жизнь вечная.

Или хотя бы в вечную жизнь верить.

Глава четвертая

ЗАМКАДЬЕ И МОСКВА

Я закончил отчёт. Дважды перечитал написанное. Распечатал и переписал ещё раз. Нашёл три грамматические ошибки и четыре пунктуационные. В пунктуационных я не был уверен, но на всякий случай исправил и их. Потом распечатал текст ещё раз и расписался.

У Даулетдиновой был пунктик на почве грамотности. Она могла вернуть отчёт, нормальный хороший отчёт, исчерканный красной ручкой и с припиской «Вы нерусский или учились в девяностые?» Вот не зря говорят, что самые яростные поборники русского языка получают из знающих его в совершенстве нерусских. И ведь даже не возражишь ничего, сама Даулетдинова язык учила в Махачкале, причём именно в девяностые.

Вот что ей стоило пойти не в полицию, а в педагогический институт? Была бы министром образования...

— Денис.

— Михаил? — со вздохом спросил я, поворачиваясь.

Квази, уже минут десять терпеливо ожидающий, пока я освобожусь, посмотрел на часы. Часики у него были старые, механические. Если бы квази были способны на позёрство, то я бы решил, что это часть его образа, вместе с потёртыми костюмами и старомодными галстуками.

— Ты хочешь проветриться.

Я наморщил лоб.

— Погоди-ка. Мне показалось, что я не услышал в твоём предложении вопросительной интонации.

— Её там и не было. Я не спрашивал, я информировал.

— «Что, мама, замёрз? Нет, хочешь кушать», — со вздохом процитировал я древний анекдот.

Впрочем, возможность прикрыться квази с его особыми полномочиями от бумажной работы была слишком соблазнительна.

Я занёс отчёт царице (повезло, её в кабинете не было) и пошёл за Михаилом. Когда во время задания кто-то гибнет, то количество отчётности вырастает на порядок. Повезло, конечно, что погибший не был полицейским. Но зато он возглавлял церковное подразделение, занимавшееся восставшими, а это тянет как минимум на генеральский пост.

Даже в машине я старался не задавать вопросов, надеясь, что Михаил сам снизойдёт до объяснений. Старался, пока не понял, что мы едем к Склифу.

— Да ладно, — сказал я. — Только не говори мне, что Пётр выжил и в реанимации.

Михаил косо посмотрел на меня.

— Чёрный юмор, — согласился я. — Мне очень его жаль. Он вообще герой как-никак. Но работа такая, поневоле черствеешь и прикрываешься бронёй иронии от потери боевых товарищей.

— У вас двое погибших в отделении за десять лет, — сказал Михаил. — И то лишь один погиб от восставших. Не сваливай на восставших своё дурное воспитание.

— О Господи, — вздохнул я. — Ещё мне квази мораль не читали. Мне жаль Петра! Мне очень его жаль!

— Ты ведь не веришь в Бога, — сказал Михаил.

— Да. Нет. Не верю. Это фигура речи.

— А он всё-таки искренне верил, хотя я поначалу сомневался, — сказал Михаил.

— Он был в таких чинах, и ты сомневался? — поразился я.

— Ты бы знал, Денис, как много людей отстаивают и защищают то, во что на самом деле не верят.

Я пожал плечами. Переспорить квази — всё равно что переспорить кого-нибудь в интернете.

— Так зачем мы в Склиф? — спросил я.

— Мы не в Склиф, — наконец-то пояснил Михаил. — Там ближайшая вертолётная площадка, к тому же там подхватим врача, это удобно. Наши сообщили, что нашли группу людей под Вологдой. Похоже, движутся с севера, откуда-то из-под Архангельска. Надо их встретить, выяснить, кто и что. Для этого нужны квази и человек.

— Вертолёт ваш? — спросил я.

— Наш, — останавливая машину, сказал Михаил.

Впрочем, я это уже и сам понял. Никакой особой раскраски на древнем Ми-2 не было, но на наших вертолётах, даже лёгких, всегда было оружие. Хотя бы пулёмёт в открытой двери.

Только квази позволяли себе повсюду передвигаться безоружными.

— А зачем там врач? — спросил я, когда мы пошли к вертолёту. При нашем появлении пилот включил двигатель, и винты дрогнули, начиная раскручиваться.

— Вдруг придётся эвакуировать раненых? — спросил Михаил. — Как я понимаю, они шли долго. Очень долго. И с боями.

У меня вдруг возникла неожиданная и нелепая мысль.

— Уж не хочешь ли ты сказать, — спросил я, — что они не имели контактов с цивилизацией со времён катастрофы?

— Хочу, — просто ответил Михаил.

Пятьсот километров — расстояние немалое, на пределе дальности для старичка Ми-2. Да и для любого другого вертолёта, если уж на то пошло.

Я осознал это где-то через полчаса после взлёта и спросил Михаила, перекрывая грохот моторов:

— А как обратно? Как обратно-то полетим?

— У колонны есть бензовозы, — ответил Михаил. — А если не поделятся горючкой, то нам подвезут из Вологды, там есть форпост. В крайнем случае будем добираться пешком.

Кажется, он не шутил. Уточнять я не стал — сосредоточился на пейзаже за окном.

Вертолёт летел над дикими землями, где обитали только восставшие. Дремали в сонном забытии, бродили по полям и лесам, охотясь на мышей, кошек, одичавших собак и прочую живность. Впрочем, говорят, несмотря на восставших, в стране расплодилось множество зайцев, лис, волков. Восставшие оказались для них куда меньшим врагом, чем живые люди.

Временами мы пролетали над возделанными полями. Иногда они были безлюдны, иногда на них работали восставшие под присмотром квази. Конечно, ни о каком животноводстве речи идти не могло. Но простейшие работы по вспашке полей и уборке зерновых восставшие могли выполнять. Всё, что требовало интеллектуальных усилий, приходилось на долю квази, но в сельском труде хватает однообразной механической работы. Можно использовать трактор или культиватор. А можно — восставших, если вы способны ими управлять.

Неужели и впрямь эти люди десять лет не имели контактов с внешним миром? Отсиживались где-то в глухомани?

Нет, не могу поверить. Чушь собачья! Есть телевидение, остались спутники-ретрансляторы на орбитах. Вокруг крупных городов (Вологде не повезло, но многие-то города уцелели) работает мобильная связь.

Радио!

В конце концов — обычное радио существует! На всяких длинных-коротких волнах. К моменту катастрофы

интернет его почти вытеснил, но потом в годы хаоса и паники оно возродилось и стало модным. Люди должны были слушать радио.

А самолёты? Конечно, их летает меньше. Но они летают, их видно!

Хотя... на Севере наверняка есть районы, над которыми воздушных трасс не пролегает. Север у нас такой, суровый. Там и восставшие-то чувствуют себя неуютно. Всю зиму лежат в летаргии в снегах, лишь когда потеплеет, начинают слоняться в поисках добычи.

Ладно, долетим — разберёмся.

Пилотировала вертолёт квази. Совсем ещё подросток, лет шестнадцати, наверное. Удивительно, что в таком юном возрасте она интересовалась не мальчиками и нарядами, а мечтала летать.

А вот врач был человек. Сутулый, с бородкой и залысиной, несмотря на молодость, в очках и с кожаным саквояжем — я подумал, что когда он состарится, то вполне сможет играть Айболита без грима. В начале полёта он сидел напряжённо, будто Айболит на спине орла, потом расслабился. Спросил меня:

— Это вы были в приюте, когда там восставшие вырвались?

— Мы, — признался я.

— С вами ещё священник был, погиб?

— Погиб, — кивнул я и подумал, что манера общения квази заразительна.

— Жалко человека, — сказал врач. — Окончательная смерть... без надежды возвыситься.

— А вы хотите после смерти возвыситься? — спросил я.

— Конечно, — хладнокровно ответил доктор.

— Вон, под нами толпы тех, кто десять лет бродит и остаётся без разума, — заметил я.

— Кому-то везёт, кому-то нет, — согласился доктор.

Петру, если исходить из этой точки зрения, не повезло. Он пробрался в комнату охраны, откуда смог заблокировать вход. Но выйти уже не успел. Восставшие и впрямь отвлеклись на Михаила, но то ли их было слишком много, то ли приказ Виктории уже ослаб — часть всё-таки бросилась на Петра. Немаленькая часть — несколько десятков.

Пробираясь к посту охраны, Пётр без колебаний застрелил несколько восставших. Но когда дверь была заблокирована, он отбросил оружие и не защищался. Его растерзали, а когда прибыли другие квази и общими усилиями восставших загнали по палатам, то Петру восставать уже было не из чего.

Но самое гнусное, с моей точки зрения, было то, что Викторину мы не поймали.

Она ушла через тот самый «никому не известный» ход в бойлерной, через который прошли мы. Выпустила на охранявших проход полицейских два десятка восставших — и в суматохе ушла.

Виктория наперёд рассчитала все наши действия и пропустила нас мимо себя, выжидая в маленькой кладовке при помывочной вместе со своими безропотными рабами. А потом ушла, когда мы доблестно сражались у лаборатории.

Не знаю, что думал по этому поводу Михаил. Я бы рычал, ругался, плевался и колотил кулаками по стене. Он остался спокоен, только остаток вчерашнего дня вообще не хотел разговаривать.

— Михаил, ты не в курсе, а мать и брат Анастасии не пострадали? — спросил я.

Квази кивнул:

— В курсе. Они не пострадали.

— Хотя что-то хорошее, — сказал я. — Жалко было бы девчонку.

— Они были в той толпе, что растерзала Петра.

Я не выдержал и грязно выругался. В конце концов, девочку-пилота можно было не смущаться.

— Меня больше тревожит поведение Виктории, — сказал Михаил. — Так цинично и безответственно использовать восставших — это за гранью морали!

— Ага, — возмутился я. — А нападать на людей — нормально?

— Фактически она сама никого не убила, — заметил Михаил. — Только организовала убийство мужа, бросила киллера на съедение, взбунтовала приют... Но сама никого не убивала! В её поведении есть какая-то логика.

— Простая логика, — сказал я. — Поверь, пока она сама, лично, не прикончит кого-либо, причём муж тут не считается, искать её будут... как бы сказать... энергично, конечно, но без экзальтации. Но если бы она убила кого-то, тем более — если из наших, вся полиция стояла бы на ушах.

— Ты хочешь сказать, она не шадит людей? — заинтересовался Михаил. — Всего лишь играет в психологические игры, чтобы отсрочить свою поимку?

Я кивнул.

— Интересная идея, — сказал Михаил и замолчал до самого конца полёта.

Это был не караван. Это был караванище!

Мы сделали два круга над машинами, прежде чем приземлиться метрах в ста. Караван почему-то шёл не по дороге, хотя та выглядела вполне прилично, лишь кое-где ржавели брошенные при катастрофе машины, а чуть в стороне, по заросшему бурьяном полю.

Десяток джипов — начиная от «УАЗов» и «хаммеров» и кончая «лексусами», — я чуть не прослезился, честное слово, давно не видел японских машин на ходу. Япония, увы, в катастрофе погибла вся, там ни одного человеческого поселения не осталось, только на Хоккайдо был небольшой посёлок квази.

(Вот удивительно, две великие азиатские страны, Япония и Китай. С точки зрения обороны от восставших Япо-

ния куда предпочтительнее. Но Китай, хоть население и сократилось в три раза, безжалостно вычистил всех восставших (квази там тоже не щадили, как я понимаю) и продолжил существовать, хоть им и приходилось постоянно гасить эпидемические вспышки. Как был фабрикой всего мира, так ею и остался, даже рис и рыбу ухитрялся экспортировать. А Япония сгинула. Говорят, что-то в менталитете японцев помешало им безжалостно расправляться с восставшими родственниками...)

Помимо джипов — они составляли голову колонны — в ней был десяток автобусов, несколько грузовиков, забитых всяким скарбом, полсотни мотоциклистов, десяток бензовозов, две машины «скорой помощи», два эвакуатора, несколько военных фургонов защитного цвета и три бронемшины.

— Не шарахнули бы «Иглой», — сказал я озабоченно. — В своё время этой дряни столько наклепали...

— Их вчера облетали на вертолёте, они не стреляли, — успокоил меня Михаил. — Давай. Ты идёшь первым, если всё нормально — сообщашь, мы с доктором подходим.

Я кивнул, сунул в карман кителя рацию и выпрыгнул из вертолёта. Винты остановились, моторы стихли, наступила тишина.

Колонна тоже тихо стояла в поле, только из одного автобуса доносился негромкий на таком расстоянии блюз. С музыкой едут, однако...

— Если что — считайте меня идиотом, — сказал я и пошёл навстречу колонне. Хотелось достать платок и начать им размахивать в знак мира. Но, во-первых, платок у меня был красный, клетчатый, а во-вторых, не очень свежий.

Блюз доиграл до конца (это был нестареющий «Виват, виват рок-н-ролл» Чака Берри), зазвучал новый — «Единственный шанс» Эрика Клэптона.

Кто-то в караване был любителем старой классики.

Наконец-то и мне навстречу вышли несколько человек.

Первым шагнул здоровенный мужик в косухе, разукрашенный татуировками на всех открытых частях тела. На поясе у него болтался топор, имелся и пистолет, и нож, и ещё куча всякого железа.

Рядом с ним шли два крепких парня, похожие на предводителя так, как могут быть похожи либо братья, либо дети. По возрасту проходили оба варианта. Третьим был малыш лет восьми, чуть азиатской внешности, но при этом похожий на старших. У малыша тоже был здоровенный нож на поясе, болтающийся у самой земли, будто кавалерийская сабля. Одеты все были в джинсы, кожу и многочисленные татуировки. Лишь у маленького из татуировок был только узорчатый крест на щеке.

— Привет! — крикнул я, приблизившись. — Я — Денис Симонов, капитан полиции из Москвы!

Все четверо замерли.

Предводитель опустил руку на рукоять пистолета.

А не пальнут ли сейчас по москвичу-полицейскому?

Москвичей в России не все любят, да и к полиции отношение...

— Москва жива! — торжествующе закричал предводитель. Вскинул свой ствол и принялся палить в небо. — Москва жива, русичи!

И тут начался полнейший бедлам. Из-за машин выпали люди — их было больше сотни. Все вооружённые.

Сотни стволов принялись палить в воздух. Гремели выстрелы охотничьих ружей, сухо щелкали пистолеты, раздалось несколько коротких очередей из автоматов. Но восторженные вопли перекрывали стрельбу.

— Братушка! Дениска! Капитан полиции! Из Москвяматушки! — Предводитель стиснул меня в объятиях. От него пахло потом, кожей, порохом и настоящим мачо. Барахтаясь в его руках и стараясь не задохнуться, я подумал, что будь я женщиной — забеременел бы от одного такого объятия. — Жива, жива Россия!

— Жива... — простонал я. — Откуда вы... братушки?

— С Севера мы, — просто ответил предводитель. Чуть отпустил меня, но продолжал держать за плечи на вытянутых руках. Осмотрел внимательнее. Облобызал в щёки. — Знак нам был год назад. Самолёт мы в небе увидели. Поняли, что мир-то жив!

— Жив, хоть и не весь, — признал я, озираясь.

Вблизи караван выглядел ещё живописнее. Часть машин была поставлена на самодельные высокие колёсные базы. Все увешаны «кенгурятниками», причём шипастыми, явно рассчитанными на то, чтобы давить толпы вставших. Бока машин прикрыты мощными самодельными решётками, наподобие тех, что в Гражданскую войну каратели цепляли на самодельные бронетранспортёры.

Серьёзно они подготовились к походу.

— Тятенька Денис, — раскосый малыш деликатно подёргал меня за полы кителя, — а в Москве и правда есть зоопарк со слоном?

— А... — Я чуть не поперхнулся от неожиданного вопроса, но попытался ответить в тон. — Есть, малец.

Малыш просиял и от волнения затеребил в ножнах свой тесак.

Я обвёл взглядом караван и идущих ко мне людей. Сколько восторгов читалось на их лицах!

— Цирк ещё есть, даже два, — зачем-то сказал я.

— Но мертвяки-то по земле ходят, — вздохнул предводитель. Вдруг смутился, протянул мне руку: — Совсем мы одичали, братушка. Максим я, Божьей волей наставник и отец нашей общины.

— Почему-то было у меня предчувствие о твоём имени, — кивнул я. — Реки, братушка Макс, а как так сложилось, что вы не знали о творящемся на свете белом? Ибо по поведению вашему мнится мне, что так оно и есть.

Максим слегка нахмурился. Наверное, не стоит пытаться злоупотреблять старинными словами.

— Да как же нам узнать было? — Он развёл руками. — Жили мы в глухомани, как апокалипсис начался, так со всем от мира оторвались.

— А радио? — спросил я.

Максим громогласно рассмеялся.

— Радио? Да кто ж его слушать бы стал, зараза ведь по радиоволнам и интернетам от человека к человеку шла!

Я молчал, осмысливая.

Максим прекратил смеяться. Помрачнел. Взял меня под руку и отвёл на несколько шагов от своих родичей. Шёпотом спросил:

— Что, не так?

— Не так, — негромко ответил я. — Ни при чём тут радио.

— Эпик фейл, — пробормотал Максим и потёр переносицу. — А мы все приёмники и компьютеры сожгли... Ничего?

— Бывает, — сказал я. — Не бери в голову, братушка. Лучше скажи — врач вам нужен? У нас в вертолёте доктор есть, и ещё квази...

— А квази — это кто? — с подозрением спросил Максим.

— Это тот, кто переболел и выздоровел, — мрачно со-
врал я. Для начала хватит с него и такой информации. — Вы не думайте, они не опасны.

— Так это ж отмороженные, — расслабился Максим. — Знаем, знаем. У нас пяток есть таких. Странноватые ребята, но к мертвякам подход имеют. Ты нас за дикарей-то не считай!

Я кивнул. Что ж, одной проблемой меньше. Не начнут палить в Михаила.

— А доктор нам позарез как нужен! — продолжил Максим. — Жена младшая у меня рожает, двойню, боимся, что не справимся.

— Да ты не скучал в дороге, братушка, — сказал я. — Поможем. Если найдётся керосин для вертолёта, то через пару часов твоя жена будет рожать в лучшем роддоме Москвы.

* * *

Рана у Ольги заживала. Мы посыпали её антибиотиком, ещё один Ольга пила в максимальной дозе. Может быть, это помогало. А может, слюна у восставших была целебная — к концу второго дня, когда стало ясно, что Ольга не собирается бросаться на меня или сына, я даже рискнул так пошутить. Ольга косо посмотрела на меня, но ничего не сказала. Её паника почти прошла, хотя на ночь она просила привязывать её веревкой к батарее — когда мы ночевали в доме, и к дереву — когда остановились в лесу.

— Если это не микроб или вирус, — сказал я, — то в чём же дело? Мы же видели, что мертвецы восстают.

Мы сидели в придорожной кафешке. Из неё было хорошо видно окрестности, ещё там нашлась масса продуктов и работающая плита с газовым баллоном. Главное было не открывать холодильники — из них несло тухлятиной. Единственного восставшего, который бродил кругами по кафешке, я забил ледорубом и отсёк голову. Я вдруг понял, что мне нравится это делать, а ещё — что это у меня отлично получается.

На восставшем был грязный поварской передник, так что еду пришлось готовить самим.

— Возможно, сам возбудитель не убивает, — предположила Ольга. — Он ждёт в организме, пока человек умрёт. А уже потом мёртвый восстает.

— Тогда почему столько восставших?

— Каждый день умирает масса народа, — сказала Ольга. — И каждый, восстав, превратился в кровожадного хищника. Растерзал тех, кто рядом. Те восстали. Растерзали ещё группу людей...

Я кивнул. Это было вполне возможно.

— Но это, в общем, даёт человечеству шанс, — сказал я. — Когда мы приспособимся к этому... ну, неприятно, конечно... но появится обычай немедленно отсекал покойнику голову.

— А некоторые уроды будут, наоборот, тыриться в тёмные углы, чтобы там помереть и превратиться в монстров, — предположила Ольга.

— Да ну, брось, — глядя на деловито топавшего по кафешке сына, сказал я.

— Люди ко всему приспосабливаются, — сказала жена. Она тоже смотрела на ребёнка. — Видишь, он привык к тому, что мы всё время куда-то идём, что нет игрушек, что спим где придётся... Он привык, что нельзя громко плакать, Денис! И к мысли, что можно умереть и стать монстром, люди привыкнут. Кое-кто сочтёт это вполне приемлемым. Решит — поброжу монстром, вдруг потом лекарство найдут и снова оживу...

— Буйство фантазии, — рассмеялся я и поцеловал Ольгу в лоб.

Лоб был прохладный. Рана от укуса действительно заживала.

— Сейчас люди отовсюду идут к большим городам, — сказал я. — Это будут наши форпосты. Мы укроемся в городах, построим стены. Будет тяжело, но мы справимся. И отвоюем наш мир обратно.

— Вот уж у кого буйство фантазии! — рассмеялась Ольга. И тоже поцеловала меня в лоб.

— Поняла? — спросил я.

— Вначале я решила, что ты ищешь у меня новую эрогенную зону. Но потом поняла, что проверяешь, нет ли жара, — усмехнулась Ольга.

Я снова глянул на сына.

Тот стоял у стеклянной двери кафешки и смотрел на улицу. А по улице ковылял к дверям, к сыну, улыбающийся во весь рот старичок. Такой древний и морщинистый, что я даже не сразу понял, мёртвый он или живой.

Похоже было на то, что живой.

Но кухонный нож в руках у старичка мне очень не понравился.

Я вскочил, подбежал к двери, подхватил сына на руки, передал подоспевшей Ольге. Отступил от дверей.

Старичок толкнул дверь и ввалился внутрь. Да, он явно был живой. От него несло дерьмом, мочой и алкоголем. Это ж надо, в таком возрасте напиться и не помереть!

— Избавим младенца от страданий! — воскликнул старичок. Глаза его перебежали с ребёнка на меня, потом на Ольгу, потом снова на ребёнка. — Избавим?

Мы молчали. Таких психов мы ещё не встречали.

— Принесём жертву Сатане? — внезапно предложил старичок.

— Отойдите, — сказал я Ольге.

— Может, не надо? — спросила Ольга. — Он же восстанет чудовищем...

— Так он уже чудовище, — сказал я.

— Денис...

— А если бы он наткнулся на заблудившегося ребёнка? Или наткнётся, если мы просто уйдём?

— Избавим? — с жалобной ноткой повторил старик и икнул.

Ольга молча отошла от двери.

А я снял с петли на поясе ледоруб.

Машину Михаил водил хорошо, хотя и с той стариковской основательностью, которая молодых людей бесит. В возрасте люди либо начинают ездить неспешно, по принципу «куда уж мне торопиться», либо, напротив, водят агрессивно и быстро, мотивируя это опытом и тем, что «чего уж мне бояться».

У квази, очевидно, то же самое. Михаил предпочитал не спешить.

— Из меня не очень хороший гость для новоселья, — сказал я. — Да и какое это новоселье? Ты приехал в Москву в командировку. Решись свои дела — уедешь.

— Может быть, я останусь, — сказал Михаил.

— Личный помощник Представителя решил эмигрировать в человеческие края? — с сомнением спросил я.

— Найд. Я не уверен, что ему правильно жить среди нас.

— О как. — Я покосился на Михаила. — Почему?

— Он воспринимает квази как единственно правильную форму жизни. Как высшую расу. А обычных людей — как неполноценных существ. Пока это каким-то образом укладывается у него в голове, но начнётся подростковый возраст, и всё станет совсем плохо. У нас были случаи... дети, выросшие среди квази, кончали с собой, чтобы восстать в правильном, как они считали, виде.

— И тебя это пугает?

— Конечно. Человеческая жизнь отлична от нашей, но она имеет и свои недостатки, и свои преимущества. Вы слабее нас. Часто тратите время на ерунду. Но зато способны заниматься чем угодно, пробовать и искать, менять свой род занятий, взгляды и убеждения. Мы не меняемся. Я буду рад, когда Найд станет квази, но пусть вначале он проживёт свою человеческую жизнь. Поймёт, что ему нравится, чем он станет заниматься вечно.

— Вечность, — презрительно сказал я. — Не уверен, что Вселенная с тобой согласна.

— Ну разумеется, мы тоже конечны, — легко согласился Михаил. — Может быть, и у нас есть срок жизни, просто он очень долог. А если даже и нет, то нас можно убить. Рано или поздно какой-то несчастный случай подстержёт каждого. Но с точки зрения обычного человека мы бессмертны.

— Потому что уже мертвы.

Михаил помолчал, потом кивнул, не отрывая взгляда от дороги.

— Да. Клетки нашего тела видоизменились. Это не жизнь в обычном понимании этого слова. Совершенно другие механизмы обмена энергии, восстановления, передачи нервных импульсов. Но это и не смерть. Это то со-

стояние, для которого в человеческом языке не было подходящего слова.

— А сейчас есть?

— Конечно. Квази. Квази-жизнь.

Я не стал спорить. В чём-то он был прав.

— Ну, это хороший поступок, — сказал я. — Правильный. То, что ты хочешь поселить мальчишку среди людей. Ты ведь в какой-то мере жертвуешь собой, своей карьерой.

— Ненадолго, — ответил Михаил. — Сколько я ещё ему буду нужен? Ну пять лет. Ну десять. А дальше он сам выберет, где и как ему жить.

— Гормоны подскажут, — усмехнулся я.

— Да, это тоже было доводом, — сказал Михаил. — Я заметил, что он начал заглядываться на девочку, живущую по соседству.

— На квази? — воскликнул я с содроганием.

— Да. Она его ровесница... в каком-то смысле.

— Это отвратительно, — сказал я. — Да, ты абсолютно правильно поступаешь... Но я всё-таки повторю, я не очень хороший гость.

— Дело не только в новоселье, — сказал Михаил. — Сегодня у Найда день рождения. Он ещё не успел познакомиться ни с кем из ровесников.

— И поэтому я выбран гостем?

— Ты в том числе. Я ещё Анастасию позвал, ей полез-но сейчас отвлечься.

Я огляделся, припоминая район.

— Останови за тем перекрёстком.

— Зачем? Там запрещена стоянка.

— Ничего, мы полицейские, номер машины в базе данных.

— Всё равно, подавать дурной пример...

— Там магазин. Я же не могу явиться на день рождения без подарка. Или ты предложишь подарить мальчику пистолет?

— Он был бы не против.

Я покосился на Михаила, но так и не понял, была ли это шутка или констатация факта.

Магазинчик, возле которого мы остановились, не был магазином детских товаров, это был супермаркет электроники. Но и Найд не в том возрасте, когда дарят игрушки. Интересно, сколько ему исполняется? Девять, десять, одиннадцать?

Моему сыну исполнилось бы десять.

Этой осенью. Если бы он остался жить.

В магазине я быстрым шагом прошёл вдоль полок. Взял пластиковую коробку с творением трудолюбивого китайского гения — наручные часы-телефон-плеер, в общем — всё в одном, разве что кофе не варит, но ребёнку кофе вредно. Многофункционально, красиво и дёшево.

Наверняка у Найда что-то такое есть. Ну и ладно, дорого внимание.

Так что Михаилу долго ждать меня не пришлось.

Квази открыл дверь своим ключом, мы вошли. И оказалось, что мы уже не первые гости.

На кухне с чашкой чая сидела Анастасия, в лёгком сафране и босоножках. Я подумал, что форма ей всё-таки не идёт, гражданки должны носить «гражданку». Найд в здоровенном фартуке, разукрашенном аляповато-яркими фруктами и овощами, колдовал у плиты — помешивал что-то в огромном казане. Пахло пряностями, и пахло довольно вкусно. Судя по тарелкам с сыром и салатами на столе, мальчик сам занимался подготовкой своего дня рождения.

— Извини, — сказал Михаил, обращаясь к Анастасии. — У северян не оказалось авиационного керосина. Пришлось ждать, пока подъехала машина.

— Ничего, Миша, — демонстративно меня игнорируя, сказала Анастасия. — Мы с Найдом чудесно проводим время. Только он отказывается принимать мою помощь.

— Я сам готовлю, — твёрдо ответил Найд. — Папа не умеет.

— Умею, — без особой убеждённости сказал Михаил.

— Ничего ты не умеешь. Ты слишком технично подходишь к процессу.

— Держи. — Я протянул мальчику коробку. — Считай, что она завернута в красивую бумагу и приложена открытка. Хэппи бёздей, пусть бегут неуклюже, и всё такое прочее.

— Спасибо! — Найд радостно схватил коробку. И, к моему удивлению, добавил: — Я о таких мечтал!

Может быть, он был просто очень воспитанный мальчик, а может быть, и впрямь Михаил не понимал всю прелесть для ребёнка ненужных гаджетов.

— Я прекрасно готовлю, — снова сказал Михаил. — И я составил план ужина... — Он вдруг запнулся. — Забыл купить алкоголь.

— Да ничего страшного, — ответила Анастасия. — Попьём чая. Если чая нет, то у Дениса найдётся, он всегда с собой возит термос.

Вот же мстительная девушка!

— К чему вам испытывать неудобства, — возразил Михаил. — Я схожу. В доме есть маленький магазин, там продаются спиртные напитки.

— Это совершенно не нужно. Я вообще не пью! — возразила Анастасия.

— И я точно так же, — саркастически добавил я.

— Неправда, — сказал Михаил укоризненно. — Я же чувствую запах. Вы, Анастасия, вчера пили сухое вино, «шардоне». Потом коньяк. А вы, Денис, пили водку.

Анастасия вспыхнула. Хотя, на мой взгляд, если бы она после вчерашнего дня не напилась, то разницы между ней и квази не было бы никакой.

— Ну вот сами скажите, разве он может готовить вкусную еду? — рассудительно сказал Найд, убавляя нагрев плиты. — Квази — ходячие газоанализаторы. Он специи на весах отмеряет!

— Я вкусно готовлю, — обиженно сказал Михаил.

— Ладно, я сам схожу, — решил я. — Видел этот магазинчик. Настя, вам вина купить или чая?

— Я схожу с вами, — решила Анастасия. — Выберу. Меня разоблачили, но вино себе я сама выберу.

— Но это неправильно! — запротестовал Михаил. — Я вас пригласил в гости!

— Вино с собой принести — хороший тон, — сказала Анастасия. — Вы же всё равно в нём не разбираетесь.

Мы торопливо вышли, чуть ли не толкаясь в дверях. Лифт стоял на этаже. Когда мы поехали вниз, Анастасия негромко сказала:

— Какой позор. И чего я, дура, заявила, что вообще не пью?

— Куда страшнее другое, — сказал я. — При Михаиле, оказывается, и пукнуть тайком нельзя.

Анастасия приснула от смеха. Потом строго посмотрела на меня:

— Денис, скажите, вы специально стараетесь произвести самое худшее впечатление?

Я подумал немного.

— Да. Наверное, да.

— Зачем?

— Вы молодая, красивая и умная, — сказал я. — Ну зачем нам завязывать роман? Он будет недолгим, а я потом впаду в депрессию и совсем сопьюсь.

— Да с чего вы решили... — возмущённо воскликнула Анастасия. Потом нахмурилась. — Продолжаете эпатировать?

Я пожал плечами.

— Вам придётся «завязать со мной роман», как вы изволили выразиться, товарищ капитан, — сказала Анастасия.

— С чего бы вдруг? — спросил я.

— Вы не железный, — сказала Анастасия и внезапно прильнула к моим губам.

Нет, я вовсе не был против.

Я этого хотел не меньше, чем она.

Мы целовались, пока лифт не дошёл до первого этажа и двери не разошлись. За дверью обнаружился дедок с пакетом продуктов в одной руке и тростью в другой. Обнаружив нас целующимися, он развеселился так, будто сам участвовал в процессе.

— Кхе-кхе! — жизнерадостно сказал он. — Эх, молодость! Романтика!

— Да уж какая романтика, дедушка, — сказал я, выходя. — Просто учил коллегу делать искусственное дыхание.

— Ты ей не прямой массаж сердца покажи. — Дедок оказался из тех, кто за словом в карман не лезет. — Продолжи обучение коллеги. Кхе-кхе!

Мы выскочили из подъезда, причём у меня возникло смутное дежавю. Что-то подобное было в восьмом классе, когда я целовался с девчонкой из параллельного.

Только тогда я и впрямь чувствовал себя смущённым.

Вдоль дома мы шли совершенно чинно, по-деловому, не разговаривая. Лишь возле дверей магазинчика Анастасия сказала:

— А ты понял, что Михаил старается нас свести?

— Что? — От неожиданности я остановился.

— Он специально нас двоих позвал. И в приют нас обоих взял, хоть уж я-то там была совсем на птичьих правах. Квази пытается нас свести!

— Зачем? — Я развёл руками. — Устраивает мою личную жизнь?

— Ты же заметил, у него пунктик такой есть, о правильности всего сущего.

— Он это называет справедливостью, — поправил я.

— Не важно. Вот он решил, что его напарник несправедливо одинок. И заметил, что ты мне нравишься. И начал нас сводить.

Я поразмыслил. Выходило довольно убедительно.

— Тебя это не смущает? — спросил я.

— Ничуть. Квази — они как явление природы. А если закон тяготения или направление ветра меня устраивают, то я к ним претензий не имею.

Покачивая головой, я придержал дверь, пропуская Анастасию в магазин. Он был совсем маленький, но с неплохим выбором всего. Включая алкоголь.

— Я буду вино, — сказала Анастасия. — Краснодарское «шардоне», хороший год.

— Я тоже вино, — согласился я, поглядывая на бутылку шотландского виски. И цена была неожиданно приличной, и виски неплохой, пусть и бленд. Поперёк этикетки, которая не менялась со старых времён, шла наклейка с надписью: «no animals, no revived, no quazi».

Ну почему стоит только раз поцеловаться с девушкой и все твои привычки летят ко всем чертям?

Блюдом, которое готовил Найд, оказалось карри. В общем-то я так и предполагал. У вегетарианцев, будем откровенны, выбор еды не слишком велик.

В отличие от квази Найд, впрочем, с удовольствием ел сыр. Я втайне мечтал о куске мяса или хотя бы колбасе (впрочем, и виски вспоминался тоже).

Но карри был вкусный.

Мы сдвинули бокалы. У меня и Анастасии было налито вино, у Михаила — вода, у Найда — лимонад.

— Если вы не против, то я скажу пару слов первым, — сказал Михаил.

Мы против не были.

Квази мгновение помолчал. Потом произнёс:

— Десять лет назад я воскрес из мёртвых и у меня появился сын. Не знаю, что на самом деле более важно. Я помню этот миг очень хорошо. Я внезапно осознал себя. Вспомнил, кто я. Вспомнил, как погиб... впрочем, не важно. Удивился тому, что у меня ничего не болит. И дело даже не в том, как я погиб: в старости у тебя всё время что-нибудь немного болит. А тут я чувствовал себя молодым и

сильным. Даже лучше, чем в молодости. Я был в каком-то незнакомом помещении. Потом я поднял взгляд и увидел маленького мальчика, ему ещё и года не было. Солнце садилось, его лучи били в окно, мальчик был тёмным силуэтом... только светлые волосы светились от солнца. На самом деле он был испуган, голоден и хотел спать. Но не плакал, а просто смотрел на меня. Так у меня появился сын. С днём рождения, мальчик мой.

— Спасибо, папа... — Найд привстал и поцеловал Михаила в щёку. Снова сел, явно смущённый.

Я смотрел на Найда.

Так, значит, сегодня не настоящий его день рождения. Десять лет назад Михаил его где-то подобрал. Стал квази как раз в тот момент, когда наткнулся на светловолосого малыша, и это спасло мальчику жизнь...

Бокал в моей руке вдруг задрожал и несколько раз звякнул о бокал Анастасии.

К счастью, она это приняла за чоканье и воскликнула:

— С днём рождения, Найд!

— С днём рождения, — выдавил я из себя, осушил бокал и посмотрел на Михаила.

Квази смотрел на меня спокойно и грустно.

— Здорово, что вы переехали в Москву, — сказал я деревянным голосом. — Тебе здесь понравится.

— Я бы хотел остаться в Питере... — протянул Найд. — Ну да здесь тоже ничего. Только людей мало.

— Людей здесь много, — поправил Михаил. — Квази мало.

— Ну да, — поморщился Найд.

— Михаил, можно тебя на минуточку? — спросил я, вставая.

— Да, конечно.

Мы вышли из кухни, где в связи с малочисленностью сидели за праздничным столом. Михаил молча пошёл впереди, мы зашли в маленькую комнату, которую, похоже, занимал Найд — валялась разбросанная одежда, стоял в

углу чемоданчик, на столе лежал подключённый к заряднику планшет. Я прикрыл дверь, повернулся к Михаилу. Шёпотом спросил:

— Ты ничего мне сказать не хочешь, квазиук поганый?

— Всё, что я мог сказать, ты уже услышал, — так же тихо ответил Михаил.

— Найд... — Я запнулся, но всё-таки продолжил: — Найд мой сын?

Михаил поморщился, будто от боли.

— Я не знаю...

— Как это ты не знаешь? Ты ведь сейчас для меня всё это рассказывал!

— Да. Для тебя.

— Где, где ты его нашёл?

— Я не знаю этого места. Первые дни после возвышения сознание ещё путается. Там были восставшие, их было много. Я ещё не понимал, что могу ими управлять. Я бежал, уносил ребёнка. Прятался. Это было где-то в Подмосковье... В твоём личном деле есть запись беседы с психологом...

— Ты и её читал? — Я едва сдержался от того, чтобы не ударить Михаила. Впрочем, какой с того толк...

— Иначе бы я сейчас эту историю не рассказал. Я пытался найти родственников мальчика, когда всё более-менее наладилось. Читал социальные сети, обращался в службы поиска. Было несколько похожих историй, но это оказались чужие люди.

— Я не обращался в службы поиска. Я знаю, что Ольга погибла, а сын... — Я замолчал.

Михаил кивнул:

— Психологу ты сказал, что не видел его гибели, но шансов выжить у него не было.

Я закрыл глаза. Постоял, мысленно считая до десяти. Успокаиваясь.

— Да, Михаил. У него... у него не было шансов. Ни у Ольги, ни у него. Это не Найд. То есть Найд — не он.

Михаил испытующе смотрел на меня.

— Ты уверен?

Я несколько раз глубоко вдохнул.

— Уверен. Не хочу рассказывать, но уверен. Извини, что вспылел. Извини за «квазиука». То, что примерно совпадает возраст... и что он был светловолосым в детстве... это ерунда, это совпадение.

— Денис, я хотел предложить тебе сделать генетический тест.

— Глупость. — Я замотал головой. — Чудес не бывает. Так ты специально прибыл в Москву, чтобы со мной встретиться?

— В Москву я прибыл по другому делу. А вот в отделение — специально. Когда ты набросился на меня в квартире профессора, я взял твоё личное дело. Прочитал...

— И решил, что судьба нас таким образом свела. — Я усмехнулся. — Нет, Михаил. Судьба посмеялась над тобой. И надо мной.

— Да, я понимал, что вероятность мала, — признал Михаил. — Но у меня была надежда, что ты не всё рассказал психологу. Да и если даже это не так...

— И что тогда?

Михаил опять замешкался.

— Я занимаюсь опасным исследованием. Очень опасным, Денис. Смерть профессора и даже безумное нападение на приют — только верхушка айсберга. Вполне возможно, что мне никакая вечность не грозит, меня убьют. И тогда... Я подумал, что даже если Найд не твой сын в полном смысле этого слова с точки зрения биологии, то сама схожесть обстоятельств... тем более если бы мы работали вместе и стали друзьями... может быть, ты усыновил бы его.

— Из всех безумных идей о человеческих отношениях, которые мне доводилось слышать, это самая — слышишь, самая — безумная идея! — воскликнул я. — Если бы я хотел иметь новую семью — я бы давно женился! Если бы хотел усыновить ребёнка — давно бы усыновил! Да если

бы даже мы с тобой стали лучшими друзьями, какой из меня вышел бы отец для подростка? Холостой алкаш-полицейский с нерегулярными подругами, развлекающийся на работе отрубанием голов живым мертвецам? Ну ты и заботливый папаша, квази...

И тут до меня всё допёрло окончательно.

— Так ты поэтому стараешься нас с Анастасией свести вместе? — воскликнул я. — Создаёшь полноценную семью, куда можно будет сбегать приёмного ребёнка, если тебя убьют?

Если можно себе представить смущённого квази, то Михаил был им.

Я начал смеяться.

Всё напряжение последних дней, арест и побег Виктории, захват приюта, братушки, на апокалиптических автомобилях едущие к Москве, признавшаяся в любви Настя, безумная вспышка надежды от тоста Михаила и горькое разочарование, когда я заставил себя подумать о происходящем, — всё это вдруг меня отпустило. Я смотрел на Михаила, чей безупречный интеллект квази породил столь безумный план, и хохотал.

— Михаил, человеческие отношения — не твоя стихия, — сказал я, отсмеявшись. — Уж поверь. Спасай мир, лови преступников. Отмеряй специи на весах. Налаживай отношения ваших и наших. Но в дела, касающиеся эмоций, не лезь.

— Я только хотел лучшего для Найда, — обиженно сказал Михаил. — Я серьёзно озабочен происходящим. Я расскажу тебе кое-что... наверное, уже завтра, но расскажу. Вероятность моей гибели достаточно высока, и Найд...

— Да успокойся ты. Он большой и умный мальчик. Если что, обещаю позаботиться, чтобы ему нашли хорошую приёмную семью.

— Спасибо, Денис. Твои слова только укрепляют меня в мысли, что ты — хороший человек, и моя идея изначально неплоха.

Я снова засмеялся. В этот момент дверь приоткрылась, и в комнату осторожно заглянул Найд. Спросил:

— А что вы тут делаете?

Смотреть на него по-прежнему было больно. Но уже немного.

— Твой папа рассказал мне анекдот, — сказал я. — Очень смешной, но не детский, извини.

— Подумаешь, — надулся Найд. — Там Настя скучает. Вы плохой кавалер, Денис.

— Ужасный, — подтвердил я. — Пойдём, Михаил. Мне кажется, твой сын на самом деле не столько заботится о Насте, как ждёт торта и свечек. Или ты про торт забыл?

— Я же сам покупал, а я такие вещи не забываю, — заявил Найд.

Машину я оставил Михаилу. Во-первых — выпил, во-вторых — пусть ездит по Москве, это ему не экологически чистый велосипедный Питер. Мы вышли вместе с Анастасией, ещё в лифте я заказал с телефона такси. Настя ничего не говорила, и я вызвал одну машину.

— Подождёшь минутку? — попросил я. — В магазин загляну...

Она кивнула, я забежал в магазинчик. Продавец при виде меня улыбнулся и потянулся за бутылкой виски. Спросил:

— Угадал? Вы на неё с такой нежностью смотрели.

— Было дело, — признал я. — Но не угадали. Я не только на неё с нежностью смотрел.

Когда я вышел из магазина с пакетом, такси уже остановилось у подъезда. Настя посмотрела на меня и спросила:

— Чай кончился, капитан Симонов?

— Нет, чай есть, — ответил я. — Я купил шампанского.

Анастасия задумчиво смотрела на меня, а я вспоминал анекдот про поручика Ржевского, у которого «иногда прокатывает».

— А шоколад у тебя есть, капитан? — спросила она наконец.

— Нет. — Я повернулся обратно к дверям магазина. — Мне говорили, что пить шампанское с шоколадом — вульгарно.

— Такое искушение... — сладким голосом сказала Анастасия. — Отправить тебя за шоколадом, а самой уехать на такси.

— Это будет справедливо, — признал я, помедлив.

— Но ведь так я накажу и себя саму... — продолжила Анастасия. — Поехали ко мне, Денис. У меня есть коробка хороших конфет. Я научу тебя пить шампанское с шоколадом.

— Даже не сомневаюсь, что мне понравится, — согласился я.

Можно сколько угодно сопротивляться, придумывать себе правила и запреты, но жизнь всегда берёт своё. Пока ты жив — жизнь сильнее тебя.

Глава пятая

ВЕРА И КВАЗИ

Нельзя сказать, что в Москве были какие-то гетто для квази. Не так и много их у нас было, чтобы возникли настоящие этнические районы, вроде традиционно мусульманского Бутово, или малороссийской Капотни, где приютили немногих уцелевших после жуткой гибели Киева и Днепропетровска.

Но исторически те немногие квази, что предпочитали жить в Москве, селились на Юго-Западе. То ли здесь к ним лучше относились, то ли климат больше нравился.

Здесь и находилась единственная на всю Москву (включая замкадовские анклав) церковь квази.

Мы поехали туда с самого утра. В отделении на меня уже явно махнули рукой и негласно предоставили в полное распоряжение Михаила. Так что едва я вошёл в двери (ровно через три минуты после Анастасии, с которой мы вместе доехали до работы, но войти предпочли по отдельности), как Михаил взял меня в оборот и мы отправились на Нежинскую улицу, где в сквере имени Анны Герман и стояла лет пять назад отстроенная квазианская церковь. По архитектуре она напоминала традиционные православные церкви, только вместо креста купол венчала буква Z. Нижняя горизонтальная линия, из никелированной стали, насколько я помнил, обозначала «базис» — обычных людей. Диагональная, из чёрного металла, симво-

лизировала восставших, их тяжёлый и горестный путь к возвышению. Ну а верхняя горизонтальная, золотая, конечно же, принадлежала квази.

Мы оставили машину на Нежинской, на парковке у дома номер восемь — монолитной двадцатичетырёхэтажки, с осыпавшейся кое-где «кирпичной» облицовкой. На стенах здания проглядывали закрашенные надписи. Кое-где явно угадывалась латинская «z». Похоже, не все жители были рады соседству.

— Что главное в любой религии? — спросил Михаил.

— Вера, — пожав плечами, ответил я.

— Во что?

Я посмотрел на него с подозрением.

— В Бога, конечно.

Михаил покачал головой:

— Неверно. Слишком велико для осмысления. Любая религия в первую очередь дарит веру в бессмертие. В перерождение, в воскрешение, в загробную жизнь.

— Ты квази. Ты не можешь постичь таинство духовной жизни, — сказал я. — Это я тебе как атеист говорю.

— Но я прав, — упрямо сказал Михаил. — Религия — это опиум для народа.

— Ты не просто квази, а ещё и коммунист, — злорадно констатировал я. — Хороший коммунист — мёртвый коммунист, как говорили наши американские партнёры... А что в таком случае религия для квази? Вы и так бессмертны. Как бы.

— Я и сам долго пытался понять. — Михаил подхватил меня под руку, и мы пошли к скверу. Со стороны можно было подумать, что воспитанный сын переводит старенького папу через дорогу. Во всяком случае, я надеюсь, что подумать можно было именно так.

В наши дни не так часто встретишь мужчин, прогуливающих под ручку, это где-то в девятнадцатом веке осталось, в эпоху джентльменов и сударей. Ну или в Лос-Анджелесе или Амстердаме. Это Холмс с Ватсоном могли идти

по Бейкер-стрит под ручку, обсуждая очередное преступление.

Но старомодность Михаила, пусть даже нарочитая и старательно культивируемая, сделала его жест неожиданным естественным.

— Мы не нуждаемся в мечтах о вечной жизни, поскольку получили её, — продолжал Михаил. — Мы не нуждаемся в отпущении грехов, поскольку не грешим... в большинстве своём. Мы не нуждаемся в утешении, поскольку без страстей нет и печалей. Мы не нуждаемся в заповедях, поскольку все они исходят из понятной и полезной логики человеческого общежития. Так зачем нам церковь?

Я подумал и сказал:

— Для понтов? Чтобы всё как у людей?

К моему огромному удивлению, Михаил воскликнул:

— Правильно! Именно поэтому. Мы прекрасно сознаём определённую ущербность своего существования. Конечно, мы не роботы, у нас есть эмоции, но они очень ослаблены и урезаны. Кто-то способен на любовь, кто-то подвластен ненависти, кто-то может быть грустным, а кто-то весёлым. Но то, что ты назвал таинством духовной жизни, а я предпочту назвать религиозным чувством, нам чуждо. Всем. Абсолютно.

— Ничего не понимаю, — сказал я. Навстречу нам прошла парочка квази, мужчина и женщина, глянувшие на нас с любопытством. — А зачем вам тогда церковь?

— Как ты и сказал. Чтобы «как у людей». Мы пытаемся восстановить ту часть человеческой жизни, которой лишились. Пусть даже не имеем в этом необходимости.

— По мне — так глупо, — сказал я.

— Мы же всё-таки люди, — сказал квази.

Я не стал спорить с этим сомнительным тезисом.

— Ну и для чего ты тащишь меня в церковь квази, если тебе самому чуждо квазианство?

— Мне чуждо, — согласился Михаил. — Ну так я и в человеческой жизни в Бога не верил. А вот Виктория посещала эту церковь регулярно.

— А! — воскликнул я, прозревая. — Это очень, очень интересно. Она могла получить здесь убежище? Может быть, она тут скрывается?

— Вот мы и посмотрим, — добродушно сказал Михаил.

У входа в церковь, как и положено, тусовались нищие. Правильные церковные нищие, не из тех бабушек, что на самом деле экономят каждую копейку, но никогда не протянут руку за милостыней, или тех замотанных бытом женщин, что ежедневно натягивают тришкин кафтан зарплаты на большую семью, а профессиональные нищие, которые за подаванием ходят как на работу. Две опрятно-бедные бабушки и одноногий мужчина пьющего вида. У мужчины на груди висела нарочито неграмотная табличка «Потирял ногу в апакалипсисе, работать ни магу, памагите кто может квази ради». Видимо, имелось в виду, что ногу ему съели восставшие, и потому каждый честный квази должен жертвовать страдальцу.

Как по мне — так ногу он потерял по пьяному делу, а работать не стал бы, даже отрасти у него три ноги.

Но Михаил с серьёзным лицом бросил каждому из нищих по монетке, склонив голову, осенил себя буквой Z, сверху вниз наискосок, как полагалось из каких-то хитрых соображений.

На самом деле я не такой профан, как можно подумать, и кое-что о делах квази знаю...

Я решил, что зюкаться не стану ни в коем случае. Перекреститься, входя в человеческую церковь, я бы мог, из вежливости. Мы же соблюдаем всякие странные обычаи, входя в чужой дом, — заношенные тапочки надеваем, невкусный чай пьём, вонючих котов гладим. Но в церкви квази креститься было бы неуместно, так что я просто на миг склонил голову и придал лицу серьёзное выражение.

В самой церкви всё оказалось на удивление привычно. Был иконостас с совершенно обычными иконами, и свечи, и запахи благовоний. Некрасивая женщина в платке продавала в церковной лавке всякую мелочёвку — книги, журналы, свечи, образки. Женщина, кстати, была обычным человеком.

— Первый раз у нас? — сурово спросила она меня. — Папаша вас привёл?

По степени гостеприимства и терпимости она ничуть не отличалась от рядовой прихожанки человеческой церкви.

— Первый раз, — сказал я.

— Вы живой, — с лёгким обвинительным уклоном сказала женщина.

— Да, верно. Быть живым — моё ремесло. Это плохо?

— Что вы! — возмутилась женщина. — Наша церковь открыта и для людей, и для квази!

Михаил внезапно пихнул меня локтем в бок, и я проглотил вопрос про восставших.

— Нам две свечки, — попросил Михаил.

— Какие?

— Большие, за пятьдесят рублей.

Женщина сразу подобрела.

— Кому ставить будете? — спросила она. — Вас я тоже раньше не видела...

— Я в Питере жил, — сообщил Михаил.

Женщина совсем просветлела.

— Ах, Питер! Я так мечтаю отправиться туда в паломничество! Вот ваши свечи. В Исаакиевском соборе, говорят, бывают такие службы...

— Сдачи не надо, — сказал Михаил, протягивая ей сто рублей, чем вверг в лёгкий ступор и прервал мечты о паломничестве. — Можем мы увидеть отца Иоанна?

— Я позову, — поколебавшись миг, сказала женщина. — Подождите.

В ожидании священника мы прошли по церкви. Приглядевшись, я понял, что иконы здесь всё-таки своеобразные. Помимо Христа, которого в квазианстве чтили как и в христианских религиях, здесь попадались иконы Симеона Богоприимца с сыновьями, разумеется — Лазаря Вифанийского, а также несколько сложных, сюжетных, напоминающих более картины, икон на тему «Пробуждения от сна смертного». Вначале я даже поразились количеству и качеству этих икон, но, поразмыслив, понял, что достаточно двух-трёх живописцев-квази, чтобы при их таланте и работоспособности обеспечить все церкви Москвы и Питера.

— Вы искали меня, братья мои? — негромко спросил появившийся из придела священник. Одежания его точно, на мой взгляд, копировали православные. Сам священник был среднего роста, очень тощий, со впалыми щеками, острым подбородком, ушастый, с лицом какой-то геометрической, пятиугольной формы. Ко всему ещё он был в маленьких круглых очках, что для квази — которым он, несомненно, являлся, достаточно странно.

— Отец Иоанн? — Михаил, только что поставивший свечку у иконы «Воскресение Христово», подошёл к нему. Я торопливо поставил свою свечку у иконы Андрея Первозванного, воскрешающего какого-то ребёнка, и тоже подошёл к священнику.

— Вы не мой прихожанин, — мягко сказал отец Иоанн. — Но мы здесь рады каждому новому лицу.

— Я пришёл не по делам веры, — ответил Михаил. — Меня зовут Михаил. Я некто вроде следователя. А мой товарищ, Денис, полицейский. Вам нужны документы?

Священник торжественно покачал головой. Воскликнул:

— Зачем? Кто будет лгать в храме Божьем?

— Тот, кто не считает это храмом? — не удержался я.

Отец Иоанн посмотрел на меня укоризненно и горестно покачал головой.

Мне стало неловко.

— Извините моего коллегу, — сказал Михаил. — Конечно же, мы не собираемся лгать. Вы могли бы рассказать нам про одну вашу прихожанку...

— Викторину, — вздохнул отец Иоанн.

— Да.

— Я понял, понял, — закивал Иоанн. — Это ужасно... Бедная девочка!

Михаил нахмурился.

— Поясните, отец Иоанн.

— Она терзалась из-за предстоящего ей нравственного выбора, — пояснил Иоанн. — Увы, я не знаю, что именно было причиной её душевного разлада. Но она постоянно советовалась со мной. Интересовалась, возможно ли причинение многим людям страданий ради дальнейшего всеобщего счастья.

— Ну, знаете ли! — не удержался я. — Тайна исповеди, всё такое прочее, но тут речь идёт о терроризме!

— И откуда мне это было знать? — Отец Иоанн с иронией посмотрел на меня. — Порой меня часами мучают разговорами о страшных прегрешениях, а в итоге оказывается, что речь шла о супружеской измене или карьерном росте.

Он, конечно, был прав.

— А если бы она сказала, что собирается прикончить мужа и захватить в заложники толпу восставших, вы бы сообщили нам? — всё-таки уточнил я.

— Да я бы сам её, дуру, к вам притащил, — невозмутимо ответил священник.

— Хорошо, деталей вы не знали, случившееся стало неожиданностью, — терпеливо сказал Михаил. — Но хоть что-нибудь интересное и необычное о Виктории вы можете рассказать?

Отец Иоанн задумался.

— Как вам сказать... ревностная прихожанка, без экзальтации и фанатизма, но догматы знала... Вы хорошо знаете нашу религию?

— Да, — ответил Михаил.

— Умеренно, — сознался я.

— Ничего сложного в общем-то. — Отец Иоанн улыбнулся. — Мы базируемся на христианской основе и не спорим с основными догматами. Христианство и само основано на факте воскресения. И случаи такового неоднократно фиксировались. И Спаситель, и пророки неоднократно демонстрировали чудеса восстания из мёртвых.

— Но не такого же! — опять не удержался я. — Может, я и атеист, но обещан был и Судный день...

— Был, — с улыбкой сказал отец Иоанн.

— И второе пришествие... — продолжил я.

— Состоялось, — кивнул священник.

— И впрямь, — сказал я. — Как же мы не заметили.

— Вам надо почитать «Великое откровение», — сказал отец Иоанн. — Или хотя бы наш журнал для неофитов «Лазарь». Хотите, я вам оформлю льготную подписку?

— А как насчёт восставших, которые ходят по земле и жрут живых? — возмутился я.

— В этом проявляется порча человеческой природы, принесённая грехопадением, — торжественно сказал Иоанн. — Именно эта порча приводит к мытарствам восставших, которые не сразу приходят к нормальному состоянию квази, а терзают себя и окружающих. Чем больше было грехов — тем дольше период мытарств.

Я замолчал и попытался представить себе покойного Протоиерея Петра, который дубасит отца Иоанна по голове чем-нибудь тяжёлым. Ну хоть бы и кадиллом.

Потом я с ужасом понял, что Пётр был столь неординарной личностью, что, несмотря на свой высокий церковный чин, мог бы затеять с Иоанном диспут. А может быть, даже в чём-то с ним согласиться.

— И Виктория во всё это искренне верила? — спросил Михаил.

— Конечно. И всегда молилась за скорейшее возвышение восставших, за установление мира и любви между людьми, восставшими и квази.

— Вы знаете, где Виктория сейчас? — продолжал расспросы Михаил.

— Увы! — вздохнул отец Иоанн. — Если узнаю — непременно сообщу. Но я почти уверен, что она здесь больше не появится. Виктория прекрасно понимает, как я отнесусь к её действиям.

Михаил молча протянул ему визитку. Сказал мне:

— Пойдём, Денис.

Я покосился на мило улыбающегося отца Иоанна и сказал:

— Знаете, то, что вы говорите, это такое безумие...

— Любая религия со стороны кажется безумной, — согласился священник.

— Вы бы вышли из храма, посмотрели на жизнь вокруг, — укоризненно сказал я. — Может, задумались бы о чём.

— Молодой человек, я прожил долгую человеческую жизнь, — ответил отец Иоанн. — Я был православным священником, выдвигался в президенты, строил ракету. Можно ещё сказать, что я был врачом, бандитом, ментом, профессором, шутом. Кем я только ни был! И жизнь увидел во всех её проявлениях, не сомневайтесь.

Так что мой призыв пропал втуне.

Мы вышли из церкви, и я негромко сказал Михаилу:

— Вот же... в президенты он выдвигался!

— Да, было что-то такое... — отмахнулся Михаил. — Личность примечательная, тебе с ним спорить бесполезно. Кончится тем, что сам станешь сюда на службы ездить. Но мы приезжали не зря.

— Вот как? — удивился я. — Врёт батюшка? Скрывает Викторию?

— Нет, конечно. Но мы узнали очень неприятную вещь — она идейная. Более того, Виктория уверена, что

творит добро. Это очень, очень плохо, Денис. Враг, который работает за деньги, ради власти, ради славы — уязвим. Даже враг, которым движет ненависть, имеет слабые места. А вот враг, который искренне считает, что он тебя облагодетельствует, который тебя любит — это очень серьезно.

Я кивнул. Резон в словах Михаила был.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда будем считать, что вводная часть окончена и ты наконец-то решил мне рассказать о происходящем. Согласен? Да, нет, опять отложить?

— Давай присядем, — сказал Михаил.

Мы уселись на одну из скамеек. Народа в сквере было не много.

— У нас, квази, есть разные взгляды на дальнейшее сосуществование с людьми, — произнёс наконец Михаил.

— Не сомневаюсь.

— Основная масса, разумеется, считает правильным мирное сосуществование. Когда всё нормализуется, восставшие будут помещены в резервации, где будут спокойно дожидаться возвышения, и наши культуры смогут сосуществовать гармонично и счастливо.

— Эту часть можно опустить, — сказал я. — Как и утопии о покорении космоса силами квази.

— Почему утопии?

— Потому что по большому счёту космос никому не нужен. На Земле могут прекрасно жить миллиарды людей, куда больше, чем ныне. Нас, людей, гонит в космос любопытство и страсть к экспансии. А она порождена в первую очередь коротким сроком жизни и интенсивным размножением. Вы не размножаетесь вообще, а любопытство вам свойственно куда менее, чем людям. Может быть, когда-то, в далёком-далёком будущем, наберётся достаточно квази, чтобы начать покорять космос. Но это всё далёкая перспектива.

— Ты прав, — сказал Михаил, помолчав. — Это очень далёкая перспектива. Скорей уж нас может выгнать за пределы Земли неприятие людей. Что тоже возможно. Хорошо, теперь о других. Есть квази, которые выступают за раздел зон влияния и полную изоляцию.

— Она и так есть.

— Частичная. А они предлагают решить проблему полностью. Квази, к примеру, будут жить в Северной и Южной Америке, люди в Европе и Азии, в Африке создадим заповедник для восставших, в Австралии — зону для тех, кто хочет смешанного сосуществования.

— Не самый плохой вариант, — согласился я.

— И есть радикалы. Они есть всегда и везде, как ты понимаешь. Радикалы считают, что человеческое общество никогда не примет наше существование. Что его необходимо уничтожить. Что вы всегда будете уничтожать восставших и ненавидеть квази.

— Мы уничтожаем восставших только потому, что они нам угрожают, — сказал я.

Михаил выразительно посмотрел на меня.

— Чёрт, — выругался я. — Да, у нас тоже есть радикалы. Я один из них! Но заметь, я квази не убиваю. К геноциду не призываю. И вообще ваши радикалы рехнулись! Они что, всерьёз хотят убить всех человеков? Как?

— Ты плохо меня слушал, — сказал Михаил.

Я подумал.

— Понял. Не всех людей, а только существующее общество. Хрен редьки не слаще! Вы — порождение людей. Слепок человеческой личности на момент смерти. Вы не способны развиваться.

— Ну не совсем так.

— Не способны развиваться в широком смысле слова. Астроном-квази может совершенствоваться в своей профессии, но он никогда не станет сантехником или композитором. Допустим, ваши радикалы каким-то образом разрушают человеческую цивилизацию. Что мы получим?

Дикарей, живущих в первобытном или феодальном обществе? Ну да, для квази мы станем неопасны. Но ведь и такие люди после смерти останутся дикарями.

— Верно. Теперь пофантазируй, как можно избежать этого противоречия.

— Ну... — Я развёл руками. — Дикари, но развитые? Умные, но дикари?

Мимо нас прошагала стайка девочек в том возрасте, когда с мальчишками уже не играют, а с юношами ещё не гуляют. Одна из девчонок, глядя на Михаила, что-то сказала подружкам, девчонки захихикали, принялись оглядываться.

— Дети... — сказал я, глядя им вслед. — Хотите перехватить контроль над образованием? Воспитывать в духе любви к квази и радостного ожидания перехода в лучшее состояние?

— Не «хотите», — поправил Михаил. — Радикалы хотят.

— Ну да, — сказал я. — Годам к двадцати-двадцати одному, допустим, человек осваивает базовый запас знаний и определяется с будущей профессией. Чтобы род человеческий не прервался, к тому же возрасту можно успеть родить одного-двух детей. А то и трёх, если требуется. А дальше юноши и девушки дружными рядами подвергаются эвтаназии и превращаются в квази.

— Зачем эвтаназия? При правильном воспитании — молодые люди совершают торжественное самоубийство.

— Ну да, — сказал я. — Логично. Но не проходит по двум причинам.

— Перечисли.

— Первое — чтобы не обременять общество новыми толпами восставших, должен быть известен механизм возвышения восставших до квази.

— Допустим, что это известно, — сказал Михаил.

— Так, — сказал я, опуская взгляд. — Допустим, значит...

Если честно, то у меня не было сомнений, что этот механизм кто-то знает. Может быть, он известен учёным,

нашим и квази. Может быть, властям. Может быть, даже Михаил это знает.

— Хорошо, — сказал я. — Вторая причина, основная. Мы, люди, не позволим. Даже те, кто согласен после смерти стать квази, предпочтёт прожить долгую полноценную человеческую жизнь. И своим детям мы желаем того же. Война? Не выход, ядерное оружие под контролем людей, числом мы вас превосходим, пехота из восставших никакушная.

— Каким способом можно обойти это препятствие? — спросил Михаил.

Я хмыкнул.

— Понятное дело, каким. Уничтожить всех взрослых, воспитание детей передать квази. Какие-нибудь интернаты, где мудрые сильные квази учат детей, а дети мечтают поскорее вырасти и перейти в состояние квази. Восставшие, кстати, при этом совсем не нужны, детям явно не понравится мысль десятилетиями скитаться без разума. Но если есть путь ускоренного возвышения...

— Допустим, что есть, — вздохнул Михаил.

— Давай без «допустим».

— Есть, — сказал Михаил.

— Почему это хранят в тайне? — требовательно спросил я.

— Несколько причин. Но главное — потому что правительства людей резко против. Подумай сам, если это сделать, если восставшие превратятся в квази, то мы мгновенно станем главенствующей культурой на Земле.

В таком плане я ситуацию не рассматривал. А ведь это действительно было так! Чёртова политика...

— Значит, уничтожить всех взрослых, не затрагивая детей. Потом превратить всех восставших в квази. Квази собирают вместе всех детей... кстати, непременно будет множество жертв...

— Выделяются несколько территорий, на которых живут только дети и воспитатели-квази. Насколько я знаю,

радикалы наметили для этих целей Кубу, Сардинию, Крым, Новую Зеландию, Формозу.

— Как можно прицельно убить только взрослых? — спросил я.

И тут же понял, что я знаю ответ.

— Догадался? — спросил Михаил.

— Профессор Томилин, — сказал я. — Вирус ветрянки?

— Варицелла-зостер, — сказал Михаил. — Для детей заболевание не опасно. Для взрослых — наоборот. У нас появилась информация, что под руководством Томилина пытаются модифицировать вирус, сделать его смертельно опасным для взрослых людей. Я прибыл в Москву, чтобы прояснить ситуацию... но не успел.

— Но профессор погиб, — сказал я.

— Возможно, он успел создать культуру. Не зря Виктория что-то делала в лаборатории приюта, верно?

— Зачем же она его убила?

— Я полагаю, что он начал сомневаться в своей работе, — сказал Михаил. — То ли понял, куда ведут исследования... Виктория могла использовать его втёмную. То ли вначале поддался её убеждениям, а потом передумал. В любом случае она решила превратить его в квази, в надежде, что профессор полностью перейдёт на её сторону.

— Это плохо, плохо, плохо! — сказал я в панике.

Нет, меня пугало в первую очередь не то, что какой-нибудь чихнувший в метро гражданин завтра наградит меня смертельной ветрянкой. Все мы когда-нибудь умрём. Даже квази с их самомнением — всё равно умрут. И гибель человечества меня не пугала, ведь скажем честно — человечество не погибнет, оно лишь изменится.

Но когда я представил себе, как по всей Москве умирают взрослые, а команды квази собирают рыдающих перепуганных детей и везут куда-нибудь в Крым или на Сардинию...

— Эй, — сказал Михаил. — Я не из плохих парней. Я на твоей стороне. На стороне людей, если угодно.

Я посмотрел ему в глаза. Михаил твёрдо встретил взгляд из-под своей старой мятой шляпы.

— Потому что это справедливо? — спросил я.

— Да. Потому что никто не вправе решать за других, жить им или умереть.

— Нам надо найти эту тварь, — сказал я. — Как можно быстрее. И уж извини, дальше я буду вправе решить, жить ей или умереть.

— Всё ещё сложнее, — сказал Михаил. — Это только часть проблемы.

— Только часть? — воскликнул я. — Ну так говори!

— Нам надо не просто найти Викторию. Организация радикалов вела работу по нескольким направлениям. Есть и другие учёные, разрабатывающие вирусы, чья летальность зависит от возраста человека. Мы просто их не знаем. Это могут быть учёные-квази и учёные-люди, заинтересованные тем или иным образом. Надо найти Викторию и вытянуть из неё правду о всей организации. Контакты, руководство...

— О Боже, — сказал я. — Всё?

— Нет. — Михаил снял шляпу, поправил тулью. Он казался очень смущённым. — Ваши власти... они тоже что-то знают. Или догадываются. Или готовятся к любому ходу событий. В России, США, Китае, Шотландии ведутся разработки бактериологического оружия, убивающего восставших и квази. Поэтому мы не рискуем обратиться к человеческим властям и сообщить о происходящем — по нам могут нанести упреждающий удар.

— Прекрасно, — сказал я. — Вы убьёте всех взрослых. А мы — всех квази и восставших. Дети унаследуют чистый прекрасный мир, без идиотов.

Я встал.

— Ты куда? — спросил Михаил.

— К отцу Иоанну. Быстренько позуюся, или как там у них называется обряд, аналогичный крещению?

— Никак, они признают крещение в любой христианской конфессии. А назюзюкаться ты сможешь дома.

— Почему ты сразу мне не сказал? — требовательно спросил я.

— Приглядывался к тебе.

— А зачем сейчас сказал? Я теперь ночами спать не буду!

— Меньше пей, сон наладится, — ответил Михаил и тоже встал. — Пошли. Время ещё терпит, я сознательно сгустил краски. Во-первых, я не думаю, что Томилин добился желаемой эффективности вируса. Во-вторых, перед применением вируса радикалы активизируются. Им же потребуется создать огромное количество оперативных групп, чтобы спасти как можно больше детей, прежде чем тех растерзают восставшие родители. Пока признаков активизации радикалов нет.

— Сколько среди квази радикалов? — резко спросил я. Михаил отвёл взгляд.

— Ну?

— Тридцать-сорок процентов, — ответил Михаил. — Конечно, подавляющее большинство не в курсе происходящего. Но они поддержат тех, кто выпустит вирус.

— И ещё «болото», те, кому всё равно, — сказал я. — Их ведь тоже процентов тридцать-сорок.

— Я бы сказал — пятьдесят, — поправил Михаил.

— Поздравляю, ты в меньшинстве.

— Если ты не радуешься мысли одним махом уничтожить всех восставших и всех квази, то ты, мой друг, тоже, — сказал Михаил.

— Порадовался бы, — сказал я. — Ещё как. Если бы это хоть что-нибудь изменило.

К Москве мы подходили с севера. Точнее — мы подходили к Долгопрудному. Хотелось надеяться, что и в столице, и в прилепившемся к ней городке смогли справиться с катастрофой.

Дмитровское шоссе было пустынно. Кое-где попадались брошенные машины, как правило — разбитые, видимо, в панике, или с кончившимся бензином. Я тайне надеялся, что на дороге будут какие-то посты, может быть — армейские патрули. Но, видимо, все силы стянулись к городу.

— Всё будет нормально, — сказала Ольга. После того как стало ясно, что её рана заживает, а сама она и не думает обращаться в монстра, у неё прибавилось оптимизма. — Дойдём до Долгопрудного — и на метро в Москву...

— На метро? — удивился я.

Ольга рассмеялась.

— А ты не слышал эту историю? Когда-то студенты Физтеха решили пошутить на первое апреля. Выпустили стикеры со станцией метро «Физтех». Раздали всем студентам. И те, когда ездили в метро, во всех вагонах наклеивали стикер, продолжая серую ветку. Заклеили все вагоны! Причём так аккуратно, что пассажиры решили, будто и впрямь построили или строят новую станцию. Даже на схемы метро этот розыгрыш попал!

— Жалко, что только шутка, — сказал я, оглядываясь на Ольгу. — Давай я?

Ольга несла сына в слинге. Он не спал, серьёзно и молча взирал на мир.

— Своя ноша... — отозвалась Ольга. — Посёлок... зайдём?

Я посмотрел на указатель с надписью «ШОЛОХОВО». Дорога шла по окраине посёлка, мы так или иначе в него должны были зайти... если, конечно, не делать крюк.

— Вроде тихо, — согласился я.

— Есть хочется, — сказала Ольга. — И посидеть. Просто посидеть в кресле, вытянув ноги...

— С бутылкой пива, — поддержал я. — Или бокалом коньяка.

Ольга рассмеялась.

— Ну разошёлся! Первый и последний раз, когда я тебя видела с бокалом, — это на свадьбе. И то, ты даже шампанского не выпил...

— Я выпил, — обиделся я. — Весь бокал выпил. Ну не люблю я спиртное, мне своей дури хватает...

Наверное, нас так расслабила близость Москвы. А может быть, то, что мы уже сутки не встречали восставших. Появилось ощущение, что всех их перебили, а может, они сами перемёрли...

На самом деле они просто тягивались к крупным городам. К Москве в первую очередь, конечно. Инстинкты, или что там у них осталось вместо разума, гнали восставших к местам скопления людей.

У нас, очевидно, тоже разума не осталось.

И мы вошли в Шолохово. Обычную подмосковную деревню с населением в сотню-две человек, место обитания столичных дачников. Аккуратные домишки в один-два этажа, по меркам Подмосковья — небогатые, зелень... И тишина.

По тихой зелёной улице мы стали углубляться в посёлок.

Где в Москве может укрыться квази? Церковь — проверена. Три гостиницы, где квази традиционно останавливались, — проверены. Десяток вегетарианских ресторанов — проверены.

В последнем из ресторанов, модном заведении с названием «Зелёные друзья» на Пречистенке, мы и пообедали. Михаил жевал салат из огурцов с помидорами, заедая его хлебом. Я съел гороховый суп и ковырялся в ризотто с белыми грибами.

— Ей надо где-то спать, — сказал я. — Беда в том, что в Москве полно мест, где можно поселиться без документов. Частные квартиры, дешёвые гостиницы «на час».

— В Москве ещё есть парки, скверы и подвалы, — добавил Михаил. — Ориентировки на Викторию разосланы. Она это понимает. Я бы на её месте ни в какие гостиницы не совался. А она не глупее меня.

Я кивнул. Большой город Москва. И квази пусть и небольшая часть населения, но не настолько редкая, чтобы на каждого обращали внимание.

— Вот если бы по телевидению показать её портрет, — вздохнул я.

— Лишняя паника, — ответил Михаил. — Ориентировка есть в гостиницах, у всех полицейских, у вахтёров и частных охранников. Её портрет в системе опознания камер наружного наблюдения.

— Тогда я не понимаю, как она скрывается, — сказал я. — Обычно, когда объявлен «Перехват», преступника ловят за сутки.

— Она квази, — сказал Михаил. — Гляди.

Он отложил вилку, на мгновение замер. Потом слегка опустил и выдвинул вперёд нижнюю челюсть. Нет, ничего карикатурного, никакого франкенштейновского монстра. Но лицо сразу изменилось. Шире открыл глаза, чуть наморщил лоб, изменив наклон бровей. Потом руками помял уши и приплюснул их. Убрал руки — уши распрямляться не спешили.

— И долго ты проходишь с такой рожей? — спросил я.

— Да сколько угодно, — ответил Михаил.

Я отвёл взгляд. Снова посмотрел на Михаила.

В первую секунду мне показалось, что рядом сидит совсем незнакомый квази.

— У нас же другая структура тканей, — сказал Михаил, будто извиняясь. — Мы не оборотни, конечно. Но если обычный человек может скорчить гримасу и удержать её несколько минут, то мы способны так ходить днями и неделями. А ещё причёска, лёгкий грим, походка, одежда... Ты, конечно, Викторию узнаешь, если приглядишься. Но на первый взгляд она будет казаться совсем другой женщиной. Если хорошо затонировать кожу, ты даже не поймёшь, что это квази, а не живая женщина.

— Температура, — сказал я.

— Да, её не изменить. Если бы все камеры наружного наблюдения были оборудованы ещё и тепловизорами, было бы легче. Но таких камер от силы два десятка.

— Вообще не знал, что такие есть на улицах... — пробормотал я и подцепил из ризотто ломтик гриба. Внимательно осмотрел, попробовал. — Тогда всё совсем бездейно. Патрульные её не опознают, автоматика из толпы не выделит... Слушай, да убери ты эту физиономию!

— Извини, забыл, — сказал Михаил, расслабляя мышцы и обретая прежний облик. — Заметь, я ведь называл самые простые способы. А есть ещё старые добрые методы — татуировки, контактные линзы, вата под щёки, подкладывание под одежду подушечек, корсеты, бинтование... Она может выглядеть мужчиной, понимаешь? Живым мужчиной.

— Ты меня успокоил, — сказал я. — И как будем её искать? Может быть, всё-таки стоит сообщить соответствующим структурам?

— Денис, неужели ты полагаешь, что капитан Маркин просто так занялся убийством профессора? — спросил Михаил.

— Понятно, — сказал я. — Шпионские страсти.

— Я не шпион. — Михаил, казалось, даже чуть обиделся.

— Ну агент. Признай тот факт, что люди и квази де-факто существуют как разные государства на одной территории. В прошлом году в Штатах, помнишь, какие тёрки были? Между президентом от живых и президентом от мёртвых? Чуть новую гражданскую войну не начали. Восток против Запада.

— Джордан президент от квази, а не от мёртвых, — поправил Михаил. — А искать мы Викторию всё-таки будем. У нас есть преимущество перед Маркиным и его ребятами.

— Какое?

— Я — квази, — сообщил Михаил.

— Да ты что! А я как-то даже не замечал! — саркастически произнёс я. — И что? Нюхом её учуешь?

— Мы не пахнем, наш след даже собаки плохо берут. Дело в том, Денис, что я знаю ещё ряд мест, где бывают наши. Не хотел бы там появляться, но... — Михаил промокнул губы салфеткой. — Ты доел?

Я посмотрел на ризотто. Ломтики грибов сиротливо проглядывали из риса. Наврали, что ризотто с белыми грибами, в основном тут были шампиньоны.

— Да что-то аппетита нет.

— Ну извини, — сказал Михаил. — В следующий раз зайдём в обычный ресторан. А сейчас прогуляемся пешком, после обеда полезно.

Поскольку Михаил явно ожидал вопросов, я промолчал. Мы расплатились (увы, отсутствие в меню мяса никак не сказалось на цене) и вышли из ресторана, оставив машину на стоянке. Повинуясь внезапному порыву, я позвонил Насте, но она не брала трубку. Выждав вежливые три звонка, я спрятал телефон. Михаил терпеливо ждал. Мы прошли полтора квартала по Пречистенке, завернули направо, на Померанцев переулок. Двинулись в сторону сквера Тургенева.

— Я понимаю, ты специально не хочешь ничего спрашивать, — сказал Михаил. — Это твой протест против моих недомолвок.

Я пробурчал что-то невразумительное.

— Но ты ведь тоже многое мне недоговариваешь, — укоризненно заметил квази. — Тема очень болезненная и неловкая для нас обоих, но ты не допускаешь, что Найд...

— Нет, — сказал я. — Я не буду проводить никаких исследований. Он — не мой сын. И мы не касаемся больше этой темы.

— Очень странно, — сказал Михаил. — Но как хочешь. Тебе жить.

— Куда мы идём? — спросил я.

— Дом номер три, возле сквера. Центр постмортальной психологии.

Я покосился на Михаила, но он был вполне серьёзен.

Центр постмортальной психологии оказался небольшим помещением в полуподвальном этаже старого пятиэтажного здания. Я припомнил, что когда-то здесь был магазин под названием «Лавка жизни». Теперь здесь висела строгая черно-белая вывеска «ЦПП», без расшифровки аббревиатуры.

Какая-то ирония в этом присутствовала.

— Ты предполагаешь, что, не рискуя больше появиться в церкви, Виктория кинется в объятия психологов? — спросил я.

— Можно сказать и так, — туманно ответил Михаил.

Мы вошли в ЦПП.

Помещение было небольшим. Маленький холл, свежоотремонтированный, с тем же строгим дизайном — белые стены, чёрная мебель. Стойка приёмной, за которой сидела миленькая черноволосая девушка. Живая. За её спиной висели какие-то дипломы в рамочках, большие черно-белые постеры с фотографиями старинных церквей и соборов. Под потолком беззвучно работал телевизор, демонстрируя старые фильмы с Чарли Чаплином.

Несколько дверей вели в другие помещения.

— Добрый день, — сказала девушка с мягким малороссийским акцентом, встала, дружелюбно улыбнулась. Бейдж на её блузке, расстёгнутой ровно настолько, чтобы поманить взгляд крепкой молодой грудью, содержал только имя: «Оксана». — Берите анкеты, заполняйте...

Взгляд её остановился на мне.

— Вы сопровождающий, верно?

— Да, — согласился я. — Это моя работа в последнее время.

Михаил, к моему удивлению, анкеты взял. Уселся за столик, снял шляпу, достал авторучку и принялся заполнять листы аккуратным разборчивым почерком. Я мельком глянул — обычные, одинаковые в любом заведении анкеты. Имя-фамилия, год рождения, место жительства, место работы... Учитывая специфику, здесь ещё была

дата смерти и дата возвышения — последнее время дискутируется вопрос, не добавить ли эти пункты во все анкеты и документы с целью борьбы с дискриминацией квази. Но вопрос как-то всё время замыливается в правительстве и остаётся там же, где и закон о разрешении гомосексуальных браков. Это Россия, детка. У нас тут подлинная демократия, в том смысле, что исполняется воля большинства.

— Может, и мне заполнить анкету? — пошутил я.

У Оксаны округлились глаза.

— Да, но как вы... То есть можно, конечно... А на какой эффект вы рассчитываете?

Она совсем смутилась.

— Представьте себе, что я ничего не знаю о вас, — сказал я и улыбнулся. — Ну и расскажите о вашем центре.

Девушка покосилась на одну из дверей. Видимо, размышляла, не вызвать ли начальство.

Но я улыбался, был одет в штатское, и Оксана решила справиться сама.

— Наш центр постмортальной психологии оказывает услуги для квази, связанные с изучением глубин их психики, изменений по сравнению с прижизненным состоянием, вырабатывает рекомендации по духовному развитию, оказывает консультационные услуги по отдельным вопросам, — оттарабанила она.

— Здорово! — похвалил я. — А каким образом?

— Мы используем одобренную Минздравом методику психологической консультации с использованием разрешённых медицинских препаратов новейшего поколения, — так же заученно сказала Оксана.

Ментовская струнка во мне сразу же зазвенела при словах «медицинских препаратов».

— На меня не действуют? — с просительной улыбкой произнёс я.

Оксана прыснула.

— Ну что вы! Не при жизни.

— Вот анкета. — Михаил протянул Оксане заполненные бумаги. Та быстро проглядела их, спросила:

— Вы хотите первый сеанс прямо сейчас?

— Да.

— Полторы тысячи за первичный приём, семьсот пятьдесят рублей за сеанс, — сказала Оксана. — Товарищ будет вас сопровождать?

— Да, — твёрдо сказал Михаил.

— Двести пятьдесят за сопровождающее лицо. Фото и видеосъёмка разрешена за дополнительную плату.

— Не надо. — Михаил покачал головой. — Я готов.

Оксана вышла из-за стойки. Всё, что скрывалось за стойкой, у неё оказалось столь же привлекательным, как и доступное взгляду ранее.

— Марина Абрамовна! — Девушка постучала и приоткрыла ту дверь, на которую косилась. — Пациент, Михаил Иванович Бедронец. Первичный приём.

— Пусть проходит, — грубоватым голосом отозвалась Марина Абрамовна.

По контрасту с красавицей Оксаной глава центра постмортальной психологии оказалась женщиной крепкой, кряжистой, немолодой и непривлекательной. Над верхней губой угадывались плохо депилированные усики. В кабинете Марины Абрамовны, несмотря на работающий воздухоочиститель, крепко пахло табаком, а на столе вызывающе стояла небрежно прикрытая пепельница.

— О работе нашего центра осведомлены? — бросив на меня беглый взгляд и не сочтя достойным внимания, спросила Марина Абрамовна. Бейджа она не носила, но табличка на её столе утверждала, что Марина Абрамовна — доктор медицинских и психологических наук, а также нейропсихолог.

— Вполне, — ответил Михаил.

— Первый раз?

Михаил кивнул.

— Ну пойдёте тогда, не будем попусту болтать... — Марина Абрамовна поднялась и двинулась сквозь кабинет плавно и неотвратно, будто морской буксир через акваторию.

Пройдя через приёмную, мы вошли ещё в одну дверь. Оксана уже вернулась на своё место, одарив нас на прощание дежурной улыбкой.

Новое помещение центра оказалось длинной комнатой без окон, с узкими кушетками, разделёнными свисающими с потолка занавесками. Мне вспомнился кабинет «электросна» в ведомственном пансионате, куда я как-то честно отходил десять дней. Лежишь себе с электродами на веках, чуть-чуть пощипывает кожу...

Но здесь никаких аппаратов, придуманных ещё в таинственные и эпические времена СССР, не было. Только кушетки с белыми простынками на них и один-единственный стеклянный медицинский шкафчик.

— Встаньте на весы, назовите мне вес, снимайте ботинки и пиджак, закатайте один рукав до локтя, ложитесь на любую кушетку, — велела Марина Абрамовна.

Михаил послушно выполнил все указания. Весил он восемьдесят два килограмма, мне показалось, что для его телосложения это многовато. Но квази чуть тяжелее людей при одинаковых габаритах.

Директор центра тем временем достала из шкафчика одноразовый шприц, большой стеклянный флакон с желтоватой прозрачной жидкостью, набрала кубиков пять.

— Что это? — спросил я.

— Инновационный медицинский препарат, — сухо ответила директор. Подошла к Михаилу, склонилась над ним и ловким движением вколола шприц.

Кровь у квази не такая, как у людей. Она густая, очень плохо идёт через иглу. Но Марина Абрамовна всё-таки убедилась, что попала в вену, и только дождавшись появления в шприце тёмного облачка, принялась вводить раствор.

— Эта жидкость называется хлористый калий, — внезапно сказал Михаил. — Применяется в медицине уже сотню лет. Для людей такое быстрое введение смертельно. У квази... у квази... вызывает иные эффекты...

Марина Абрамовна застыла со шприцем в руке. С возмущением спросила:

— Так вы все знаете? А зачем же платили?

— Для наглядности... — непонятно сказал Михаил. Поморщился. — Жжётся... немного.

— Оно и должно жечься, — сказала Марина Абрамовна. Покосилась на меня. — Теперь полежите немного, Михаил, препарат начнёт действовать минут через десять.

— Как влияет хлористый калий на квази? — спросил я.

Мария Абрамовна посмотрела на меня с изрядным сомнением, будто решала, стоит ли что-то объяснять.

Я молча достал и продемонстрировал полицейское удостоверение. Доктор разных наук сразу преисполнилась готовности к сотрудничеству и чтению лекций:

— Вызывает временную активацию некронеионов вентромедиальной префронтальной коры.

— А доступнее?

Марина Абрамовна казалась очень смущённой.

— Это зона эмоциональной оценки морали. Сочувствие, сострадание, сопереживание... совесть.

— Эмпатийность, в общем, — блеснул и я умным словом.

Наверное, я употребил его не совсем верно, потому что врач поморщилась.

— Ну... можно сказать и так.

— Но квази же нельзя назвать бесчувственными или лишёнными сострадания, — сказал я.

— Нет-нет, конечно! — быстро сказала Марина Абрамовна. — Но они... как бы вам сказать... они рассудочно моральны. Вот представьте себе, к примеру, что тонет корабль. И вы можете спасти либо пять человек, либо одного. Ваше решение?

— Глупый вопрос, — сказал я. — Пятерых, конечно.

— Хорошо. А вот та же самая ситуация, но шестой человек тоже лезет в шлюпку. У вас пистолет. Если вы не застрелите шестого — то шлюпка потонет. Ваши действия?

— Останусь сам, — выкрутился я.

Марина Абрамовна улыбнулась:

— Допустим, это невозможно. Тогда погибнут все, только вы можете управлять шлюпкой. Что вы сделаете?

— Не знаю, — сказал я.

— Но ведь ничего не изменилось. Вы и так убивали человека, оставляя его на корабле, и спасали пятерых.

— Это другое, — сказал я.

— Для нас — нет, — произнёс с кушетки Михаил. — Для любого квази ситуация однозначна.

— Все дело в вентромедиальной префронтальной коре. — Марина Абрамовна оживилась, перейдя на любимую тему. — Это словно эмоциональный контроль над логикой. Обычная логика тоже требует от человека помогать другим людям, но логика не видит разницы между «бросил умирать» и «убил». Тут работает то, что Фрейд называл «супер-эго».

— То есть квази могут стать... людьми? — поразился я. — Ну то есть мёртвые-то они останутся мёртвые, но будут человечными?

— Это временно, — сказал Михаил со вздохом. — Это на четверть часа. И эффект слабеет от раза к разу, в итоге сходя на нет...

Он перевёл взгляд на меня — и я вздрогнул. Взгляд был живым. Будто в нём включилось что-то, заработало, проснулось.

— Ты, наверное, задаёшься вопросом, зачем мы ходим в такие вот центры... Да для того же, что и в церковь. Чтобы почувствовать себя живыми. Чтобы ощутить что-то, стоящее выше нашего разума. Это как голод. Тот голод,

что мы ощущаем, когда восстали. Только тот голод проходит, а этот — нет...

Квази замолчал.

— Вы же ничего не помните после возвышения... — пробормотал я.

— Голод помнят все. Только о нём не говорят. — Михаил перевёл взгляд на Марину Абрамовну. Та отступила на шаг. — Женщина-квази. Молодая. Могла называть себя Викторией. Могла притворяться мужчиной, но это вряд ли, вблизи вы бы поняли.

Он достал из кармана старенький мобильник и показал врачу фотографию Виктории.

— Вчера. Короткая стрижка, ярко-рыжие волосы. Назвалась Марией Незваной, — чётко, почти по-военному отрапортовала доктор. — У нас была первый раз.

— Вы были на её сеансе?

— Нет, это не обязательно.

— Запись вели? Аудио, видео?

— Ну что вы! — Марина Абрамовна явно обиделась. — У нас с этикой очень строго...

— Хотя что-то она говорила? — с надеждой спросил Михаил.

Мария Абрамовна всплеснула руками.

— Да как все! Как все, ничего особенного! Что перед ней серьёзные проблемы, что ситуация заставляет её предавать своих, что она хотела бы попробовать взглянуть на проблему с нашей... с человеческой точки зрения... Я понимаю, это немного наивный взгляд, но очень часто ваши приходят именно за этим...

— Она сказала «предавать своих»? — уточнил Михаил. — Вы уверены?

Мария Абрамовна кивнула.

— Тогда подождите снаружи, — сказал Михаил. — Подготовьте копию её анкеты. А я хочу остаться с товарищем.

Директор центра с неожиданным проворством выпорхнула из кабинета.

— Ты что-то понял о Виктории? — с сомнением спросил я.

— Возможно, — сказал Михаил, глядя на меня. — Надо ещё разобраться. Но для этого мне не нужно было колоться самому. Я хотел посмотреть на другую проблему с иной, с человеческой стороны.

— Какую проблему?

— Проблему Найда.

— Ты опять за своё, — вздохнул я. — Нет никакой проблемы.

— Она есть. Вероятность того, что он твой сын, очень велика. Ты уклоняешься от однозначного ответа, значит, не знаешь точно, погиб он или нет. У тебя нет другой семьи. Ты до сих пор страдаешь от потери жены и сына. Я не могу логически понять, почему ты отказываешься от генетического анализа. Поэтому я сделал то, что зарёкся когда-либо делать, — инъекцию хлористого калия.

— Решил посмотреть на проблему с человеческой точки зрения, — кивнул я. — Понятно. Хорошо, я тебе всё объясню.

— Я слушаю, Денис. — Михаил с надеждой посмотрел на меня.

— Во-первых, я боюсь надеяться на чудо, — сказал я. — Выяснится, что ты ошибся, и будет ещё хуже.

— Не в твоём характере, — сказал Михаил. — Если бы ты сказал это раньше, я бы поверил. Но сейчас... сейчас я немного лучше понимаю тебя. Человек всегда надеется на чудо. Человек чудом живёт, потому что ни для чего другого жить не имеет смысла.

— Да, ты прав, — подтвердил я. — Меня бы это не удержало. Поэтому — во-вторых. Как ни странно, но я с тобой подружился, старый мертвяк. Ты славный напарник и хороший друг. Ты воспитывал этого мальчика как родного сына. И если вдруг окажется, что я — его отец, то это

никому не нужный шок. Понимаешь? Я, тьфу-тьфу, им-потенцией не страдаю. Будут у меня дети. А это — твой ребёнок.

— Спасибо, — сказал Михаил. — Если бы мои слёзные железы функционировали как человеческие, я бы сейчас прослезился от умиления. Только знаешь что?

— Что?

— Хорошо трендеть, — сказал квази. — Никакой я тебе не друг, и даже будь лучшим другом — ты бы проверил, кто тебе Найд. Пусть даже не для того, чтобы забрать себе. Просто чтобы знать. Не ври мне больше, тупой живой по-лицай!

— Ладно, — сказал я. — Сейчас.

Я подошёл к шкафчику, открыл его.

Мне повезло — среди стоящей там ерунды нашлась стойка с герметически закрывающимися пробирками и рулончик стерильной ваты. Уж не знаю, для чего они там стояли. Скорее всего, просто для антуража.

Я открыл одну пробирку. Клочком ваты потёр себе нёбо и бросил его в пробирку. Потом смачно харкнул туда же. Закрыв пробирку и протянул Михаилу со словами:

— Тьфу на тебя.

Михаил помолчал. Потом, не вставая с кушетки, взял пробирку из моих рук и кивнул.

— Спасибо, Денис. Я очень рад, что ты всё-таки согласился.

— Анализ покажет, что Найд не является моим сыном, — сказал я. — Так что лучше купи мне бутылку вискаря в качестве компенсации за назойливость.

— Почему ты так уверен? — спросил Михаил. — Ты всё-таки видел, как погиб твой сын?

— Нет! — выкрикнул я. — Я не видел! Но ребёнок был не от меня, понятно?

Я вышел в коридор и закрыл дверь. Покосился на Оксану — слышала она мой возглас? Судя по любопытному взгляду — слышала.

Интересно, что она подумала.

В кармане затренькал телефон. Я достал его — звонила Настя.

Должно же быть в жизни что-то хорошее, кроме нависшей над всеми людьми угрозы, безрезультатных поисков и копания в старом грязном белье?

— Да, Настя, — отворачиваясь от Оксаны, будто это придавало разговору большую интимность, сказал я в трубку. — Я звонил, хотел предложить встретиться.

— Денис, сегодня не получится! — Голос Насти звенел от волнения. — Денис, Денис, ты не представляешь, что случилось!

— Что? — спросил я с подозрением.

— Мама и братик! Они возвысились! Их сегодня могут выписать из приюта, они вернутся домой!

— Я ужасно рад, — растерянно сказал я. — Да, я правда рад...

— Денис, я сейчас бегу в приют, — сказала Настя. — Потом созвонимся, хорошо? Завтра? Я уже убегаю. Завтра, хорошо?

— Хорошо, — сказал я. — Завтра.

Настя прервала связь.

Я спрятал телефон, посмотрел на Оксану.

— Не ладится? — спросила она.

— Не то слово, — сказал я. — Скажите, а что вы делаете вечером?

— Варю мужу борщ, — улыбнулась Оксана.

— Везёт же некоторым, — вздохнул я. — Скажите моему спутнику, что я подожду на улице.

Выйдя из центра постмортальной психологии, я огляделся. Погода стояла замечательная, редкий случай для московского лета.

Должно же быть в жизни что-то хорошее.

Кроме самой жизни.

Глава шестая

ДРАНЫЙ ЛИС И КАРТОШКА

До вечера было ещё далеко, но возвращаться в отделение ради пары часов работы не хотелось.

Тем более — ради пары часов бумажной работы.

Михаил вышел из машины в центре. Сказал, что ему надо поразмыслить и, может быть, нанести пару визитов. По тону всё было понятно, он хотел остаться один, но я всё же уточнил, потребуется ли моя помощь. Помощь не требовалась, и я, оставив квази, поехал домой.

Лето — хорошая пора, даже в мегаполисе, даже в Москве. Конечно, так, как раньше, город не пустеет, далеко не все могут позволить себе выехать на природу, слишком мало пока ограждённых заповедников и курортов. Но всё-таки народа поменьше.

Я завернул в переулок рядом с домом. На другой стороне подходил к «зебре» ребёнок лет десяти — даже непонятно было, то ли симпатичная коротко стриженная девочка, то ли хорошенький длинноволосый мальчишка. Можно было успеть проехать, но я остановился. Дети вечно носятся через дороги не глядя, завернёт за мной слишком резко какой-нибудь лихач, раз — и одним восставшим на свете больше.

Ребёнок понял, что я его пропускаю, побежал через дорогу — вприпрыжку, как умеют только дети. Кажется, это всё-таки был мальчик. Пробегая мимо машины, улыбнулся мне и отсалютовал рукой.

Я невольно улыбнулся в ответ. В мальчишке кипела жизнь — юная, ликующая, бьющая через край. У него не было спокойного могучего рассудка квази, их обострённых органов чувств, не было их немыслимой выносливости и совершенной регенерации.

Но он был живой.

А квази — мёртвые.

Бедолага Найд, которого Михаил так настойчиво предлагал мне в сыновья, был кем-то посередине между людьми и квази. Я был уверен, что Найд не побежит вот так вприпрыжку через дорогу, а остановится и внимательно проверит безопасность движения. И незнакомому водителю, без особой нужды пропускающему его, улыбаться не станет. Квази его спасли, но сделали похожим на себя...

Сзади нетерпеливо загудели. Я сообразил, что всё ещё стою на повороте, плююсь вслед незнакомому мальчишке, будто извращенец какой-то, а за мной уже две машины. Выругался сквозь зубы и дал по газам. Едва вступившая на переход женщина от греха подальше отступила назад и что-то неодобрительно выкрикнула вслед.

Но всё-таки даже это не испортило мне настроения, будто взмахнув рукой, незнакомый мальчик щедро поделился со мной своей жизнерадостностью.

Я припарковал машину у подъезда, вышел, всё ещё улыбаясь. Открыл кодовым ключом дверь и вошёл в подъезд. Я живу в старом доме, подъезд в нём маленький, консьержа нет — его банально некуда посадить. Даже видеокамеры в подъезде нет.

Так что когда меня обхватили сзади рукой за шею, чётко проведя приём на удушение, зрителей моему позору не было.

Я захрипел, пытаюсь вдохнуть, несколько раз ударил локтём назад. Но меня держали крепко, умело.

С нечеловеческой силой.

Впрочем, через мгновение чужая рука немного расслабилась и женский голос прошептал мне на ухо:

— Ты один, капитан Симонов?

Вопрос, пожалуй, был риторический. Но я предпочёл ответить:

— Да.

— Это хорошо, — сказала Виктория (ну а кто же ещё?). — Скажи, Дранный Лис по-прежнему работает с тобой?

— Кто? — поразился я.

— Бедренец. Инспектор Представителя. У нас его зовут Дранный Лис.

— У кого это «у нас»? — Я понимал, что случайно зашедший в подъезд человек мне не поможет. Что справиться с Викторией один на один может только другой квази. Но всё-таки тянул время.

— У нас, у квази, — терпеливо ответила Виктория. — Вижу, что работает... Слушай меня внимательно, капитан Симонов. Слушай внимательно, понимай правильно и запоминай надолго.

Ух ты!

Во-первых, она, похоже, не намерена меня убивать!

А во-вторых, она образованная женщина.

— Слушаю, понимаю, запоминаю, — сказал я.

— Не верь Драному Лису. Не верь квази. Всё не так, как кажется.

— Хорошо, — сказал я. — Я тебе не верю.

— Правильно, — подтвердила Виктория. — Мне тоже не верь. Я на вашей стороне, но не верь.

— Если ты на нашей стороне, то верни вирус, — сказал я.

Рука на моей шее дрогнула.

— Михаил рассказал про вирус, — пояснил я. — Это тоже неправда?

— Это часть правды, — сказала Виктория. — Ты не понимаешь.

— Так объясни. Я смыслённый, я пойму.

Виктория размышляла. Потом сказала:

— Нет. Все слишком сложно. Найди капитана Маркина. Скажи, что я сдамся лично ему. Вот... тут мой телефон. — Мне в карман джинсов сунули шуршащий клочок бумаги. — Лично Маркину. В безлюдном месте. Ты, если хочешь, будешь свидетелем. Больше никого не надо. И ни в коем случае не должен присутствовать Дранный Лис.

— Ага, — сказал я. — Здорово. Человек против квази. Ты порвёшь на части и Маркина, и меня.

— Маркина порвать не так-то просто, — ответила Виктория. — Но в любом случае решать вам.

Она замолчала.

Взял паузу и я. Стоял спокойно. Ждал. Готовился вцепиться в руку Виктории, присесть и попытаться перебраться её через себя, срывая захват.

Так что миг удара по голове я пропустил.

Вот я стою, готовясь к схватке.

А вот уже полулежу, привалившись к стене подъезда под почтовыми ящиками.

В глазахплыли цветные пятна, в ушах звенело.

Чем же она меня так приложила?

Неужели собственным лбом?

— Живой? — поинтересовалась квази. — Найдётся рядом работающая больница, провериться?

Надо же, какая заботливость!

— Живой, — прохрипел я. — Не беспокойся. Обойдусь.

— Без Бедренца, — повторила Виктория, чуть склонившись надо мной. — Запомни...

Она даже не забрала пистолет у меня из кобуры. Но к тому моменту, когда я пришёл в себя настолько, что смог достать оружие и доковылять до двери, Виктории уже и след простыл. На улице было пустынно и мирно.

— Что сказать-то хотела? — потирая затылок, пробормотал я.

Сотрясения, кажется, не было. Ударил меня Виктория сильно, но очень аккуратно. Гуманно.

Впрочем, всё, что квази хотела до меня донести, было вполне понятно.

Во-первых, она готова к переговорам и даже к явке с повинной.

Во-вторых, она не доверяет Бедренцу и зовёт его обидным прозвищем Дранный Лис.

В-третьих, она продемонстрировала свою добрую волю тем, что не убила меня.

К сожалению, у всего этого могла быть и ещё одна причина — занимающийся её розыском Маркин так ей мешает, что она придумала план его устранения. А заодно решила вбить клин между мной и старым квази...

Дранный Лис.

Ну надо же!

Был бы «Хитрый Лис», был бы «Старый Лис» — я бы не удивился.

Но почему «дранный»?

— Слушай, понимай, запоминай... — пробормотал я. — Не верь, не бойся, не проси. Всегда одно и то же...

Я вернулся к лифту и нажал кнопку своего этажа. Вообще-то на третий этаж я обычно поднимаюсь пешком, считая это полезным физическим упражнением. Но сейчас почему-то хотелось поленился.

Дома я сунул голову под струю холодной воды и постоял так секунд десять. Потом вытер голову полотенцем, прислушался к ощущениям.

Да ничего не изменилось!

Тогда я достал из аптечки пару таблеток ибупрофена, запил их стаканом воды и уселся перед телевизором. Полистал каналы. По «России-24» рассказывали о новом агрокомплексе в Вологодской области — обнесённой забором территории, надёжно очищенной и защищённой от восставших, где вольно пасутся коровы, давая замечательное молоко. По детскому каналу «Карусель» шёл старый дурацкий фантастический фильм про двух пацанов, попавших то ли в будущее, то ли в прошлое, то ли на другую

планету — я так и не понял. По Первому тянулось одно из тех бесчисленных дневных ток-шоу, которые смотрят только домохозяйки и пенсионеры. Старенькая, но отчаянно молодящаяся актриса сочувственно кивала, выслушивая свою собеседницу: тоже актрису, но молодую, одну из бесчисленных «восходящих звёзд». Речь шла о мужчинах. Молодая актриса объясняла, что в человеке ей важна личность, а не внешность или какие-то особенности. Я ну-трём почуял, что сейчас она признается в любви к квази, ну или хотя бы скажет что-то вроде «не важно, живой или мёртвый, лишь бы уважал меня как личность», и выключил телевизор.

Дранный Лис!

Не говорить Михаилу про встречу с Викторией.

Сообщить Маркину о её предложении.

Я вынул из кармана листок. Он был вырван из ежедневника, на нем чётким каллиграфическим почерком было написано два номера. Один — телефон Маркина. Значит, и сама могла с ним связаться, но предпочла посредника. Вторым был номер Виктории. Рядом с ним была приписка: «Телефон будет включаться на полторы минуты в 9.00, 15.00, 21.00».

Понятно. Не хочет, чтобы запеленговали. Небось и батарейку из телефона вынимает.

Включив в собственном мобильнике фонарик, я рассмотрел листок в ярком свете. Увы, каких-нибудь вмятин от написанного на другой странице, вроде адресов или телефонов, не обнаружил. Такое случается разве что с Шерлоком Холмсом.

Я подумал и набрал номер Михаила.

Его телефон был выключен.

Тогда я набрал его домашний номер.

— Алло?

Это был Найд.

— Привет, — сказал я. — Это Денис Симонов. Скажи, Михаил дома?

В трубке повисла тишина.

— Алло? — недоуменно повторил я.

— Нет, он заходил, но потом снова ушёл, — ответил Найд.

И опять замолчал.

— Чёрт его побери! — выругался я, внезапно понимая, с чем связано молчание. — Извини, Найд.

— Ничего, — ответил мальчишка. — Денис?

— Да?

— Вы правда мой отец? Биологический?

— Не знаю. Нет. — Я даже не заметил, как встал с кресла и принялся расхаживать по комнате. — Твой... Михаил ошибается. Нет, ты не мой сын.

— Он обычно не ошибается, — сообщил Найд. — Ни в чём.

— В этот раз ошибся.

— Вы не думайте, я не напрашиваюсь, — сказал Найд. — Мне... ну просто интересно. Не про вас! Про... — Он запнулся.

— Найд, поверь мне, что... — Теперь настала моя очередь замолчать. — Найд, всё очень сложно.

— Почему сложно? Либо да, либо нет, — рассудительно сказал мальчик. — Либо я ваш сын, либо не сын. Михаил сказал, что сегодня сделает анализ.

— Найд, я завтра к вам заеду и мы поговорим, — я отчаянно хотел закончить разговор. — Договорились?

— А сегодня?

— У меня дела. Работа.

— Хорошо, — смирился Найд. — Завтра. Тогда возьми-те фотографию, ладно? Мама.

Я прервал связь.

Нет, вначале я сказал: «Ладно».

А потом отключился.

И с чувством произнёс:

— Драный Лис!

Минуту я держал телефон в руке и смотрел на него, будто на бомбу — рванёт или нет?

Найд не стал перезванивать.

Может быть, решил, что всё уже сказано и разговор закончен. Он очень логичный мальчик, совсем как квази.

Тогда я глянул ещё раз на бумажку и набрал мобильник капитана Маркина.

Я стоял у окна и смотрел на танк.

Старый танк времён Второй мировой войны.

Надо же. Никогда не знал, что в этом посёлке музей легендарного «Т-34».

Честно говоря, рад был бы и не узнать.

Ну что нам стоило пройти мимо?

— У них какие-то проблески разума, — сказал я. — Может быть, коллективный разум?

Домик, в котором мы укрылись, увидев первых восставших, стоял совсем рядом с музеем. Здесь было чисто и пусто. Ни людей, ни оружия, ни даже еды — перед уходом хозяева всё выгребли. Серьёзным укрытием дом послужить не мог, но, похоже, мы на некоторое время спрятались. Если восставшие нас и чуяли, то локализовать точно пока не могли.

Как же они ориентируются? По запаху? Звуку? Зрению?

Восставшие сходились к нам со всех сторон, так целенаправленно, что это и впрямь походило на разумное поведение.

Уже потом я понял, что все было совсем наоборот. Здесь, в музее, жители посёлка долго держали оборону. Может быть, огромное количество танков подсознательно вызывало у них доверие, надежду справиться с врагом?

Увы, эти танки давно уже были не на ходу. Это были всего лишь экспонаты. Восставшие ворвались в музей и перепили его защитников. А потом, насытившись, разбрелись во все стороны — совершенно хаотично, не выбирая направления.

Мы совершенно случайно миновали кольцо расходящихся восставших и явились как раз в эпицентр недавней бойни. Так что когда восставшие нас почуяли и стали возвращаться — они появились со всех сторон. То, что выглядело разумом, являлось как раз его отсутствием.

Но мы этого не понимали. Ни я, ни Ольга.

— В любом случае надо бежать, — сказал я. — Они медленные. Проскочим.

— Вон тот быстрый, — сказала Ольга. Голос у неё стал совсем спокойный.

Я посмотрел на восставшего без левой руки, ковылявшего между танками. Из порванного в клочья рукава торчала какая-то нелепая бурая культя. Отрастает у него рука, что ли? Похоже, что отрастает.

Но ковылял восставший и впрямь очень бодро. Казалось, что он вполне способен и на бег. При жизни он был молодым и спортивным, может быть, поэтому?

— Прорвёмся, — сказал я, взвешивая в руках нож. Ледоруб по-прежнему висел у меня на поясе, но прихваченный из кафешки тесак казался удобнее. Он был дешёвый, но хорошо заточенный и здоровенный, как мачете. — Я бегу впереди, если кто-то кидается, отсекаю голову. Вы за мной.

— Ну надо же. Герой, — сказала Ольга. Она была спокойна, так спокойна, что я, никогда не сталкивавшийся с женскими истериками, не понял, что внутри она давно уже кричит и бьётся в припадке паники. — Денис, ты можешь делать что угодно, но мы останемся. Москва рядом. Сюда придёт помощь.

— Ольга, это не укрытие, — успокаивающе сказал я. — Мы прорвёмся. Верь мне.

— Я не побегу. Мы укроемся в музее. Смотри, там окна узкие, как амбразуры. И двери должны быть крепкие. Это же военный музей. Там должны быть очень крепкие двери.

— Почему тогда они открыты? — спросил я.

До музея и впрямь было совсем недалеко. И выглядел он внушительно. И восставших между нами и музеем не было. Пока ещё не было.

— Никто не успел добежать, — сказала Ольга. — А мы успеем. Мы закроемся и пересидим. Они уйдут.

— Они не уйдут, — сказал я. — Как только увидят нас — будут искать лазейку. Будут ломать двери и окна. Рано или поздно прорвутся.

— Нет, — сказала Ольга. Она прижимала сына к себе, тот не спал, но молчал, словно понимал серьёзность происходящего. Только смотрел на меня. Будто просил о чём-то.

То ли согласиться с Ольгой. То ли, наоборот, переубедить её.

— Ольга...

— Мы остаёмся, — твёрдо сказала жена. — Я решила.

Может быть, была виновата усталость. Может быть, уходящее время, последние секунды, пока восставших не было рядом.

— Ты не можешь решать за сына, — сказал я. — Хочешь — оставайся, а мы убежим. Поняла?

Ну она же не могла на это согласиться. Верно?

Мы бы убежали.

А потом я извинился бы за резкий тон.

— Это ты не можешь решать за моего сына, — сказала Ольга, и лицо у неё побелело.

— Очень даже могу, — сказал я. — Это наш сын. Общий.

— Не твой, — сказала Ольга.

— Как это — не мой?

— Это мой сын. И Андрея.

— Какого Андрея?

— Помнишь, я встречалась? Андрей. Из банка.

— У вас же всё было несерьёзно, — пробормотал я. — И ты же с ним перестала... встречаться... когда мы познакомились...

— Не сразу, — сказала Ольга, глядя мне в глаза. — Я между вами выбирала. Забеременела от него, но он сказал, что

жениться не намерен. Пришлось выбрать тебя. Извини. Но это не твой ребёнок, и ты не имеешь права рисковать его жизнью.

Я молчал. Было так тихо, что даже в ушах звенело.

Только зачем-то завывал однорукий восставший, бродящий среди танков.

— Уэ-э-э! Уэ-э-э!

Вот зачем он это делает?

Других зовёт?

— Ты извини, но так часто случается, — сказала Ольга.

Я переложил тесак в левую руку и очень спокойно дал Ольге пощёчину.

Она замолчала. Смотрела на меня, будто не веря в произошедшее.

Мы даже не ругались никогда.

Ребёнок на груди у Ольги тихо захныкал.

— Мы убежим отсюда, — сказал я. — Выберемся на дорогу, нас никто не догонит. А там... потом поговорим. По паспорту ты моя жена, а он — мой сын, ясно? И я буду решать, что нам делать. Так тоже часто случается.

— Денис... — сказала Ольга.

— Потом, — сказал я. — Времени нет. Я впереди, ты за мной. Поняла?

Ольга кивнула.

— Не урони... своего сына, — добавил я.

Может быть, я зря добавил это слово. «Своего». Порой любое слово может стать очень гадким.

— Пошли, — сказал я, подталкивая Ольгу к двери. Она послушно шла. — На счёт три. Раз, два... три!

Я распахнул дверь, и мы выбежали на бетонную площадку, где навсегда застыли старые танки.

— За мной! — крикнул я, побежав прямо на однорукого восставшего. Тот уже увидел нас и бодро двинулся навстречу. И впрямь очень шустро, пешком от такого не убежишь...

Первым ударом я отсёк ему уцелевшую руку.

Вторым — голову.

Старый поварской тесак оказался на удивление удобным для рубки гнилого мяса.

— Не отставай! — приказал я Ольге и побежал между танками.

Она и не отставала. Несколько секунд, пока мы бежали, а восставшие со всех сторон меняли направление и двигались к нам.

Но когда я обернулся в следующий раз, уже преодолев половину расстояния до автострады, Ольга уже бежала в противоположную сторону.

К музею.

— Ольга! — крикнул я. — Стой! Назад! Ольга!

Было уже поздно. Восставшие уже были за спиной, между мной и женой. Их там было десятка два.

И с боков тоже прибывали новые. Большая часть — медленные, но некоторые такие же подвижные, как обезглавленный мной однорукий.

Ольга обернулась только в дверях музея. Посмотрела на меня. Приподняла руку — то ли прощаясь, то ли извиняясь. И захлопнула тяжёлую дверь.

К ней почти никто не шёл. Так, ковыляла пара калек.

Наверное, настоящий герой в этой ситуации должен был прорваться к музею. Подумаешь — десяток-другой восставших.

Прорваться...

Постучаться...

Поговорить с женщиной, только что признавшейся, что она тебя предала...

Впереди, отрезая меня от дороги, были только двое восставших.

Одному я вонзил в голову ледоруб. Окончательно убить это его не могло, но он закрутился на месте, схватился за рукоять, пытаясь вырвать оружие, будто занозу.

А второго я просто обогнул. Не было времени махать тесаком, сзади приближались.

В решетчатой ограде была рваная дыра: кто-то протаранил забор на автомобиле, выезжая с территории музея. Я выбежал на дорогу, обернулся.

Почти все восставшие следовали за мной. Кто медленно, а кто и быстро.

По крайней мере я уведу их от Ольги. Способны ли они запомнить, что в музее осталась и другая добыча?

Надеюсь, что нет.

Плохо то, что я уже не забуду то, что услышал.

Встречу капитан Маркин назначил в кафе-мороженом. Странное место для частного разговора госбезопасника и полицейского, но может быть, в этом и был смысл?

Уже стемнело, и кафе было заполнено. В основном молодыми парочками, шепчущимися о своём, глупом и прекрасном. Попадались и люди постарше, но это в основном были замотанные мамы с детьми или воскресные папы с отпрысками. Мы сели на открытой площадке, выполненной в модном ретростиле конца двадцатого века — разнокалиберные зонтики с логотипами американских напитков, бармен, одетый как «браток», с фальшивой золотой цепью и в малиновом пиджаке. Официантки тоже были одеты чуть более вольно, чем ожидаешь увидеть в таком кафе, — слишком короткие юбки и вызывающе цветные колготки. Впрочем, можно считать, что это южное приморское кафе, там всё ярко.

По телеэкранам беззвучно шли какие-то шоу тех времён, мелькали лица старых забытых ведущих и певцов. Негромко играла музыка — тоже какая-то старая песня:

Не прячь музыку, она опиум,
Для никого, только для нас.
Давай вечером умрём весело,
Поиграем в декаданс.
Убей меня, убей себя, ты не изменишь ничего,
У этой сказки нет конца, ты не изменишь ничего...

Была какая-то ирония в том, насколько современно звучала эта древняя песня. Неспешно поедая ложечкой ванильное мороженое, я рассказал капитану Маркину о встрече с Викторией — и отдал листок бумаги.

Маркин покивал. Своё мороженое он ел сосредоточенно, будто выполняя задачу большой государственной важности. Сложно, наверное, им в наши дни — бойцам невидимого фронта. Агентуру среди квази не заведёшь, приходится работать дистанционно. Видимо, из-за тёплой погоды Маркин был в светлом льняном костюме. Без пиджака при его работе не походишь — пистолет-то надо прятать.

— Я всё понимаю, Денис, — сказал Маркин и облизал ложечку. — Все мы понятны. Даже Виктория.

— Но? — спросил я.

— Но! — без улыбки подтвердил Маркин. — Но я не могу понять, почему ты её послушался и ничего не сообщил Бедренцу.

— Она на этом настаивала, — сказал я.

— Почему? — спросил Маркин. Взгляд у него был очень серьёзным.

— Я не люблю квази.

— Знаю. Потому и говорю с тобой начистоту. Квази ты не любишь, имеешь на то все основания. Но товарищеские отношения для тебя очень важны. Ты не мог просто так утаить от напарника информацию.

— Михаил мне не товарищ.

— Напарник. Это даже несколько больше.

Я подумал, выскребая ложечкой липкую сладость со дна вазочки.

— У меня появились на это основания. Личные.

— На нашей работе нет ничего личного, — сказал Маркин.

— Но я не на вашей работе, — заметил я.

— Верно. Однако я хотел позвать тебя в свою команду.

Я позволил себе иронически посмотреть на Маркина.

— Пусть тебя не смущает, что мы в одном звании, — сказал Маркин. — Это формальность.

— Буду в вашей команде — вернёмся к разговору, — ответил я.

— Хорошо, — легко согласился Маркин. — Что тебе рассказал Бедренец?

Я пожал плечами.

— Про вирус рассказал?

Валять дурака я не стал.

— Да. У квази есть экстремисты, которые хотят уничтожить людей... взрослых людей. Детей воспитать в представлении, что квази — высшая форма существования. Переформатировать человеческую цивилизацию под свой вкус.

— Под свой вкус, — усмехнулся Маркин. — Да. Он не соврал.

— Муж Виктории участвовал в создании этого вируса. Полагаю, он был очень близок к успеху. В лаборатории приюта Виктория работала с вирусом... или проверяла его. Как-то так. Ещё Михаил сказал, что люди... что мы тоже разрабатываем аналогичное оружие.

На лице Маркина не дрогнул ни один мускул.

— Михаил сказал, что хочет остановить экстремистов-квази. Но он боится обращаться к нашим властям напрямую, чтобы люди в панике не нанесли удар по квази.

— Ты ему веришь? — спросил Маркин.

— Не знаю, — ответил я, помедлив. — Хотел бы верить. Но он немного непредсказуем. Даже для квази.

— Все мы непредсказуемы, — сказал Маркин. — Хорошо, Денис. Не стану тебя пытаться. Попытаемся взять Викторию?

— Она вроде как сдаётся, — осторожно заметил я.

Маркин усмехнулся.

— Все мы сдаёмся... рано или поздно.

Он достал телефон и, не глядя ни на бумажку, ни на часы, ни на экран телефона набрал номер. Я покосился на свои часы — было ровно девять вечера.

— Виктория, я готов вас выслушать, — сказал Маркин через секунду. Помолчал, потом произнёс: — Разумеется. Да.

Я ждал.

— Хорошо, я вас услышал, — произнёс Маркин. — В чёрном пакете, в урне. Постараемся успеть... Да, с Денисом. Никого.

Он спрятал телефон и резко поднялся.

— Пошли. Нам пол-Москвы надо проехать за двадцать минут.

Я тоже встал. Опять играла какая-то старая песня:

У меня есть выстрел для твоих друзей,
Как лекарство ото всех обид,
У меня есть то, что мимо всех дверей,
Я люблю тебя и я хочу, я хочу,
Я хочу тебя убить.

— Девяностые годы были не очень-то добрыми, — сказал я. — Все песни о смерти. Зря их так романтизируют.

— Все хорошие песни — они о смерти, — ответил Маркин.

Насчёт «пол-Москвы» Маркин преувеличил. От силы четверть. Виктория назначила встречу на Юго-Западе. В общем-то ничего неожиданного, всё-таки тут квази больше всего, и прятаться ей проще.

Виктория перестраховывалась, будто шпион в старом фильме. Маркину надо было достать чёрный пластиковый пакет из урны поблизости от метро «Проспект Вернадского». Видимо, там нас ожидала инструкция, куда следовать дальше.

— Мне не нравятся эти «двадцать минут», — сказал Маркин, останавливая машину за автостоянкой, у пере-

движного ларька по продаже печёной картошки. Темнокожая курчавая продавщица скучала за стеклом. Рядом с ларьком и стояла указанная урна. — А что будет дальше? Пакет взорвётся?

Он вышел из машины, даже не озаботившись предложить мне какие-то действия, и пошёл к ларьку. То ли насчёт взрыва он сказал не всерьёз, то ли не боялся умереть.

А ведь это и впрямь был хороший способ избавиться от Маркина!

Я вышел следом. Подходить ближе к урне не стал. Зато увидев женщину с коляской, неторопливодвигающуюся от метро, двинулся навстречу. Ларёк стоял на дурацком месте, пешеходов тут было не много, но всё-таки от метро люди двигались.

— Извините ради Бога! — быстро сказал я, вставая так, чтобы загородить мамашу с ребёнком от урны. — Извините за беспокойство! Вопрос дурацкий, но мне жена велела купить подгузники, а марку не назвала. Вы ведь наверняка разбираетесь...

Женщина, слегка насторожившаяся при моём приближении, рассмеялась:

— Папаша, ну нельзя же так! Все дети разные! Вы лучше жене позвоните.

— Засмеёт, — сказал я, косясь на Маркина, роющегося в урне. Вот смешно будет, если он ошибся и зря копается в мусоре.

— Тогда лучше у продавцов спросите, — предложила женщина. — Дальше по улице, у метро, аптека, там разные есть.

Маркин наконец-то выпрямился с пакетом в руках. Заглянул в него. Позвал:

— Денис!

— Так и сделаю! — прижимая руку к груди, сказал я. — Спасибо! Ещё раз извините!

Когда женщина обнаружила, что приятель незадачливого «папаша» роется в мусорной урне, в её глазах снова

появилась подозрительность. Она быстро ускорила шаги, укатывая коляску со своим младенцем.

А я пошёл к Маркину. Ну, проявил себя идиотом перед незнакомкой — что с того? Не привыкать.

— Гляди, — сказал Маркин, демонстрируя мне то, что было в пакете.

Лабораторного вида флакон с прозрачной жидкостью. Он был мало того что закрыт пробкой, ещё и горлышко было залито какой-то упругой пластиковой массой.

— Это то, что я думаю? — спросил я.

Маркин кивнул.

— Как хорошо, что не нашлось алкаша, который швырнул бы поверх пакета тяжёлую бутылку, — сказал я. — А записка?

— Нет никакой записки, — рассеянно ответил Маркин. Бережно спрятал флакон во внутренний карман пиджака. — Знаешь, что это значит?

Я подумал.

— Скорее всего то, что Виктория где-то рядом?

— Верно. — Маркин огляделся, потом спросил: — Ты есть не хочешь? Мне мороженое только аппетит раздражило. Картошечки, а? С рыбкой солёной?

— С ветчиной, — сказал я и, обогнув Маркина, подошёл к окошку ларька. Ну не хотелось мне принимать еду из рук человека, только что рывшегося в мусорке и откопавшего там смертельный вирус. — Две картошки, пожалуйста. С селёдкой и ветчиной.

— Может быть, попробуете вегетарианскую начинку? — спросила продавщица. — Огурчики? Тофу?

Я посмотрел на неё.

В России не так много негров. Так уж исторически сложилось — рабов, в отличие от США, русские не завозили, климат у нас для уроженцев Африки не самый подходящий, эмигранты всегда выбирали страны побогаче. Удивления, конечно, чернокожий человек не вызывает, но не Нью-Йорк у нас и не Париж. Да и то, в большинстве

своём темнокожие россияне — это мулаты разной степени смуглости.

А продавщица была настолько чернокожей и настолько принадлежащей к негроидной расе, насколько это вообще возможно. Чёрная до фиолетового оттенка кожа, курчавые волосы, пухлые губы. Карикатура на негритянку, а не живая чернокожая женщина. Ну словно только что приехала откуда-нибудь из Эфиопии или Уганды, по пути великолепно выучив русский язык с московским акцентом — «огурчики» у неё прозвучали с аканьем, как «агурчики».

— Я потрясён вашими способностями, Виктория, — сказал я.

— Стараюсь, — ответила квази.

И впрямь — лучший способ замаскировать серо-голубой цвет кожи, это краситься не в белый, а в чёрный.

Маркин плечом оттеснил меня от окошка. Теперь мы стояли рядом, глядя на Викторию.

— Где настоящая продавщица? — спросил Маркин.

— Я и есть настоящая, — ответила Виктория. — Вчера устроилась. Все документы в порядке. Вы видите, капитан, что я могла бы распространить вирус среди людей без всяких проблем.

— Накапав в соус? — спросил Маркин.

Виктория молча подвинула поближе к окошку маленький увлажнитель воздуха. Из форсунки шёл дымок распылённой воды.

— Убедительно, — согласился Маркин. — В колбе вирус?

— В колбе спирт, — спокойно ответила Виктория. — Можете смело выпить. Это был всего лишь пример для привлечения внимания.

Маркин кивнул, спросил:

— Что вы хотите, Виктория?

— Чтобы вы уничтожили «чёрную плесень». Тогда я отдам вирус.

— Я примерно представляю, что вы имеете в виду, но совершенно не уверен, что *это* вообще существует, — осторожно ответил Маркин. — И не в моей компетенции принимать такие решения и давать такие обещания. К тому же кроме России есть ещё целый ряд стран, способных разрабатывать... такие вещи.

Виктория кивнула.

— Всем нам приходится исходить из возможного, а не из желаемого, — продолжал Маркин. — Я могу обещать, что ваше сотрудничество будет принято во внимание в суде. И будет учтено при рассмотрении убийства вашего мужа и нападения на приют. Пойдёмте со мной.

Виктория молчала.

— Вам нужно время на размышление? — спросил Маркин.

Квази опять кивнула.

— Пока можете всё-таки дать нам по порции картошки, — с непринуждённой улыбкой добавил Маркин. — С любым топпингом, на ваш вкус.

Виктория достала из духовки две завёрнутые в фольгу печёные картошки (при этом ухитряясь не отрывать от нас взгляда).

— Всё случившееся очень печально, — продолжал Маркин. — Но я понимаю, что вы не желали никому зла. Собственно говоря, даже своему мужу. С вашей-то точки зрения ему становилось лучше. Нет, не стану врать, я не принимаю вашу логику! Но все мы желаем друг другу только лучшего. Только не всегда согласовываем свои поступки. А это нелогично, ведь доказано, что искреннее сотрудничество всегда идёт на пользу обеим сторонам. Не будет угрозы со стороны квази — не будет ответной угрозы со стороны людей.

Я понимал, что он делает. Да и Виктория, конечно, понимала. Но Маркин апеллировал к логике, которая для квази уважаема и бесспорна.

Виктория молча насыпала в разрезанные картофелины какого-то растительного крошева, полила соусом. Кивнула в ответ на слова Маркина.

— Противоречия, которые есть в отношениях между нашими культурами, — продолжал Маркин, — нельзя бесконечно заматывать под ковёр. Может быть, случившаяся трагедия послужит тому, чтобы люди и квази обсудили ситуацию, спокойно и открыто, как разумные существа?

Вот это он сказал зря. Квази не любят, когда мы дискриминируем от них, не признаём их людьми, пусть и особыми. Это я уже крепко-накрепко понял.

Но мы люди, нам свойственно ошибаться. Маркин не исключение.

— Хорошо, давайте обговорим условия, на которых я сдамся, — сказала Виктория. — Во-первых... — Она на миг замолчала. Потом воскликнула: — Драный Лис!

— Драный Лис? — переспросил Маркин.

Но Виктории уже не было в ларьке. Она выскочила в дверь, на ходу срывая с себя кружевной белый фартук.

Я обернулся.

Михаил Бедронец шёл к нам от метро. Кажется, он даже не успел заметить Викторию, во всяком случае — не ускорил шаг.

— Альфа, гамма! — рявкнул Маркин, бросаясь в кусты, окружающие ларёк. — Она уходит!

Я продираться за ним не стал. Судя по всему, Маркин таки пришёл на встречу не один. То, что ни с кем не связывался, не значило ничего. Похоже, на нём висел маячок и передатчик, и все эти «альфы», «гаммы», вероятно, «беты», а может, и ещё двадцать одна греческая буква, следовали за нами, потихоньку окружая точку встречи.

— Что происходит? — спросил Михаил, подходя ко мне. — Что ты здесь делаешь?

— Задержание Виктории, — сказал я. — Участвую. Позволь вопрос — а ты что здесь делаешь?

— Рассчитывал поговорить с ней, и если разговор не сложится — задержать, — спокойно ответил Михаил. — Жалко, что ты не сказал мне о происходящем загодя.

— Зато ты любишь говорить всё заранее, — буркнул я.

— Понятно, — кивнул Михаил. Поморщился. — Так получилось. Что же касается задержания Виктории — я не хотел брать на него живых.

— Я мог услышать что-то неподобающее? — спросил я, едва удержавшись от вертящегося на языке обращения.

— Это слишком опасно, — терпеливо объяснил Михаил.

— А ты в погоне поучаствовать не хочешь? — спросил я.

— В парке, поздним вечером? Бесполезно. Виктория наверняка приготовила пути отхода.

— У Маркина тут свора мордоворотов, — смело предположил я.

— Не догонят, — равнодушно сказал Михаил. Протянул руку, взял из окошечка картошку. Развернул фольгу. — Вирус у неё?

— Откуда мне знать...

Из кустов, точно так же продравшись напролом, появился Маркин. Как ни странно, он ухитрился не порвать и даже не помять костюм. Кинув на Михаила очень недоброжелательный взгляд, он зыркнул на меня — совсем уж недобро. Спросил, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Каким образом?

— Вытряс информацию у торговца фальшивыми документами для квази, — сказал Михаил, откусил кусок картошки, прожевал. — Если ты подозреваешь, что мой напарник мне что-то сообщил, — ошибаешься.

— В Москве есть торговцы фальшивыми документами для квази? — удивился Маркин.

— В Москве всё есть. А вот как вы её нашли и зачем потащили на задержание Дениса?

— Она сама назначила встречу. Через Дениса. — Маркин прищурился. — И попросила, чтобы тебя здесь не было.

— Ну и зря не поставили меня в известность, — сказал Михаил. — С каких пор пожелания беглого преступника стали важнее цеховой солидарности?

Гэбэшник живой и гэбэшник мёртвый мрачно уставились друг на друга.

— Есть предположения, куда она ушла? — спросил Маркин.

— Нет, — ответил Михаил. — Увы.

Маркин вяло махнул рукой и, больше не разговаривая ни со мной, ни с Михаилом, полез в ларёк.

— Останешься или поедешь домой? — спросил Михаил.

Я посмотрел на Маркина. Тот уже был внутри ларька. Озирался, всем своим видом изображая служебное рвение.

А может, он и не изображал. Может, и впрямь надеялся что-то найти.

— Поеду домой, — сказал я. — На метро.

— Пошли, — сказал Михаил, скомкал фольгу и бросил в урну. — Вкусная картошечка. В Питере почему-то мало таких ларьков. Всё больше вегетарианская шаверма.

Меня передёрнуло.

— Из чего?

— Соя, — ответил Михаил.

Мы пошли к метро мимо стоянки. Из-за деревьев в нашу сторону направился крепкий молодой человек в костюме, потом остановился, очевидно, прислушиваясь к командам в наушнике, и утратил к нам интерес.

— Зря не сказал мне, — ещё раз укорил меня Михаил.

— Зачем ты обнадёжил Найда?

— Мы поссорились, — объяснил Михаил. — Ты же понимаешь, возраст такой. Перепады настроения. Найд сказал, что был бы у него нормальный отец, вроде тебя —

было бы лучше. В этой ситуации мне пришлось сказать, что его мечта может реализоваться.

— Идиот, — сказал я.

— Кто?

— Ты, конечно!

Михаил некоторое время молчал. Потом вздохнул:

— Это всё хлористый калий. Последствие. Некоторая алогичность реакций. Мне всё равно как-то требовалось объяснить ему необходимость генетического теста.

— А тебе не приходило в голову, что в этой ситуации есть два человека? Найд и я? Моё мнение ты спросил?

Михаил вдруг остановился. Кивнул:

— Да. Я не прав. Возьми...

Он сунул руку в карман, вынул и протянул мне запечатанный конверт.

— Это результат анализа на отцовство из лаборатории.

— Уже? — поразился я.

— На дворе не двадцатый век. Анализ занимает меньше часа.

— И... что? — спросил я.

Конверт я взял, но и Михаил его пока не отпустил. Мы так и стояли, держа конверт между собой.

— Не знаю. Я хотел отдать его Найду. Запечатанным. Но ты прав, ты тоже имеешь на него полное право.

— Выбрось!

— Выбрасывай сам. — Михаил разжал пальцы.

Одновременно со мной. Конверт упал нам под ноги.

Мы стали нагибаться и стукнулись головами.

— Чёртова мыльная опера! — выругался я. — Забирай! Открой сам, выбрось, отдай Найду. Делай что хочешь, меня не втягивай!

— Денис, ты не прав! — строго сказал Михаил.

— Почему тебя зовут Драным Лисом? — спросил я.

Михаил вздрогнул. На самом деле вздрогнул, я уверен, а не изобразил живую человеческую реакцию.

— Ну? — спросил я.

Михаил молчал.

Я повернулся и быстрым шагом пошёл к метро.

Михаил догнал меня уже у вестибюля. Остановил, положив руку на плечо.

— Денис. Я объясню, если хочешь. Когда я пришёл в сознание и... и спас ребёнка... Там были восставшие вокруг. Много. Я не понимал тогда, что могу ими управлять, это приходит не сразу. Я был напуган и растерян. Я бежал. Восставшие гнались за мной. Я держал мальчика на руках, он был напуган и плакал. Восставшие пытались его вырвать у меня из рук. Я закрывал его как мог. Подставлял свои руки, поворачивался спиной, боком, бежал. Они рвали меня на бегу, пока я не понял, что могу бежать куда быстрее, чем в жизни. Я выбежал к маленькой группе квази... осознавших себя чуть раньше. Они уже понимали, что происходит. Они остановили и отогнали восставших, присмотрели за ребёнком первые дни. Я был весь изодран, на мне живого... на мне целого места не было. Среди тех квази был Представитель... он и сказал, что я бежал как лис, как драный лис. Прозвище прилипло.

Я молчал.

Представлял себе, как оживший, ничего не понимающий мёртвый старик бежит по дороге, прижимая к груди плачущего ребёнка. А вокруг беснуются восставшие — и рвут его на бегу.

— Ничего плохого в этом прозвище нет, — сказал Михаил. — Если плохое не вкладывать нарочно.

— Найд — твой сын, — сказал я. — Теперь я окончательно убедился. И закончим на этом.

Я сбросил его руку и нырнул в полупустой вестибюль метро.

По лестнице я поднялся пешком, решив, что дважды в день использовать лифт — путь к старости.

Так что Анастасию моё появление не застало врасплох.

Впрочем, она так и осталась сидеть на коврик у дверей, поджав к груди ноги в рваных дизайнерских джинсах и потягивая белое вино из бутылки. Говорят, что после появления восставших продажи красного вина упали больше чем на треть.

— Я тебя не компрометирую? — спросила она.

— Я же мент, — ответил я. — Меня невозможно скомпрометировать. Можно только скопроментировать.

— Так себе каламбур, — ответила Анастасия и протянула мне бутылку.

Глотнув, я вернул бутылку. Вино было тёплым и кислым. Сказал:

— Не сиди на бетоне. Попу застудишь.

— Застужу! — со злорадной радостью согласилась Настя.

— Всё плохо? — спросил я.

— Мама ходит по квартире и наводит порядок, — сказала Анастасия. — Она вообще-то всегда это любила. Но сейчас она только ходит и убирает. Она нашла твои носки, кстати.

— А я забыл носки? — удивился я.

— Да, забыл. Она их постирала. И не спросила, чьи они. Вообще не спросила, есть ли у меня кто-то. А брат сразу кинулся к своему ноутбуку. Я же ничего в его комнате не трогала, только пыль вытирала.

— Играет? — спросил я.

— Нет. Стёр все игры, чтобы освободить место под новую систему. Скачал образовательные программы по математике. Ему нравилась математика. Но я не знала, что настолько.

Я сел рядом и обнял Настю.

— Ты же понимаешь, — сказала она. — Это значит, что я ничего для них не значила при жизни.

— Неправда.

— Выходит, недостаточно много значила. По сравнению с порядком и математикой.

— Все мы недостаточно много значим по сравнению с порядком, — сказал я, вспоминая Маркина и его манеру выражаться. — Дай им время прийти в себя.

— Они уже никогда не придут, — ответила Настя. — А может, наоборот, уже пришли... Пустишь меня?

— Пущу. Только тебе придётся встать.

— Ноги затекли...

Я помог ей подняться. Мы оказались совсем рядом, Настя заглянула мне в глаза.

— Зачем мы живём, Денис?

— Чтобы быть живыми, — ответил я, отпирая дверь.

Глава седьмая

ДЕТИ И ДИНОЗАВРЫ

Завучем в школе номер 57 был мужчина, что вообще-то редкость в нашем эмансипированном образовании. Молодой, в красивых очках, весь какой-то модный, похожий на успешного предпринимателя, а не на учителя. Но на гостеприимстве это не сказывалось — на столе стоял самовар, ставший безумно модным в последние годы, в вазочках лежали конфеты, печенье, зефир.

— У нас очень известная, очень заслуженная школа, — приговаривал завуч, пока мы с Михаилом пили чай. — С долгой и славной историей. Математическое образование у нас одно из лучших в стране, а на самом деле — в мире.

— Наверное, учится много детей-квази? — спросил я.

— Квази? — Взгляд завуча метнулся к Михаилу. — Да нет, не слишком. К сожалению, дети-квази очень редко сохраняют интерес к математике. Но вы не подумайте, у нас нормальная школа, квази среди учеников есть и отношения в коллективе дружеские, без всяких... э... предрасудков... хотя преподавателей-квази, к сожалению, нет...

— Я просто знаю одного мальчику-квази, — сказал я. — Брат моей знакомой. Возвысившись, увлёкся математикой. Можно...

— Конечно, конечно, — обрадовался завуч. — Математика — это та наука, в которой за последние годы квази

заняли большое... достойное место. Дайте знакомой мою визитку...

Он протянул мне карточку, потом осторожно спросил:

— А вы будете... вдвоём выступать? Обычно приезжал один... специалист...

— Мы вдвоём, — сказал я. — Эксперимент такой. Будет способствовать лучшему усвоению материала.

— Я могу посидеть здесь, — сказал Михаил. — Вообще-то у нас ещё дела, я поехал с Денисом просто за компанию.

— Нет-нет! — быстро сказал завуч. — Это очень правильно, очень хорошо. Выступайте вдвоём. Вы уже читали лекции перед детьми?

— Было пару раз, — признал я.

— У нас младшие классы, с первого по четвёртый, — напомнил завуч. — Вы не поверите, но до сих пор иногда попадают первоклассники, которые совершенно ничего не знают про восставших, про возвысившихся. Родители почему-то не считают своим долгом говорить с детьми о смерти и воскрешении, думают, что улица сама всему научит, но вы же понимаете, как учит улица... — Он замялся, но всё-таки добавил: — Так что могут быть какие-то комплексы, нестандартные реакции... вы уж не обижайтесь, если что.

— Я вообще ни на что не обижаюсь, — сказал Михаил.

В актовом зале шумели, болтали и вертелись в креслах полторы сотни учащихся младших классов. Может быть, они все и были математическими гениями, раз уж их зачислили в прославленную школу, но вели они себя как самые обычные дети.

На моё появление школьники отреагировали вяло, а вот Михаила встретили восторженным гулом.

Ну или не очень восторженным, поскольку я совершенно явственно услышал произнесённое тоненьким голоском:

— Квазюк!

Мы прошли на сцену, завуч поднял руку, призывая к тишине.

Зал потихоньку утомился.

— Дети! Сегодня у нас традиционная ежегодная лекция по смертному воспитанию, — сказал завуч. — Провести её к нам приехал дознаватель... э... смертных дел Денис Симонов. И его коллега, полицейский-квази Михаил... э... Бедренец. Тема очень важная, очень деликатная, не со всеми родители об этом говорят, но вы уже большие умные детки и должны... в общем — слово нашим гостям!

Раздались бодрые аплодисменты, сквозь которые опять кто-то пропищал:

— Квазюк!

Завуч сделал вид, что не услышал.

Я сменил его у маленькой трибуны, завуч и Михаил присели за стол чуть в стороне.

— Дети! — сказал я. — Вы знаете, конечно, что все люди — разные. Пока вы были маленькие, вы на это и не обращали внимания, но потом стали задумываться. Есть среди людей живые, а есть и мёртвые. Но и мёртвые не одинаковы! Тех, кто только что восстал после смерти, мы называем восставшими. Они мало что понимают, напуганы и могут на вас напасть. Поэтому восставших надо опасаться, даже если это ваши мамы и папы или бабушки и дедушки. Но потом восставшие приходят в себя и становятся квази-людьми, или просто квази. Вот как мой маленький приятель.

Зал отреагировал напряжёнными смешками.

— Скажите, у кого из вас есть мёртвые родственники? — спросил я.

Девочка в первом ряду тут же потянула руку.

— У меня есть мёртвый дедушка, — сказала она и гордо оглядела зал. — Только он совсем мёртвый, он попросил его сжечь. А бабушка ещё живая. Она говорит, что дедушка всегда был дураком, и хочет восстать. Она носит специаль-

ный браслет, который просигналит, когда она умрёт. Тогда её надо будет крепко связать и отвезти в больницу.

— Очень правильная бабушка, — сказал я. — Потому что носит браслет.

— А вы мёртвых убивали? — выкрикнули из центра зала. Кажется, тот самый голос, который обзывал Михаила.

— Случалось, — сказал я. — Если восставшего вовремя не передать... в больницу... он становится опасным. Иногда, к сожалению, приходится его совсем убивать.

— Голову отрубать? — продолжал допрос ребёнок. Теперь я его разглядел — пухлощёкий, нагловатый молодой человек лет восьми.

— Верно, — сказал я.

— А кровь идёт?

— Немножко. — Я поморщился. Ситуацию надо было переламывать. — А у тебя есть мёртвые родственники?

— Да, — ответил мальчик. — Мама под машину попала, она теперь в резервации, — и он добавил, уже явно обращаясь к девочке: — В больницу мертвяков не отвозят, они же не болеют. Их выгоняют из города, и они там ходят и на всех бросаются. У-у-у-у! — Он потряс руками со скрюченными пальцами.

— Ну вот, — дождавшись, пока стихнет смех, сказал я торопливо, — мы немного посмеялись, а теперь поговорим о главном. Что надо делать, если вы встретили восставшего?

— Бежать надо! — твёрдо заявил настырный мальчишка. — Быстро и далеко! А потом звонить в полицию. Или просто взрослым рассказать.

— Совершенно верно! — сказал я. — Никогда не пытайтесь разговаривать с восставшими, не позволяйте им дотрагиваться до вас, вообще приближаться. Даже если вы видите, что восставший схватил вашего любимого щеночка или кролика — всё равно надо быстро-быстро убежать!

Зал погрузился в молчание, осмысливая такой ужас — щеночек в руках у восставшего.

— А котёночка? — спросил мальчик и гадко ухмыльнулся.

Я с тоской подумал про классические английские школы, где в ходу были телесные наказания.

— Котёночка тем более, — сказал я. — Восставшие котят не едят.

Неожиданно Михаил встал и подошёл ко мне.

— Не совсем правильно, Денис, — сказал он. — Восставшие едят кошек. Только их куда труднее поймать.

— А вы ели кошек, когда были мёртвый? — спросил мальчик.

— Вполне возможно, — спокойно сказал Михаил. — Восставшие едят любую живую органику. Насекомых, червей, мышей. Но, конечно, упитанный мальчишка им больше по вкусу. Так что я советую при встрече с восставшими не стараться показать себя таким остроумным, даже если на тебя с восхищением смотрит соседка по парте.

Мальчишка стал пунцовым и быстро сел.

— На самом деле, — продолжал Михаил, — смерть всегда волновала людей. Волновала и пугала. Люди гадали, есть ли там, за смертным порогом, что-либо? Или только темнота и пустота? Верящие в Бога надеялись, что после смерти попадут в рай. Или вновь родятся другими людьми, кроме тех, конечно, кто плохо себя ведёт. Те родятся щенками, котятами или дождевыми червяками.

Зал весело зашумел.

— Мультик про Питера Пэна все видели? — спросил Михаил, не теряя инициативы. — Помните, там Питер Пэн говорит, когда его хочет убить страшный Капитан Крюк: «Смерть — это ещё одно большое приключение!»

— Это не в мультике, это в кино! — выкрикнул кто-то.

— В книжке тоже! — немедленно поправили его.

— Так вот, теперь смерть и в самом деле стала большим приключением, — продолжал Михаил. — После неё люди становятся квази и продолжают существовать.

— Но это не жизнь? — вдруг очень серьёзно спросила какая-то девочка.

Я тихонько отошёл от трибуны, уступая место Михаилу.

— Нет. Это другое. Если рассматривать наши клетки с точки зрения обычной биологии — они мертвы. В них не идут те процессы, которые бывают у обычных живых существ. Более того, если у вас в организме все клеточки разные — есть клетки кожи, мышечные клетки, нервные клетки...

— Половые! — строго добавила девочка, спрашивающая про жизнь, и гордо оглядела зал.

— И они тоже, — кивнул Михаил. — Сейчас дойдём и до них. Так вот, у нас все клетки одинаковы. Они, конечно, специализуются на том, чтобы выполнять ту или иную работу, но легко могут занять и другое место. Поэтому мы так легко восстанавливаемся после ранений, регенерируем. Но зато и детей у нас не будет, ведь специальных клеточек нет. Поэтому человек должен жить нормальной, хорошей жизнью. Расти, влюбляться, рожать детей и растить их. А потом, после смерти, можно стать квази. Это не так, как быть человеком, но тоже хорошо... Что для этого надо?

— Хорошо учиться? — спросила девочка.

— Обязательно. А ещё — опасаться восставших! Потому что они и в самом деле глупые и опасные. Так что запомните, дети, увидел восставшего — убегай! Вы же наверняка учили в детском саду стишок? «Я бабушку и дедушку люблю и обожаю, я бабушку и дедушку ничем не обижаю...»

Но если умер дедушка, я сразу убегаю,
Полицию, полицию скорее вызываю!
Но если моя бабушка упала — не зеваю,
А двери перед бабушкой покрепче запираю!

— радостно продекламировала девочка.

— Всё верно, — сказал Михаил. — Именно это мы с моим другом Денисом и хотим вам напомнить! Теперь можете спрашивать меня о чём угодно, вы же, наверное, нечасто разговариваете с «квазюком»?

Всё. Теперь зал был его.

Когда мы вышли со школьного двора, я не выдержал и сказал:

— Михаил, я и не подозревал, что у тебя такой талант общаться с детской аудиторией. Им же палец в рот не клади, по локоть откусят.

Михаил покосился на меня.

— Образно говоря, — сказал я.

— У нас есть специальная методичка, — пояснил Михаил. — Как говорить о восставших и квази с детьми до пяти лет, до девяти, до пятнадцати... Как говорить со взрослыми мужчинами. Как говорить со взрослыми женщинами.

— Со стариками? Со старухами?

— Конечно.

— Какие же вы расчётливые, — сказал я.

— Да. И мы этим гордимся.

— А это из методички «как говорить с людьми, не любящими квази»? — спросил я.

Михаил кивнул:

— Совершенно верно. Я же говорю — ты хороший полицейский. Зря торчишь на этой технической работе.

— Где же ещё можно безнаказанно отрубать восставшим головы... — буркнул я, подходя к машине. — Ты лучше скажи, твой сын успокоился?

— Почему он должен успокоиться? — осторожно спросил Михаил. — Он и не был взволнован.

— Ну раз ты ничего не говоришь о результатах теста, значит, убедились — я к Найду отношения не имею?

Михаил остановился, недоуменно посмотрел на меня. Спросил:

— Как я могу говорить о результатах теста, если конверт в твоём кармане?

— Моём?

— Вчера я положил конверт в карман твоего пиджака, — пояснил Михаил. — Пока мы спорили.

— Карманник, — сказал я восхищённо.

— Только наоборот. У тебя там настоящий склад, гора бумаги.

— Грязные носовые платки, наверное, — сказал я. — Как жаль, что сейчас я в форме. Не могу вернуть конверт сразу. Но верну, не сомневайся.

Михаил только вздохнул. Открыл машину, сел за руль.

— Поехали, капитан.

— Куда?

— Продолжаем искать Викторину, разумеется.

Я сел рядом.

— Вы мне сильно подпортили всю работу, с господином Маркиным. Церковь квази нам не помогла, психологи тоже. Мне пришлось пойти на прямой контакт с преступными элементами, причём гарантировать им безопасность... Знаешь, как это неприятно?

— А то тебе при жизни не доводилось идти на компромиссы, — фыркнул я. — Не фарисействуй. У нас работа такая, чтобы поймать большую рыбу — мелкую отпускаем... Что ж ваши правильные квази становятся преступниками?

— Мы такие же, как в жизни, только упёртые, — спокойно ответил Михаил. — Если человек при человеческой жизни плевал на закон, ловчил и жульничал — он и в постсмертии будет мошенником. Но я скажу честно, Денис. Я в тупике. Все доступные мне пути я исчерпал.

— Так куда же ты собрался ехать? — спросил я.

— Надеюсь, что ты скажешь, — объяснил Михаил. — Командуй. Ты можешь видеть что-то, незаметное для меня.

— Квази... — буркнул я. — Сейчас...

Я взял табельный планшет, открыл информацию по делу и начал рыться в базе данных.

— Родственники? — с любопытством спросил Михаил. — Нет-нет. У Виктории почти не осталось родственников среди живых или квази. Только дальние. Но их тоже проверили и предупредили. И бывших друзей тоже.

— Родственники — это хорошо, — сказал я. — И друзья. Но поверь... порой чужие люди куда ближе... Так. Давай-ка на Профсоюзную... что-то мы зачастили на Юго-Запад...

— И куда конкретно? — заводя машину, спросил Михаил.

— Палеонтологический институт.

Михаил нахмурился. Неохотно кивнул:

— Да, помню. Она там работала, при жизни. Недолго.

— Не важно. Это была её молодость. Энтузиазм. Первые научные труды. Защита кандидатской.

— Она же не защитилась.

— Да, не успела, умерла. Но я посмотрел — её научный руководитель до сих пор там работает. Как там говорили классики? Жизнь даёт человеку три радости — семью, друзей и работу. Семьи у Виктории больше нет. Друзей, по сути, тоже. Остаётся работа. Как бы там ни было — палеонтологический институт — это тоже научное учреждение. Там есть кое-какая техническая база, если ей надо продолжать работать с вирусным препаратом. Да и укрыться там проще.

— И с чего бы её *несостоявшийся*, — Михаил выделил это слово, — научный руководитель взялся помогать бывшей аспирантке? К тому же такой необычной?

— Он сам квазюк, — сказал я.

Михаил молча вывернул со стоянки.

В кабинет я ворвался громко, вызывая хлопнув дверью.

Но потом аккуратно прикрыл её за собой, что, боюсь, смазало впечатление.

И прямо с порога сказал:

— Я не сварщик!

Седовласый, хоть и не старый ещё человек за письменным столом поднял голову. И сказал:

— Я тоже не прораб. Я экономист. Занимался международными финансовыми деривативами. Но приходится.

— Но я...

— Да хоть флейтист. Нам нужны сварщики. Ещё нужны плотники, делать опалубки. Очень нужны строители любого профиля.

— У меня жена и ребёнок остались там, за МКАДом, — сказал я. — Направьте меня в отряд, который пойдёт туда.

— Отряды идут в строительные гипермаркеты. Пригоняют технику. Умеешь управлять бульдозером? Или тяжёлым грузовиком?

Я с ненавистью посмотрел на начальника седьмого сектора обороны Москвы, в чей кабинет так бесцеремонно вошёл.

— Вы что, не слышите? У меня жена и ребёнок остались там!

— Тебе повезло, — сказал седовласый. — А мои погибли.

Я осёкся. Помолчал и сказал:

— Я умею убивать восставших.

— Мы все умеем, кто выжил, — сказал мой собеседник. — Я сам отрубил жене голову, когда она восстала. Где твои, юноша?

— В Шолохово. Посёлок такой, там ещё танковый музей... Это рядом совсем!

Седовласый кивнул.

— Знаю. Там сейчас волна восставших, из Дубны и Дмитрова. Ближайшие дни в этом направлении не выбираемся, надо закрепиться в городе. Потом вояки обещают дать конвой.

— Я сам уйду, — сказал я.

Седовласый пожал плечами.

— Что я могу поделать? Уходи. Жалко, ты погибнешь бессмысленно и страшно. А мог бы помочь спасти город, в котором миллионы женщин и детей. Но это твоё право.

— Они забаррикадировались в музее, — сказал я, садясь перед седовласым. — Понимаете? Они там продержатся. Какое-то время. Но их надо спасти. Ведь если кого-то можно спасти — надо это сделать!

Взгляд мужчины смягчился. Я вдруг понял, что он совсем не стар. Ну, лет сорок ему. Может, сорок пять. Просто совсем седой.

— Если ты ко мне прорвался и секретарша до сих пор не вытащила тебя за шиворот, то ты упорный молодой человек, — сказал он. — Обещаю — через три дня будет идти отряд в Дубну. Я включу тебя в состав и попрошу пройти через Шолохово. Тем более музей танков... вдруг что-то на ходу, да? А пока — иди. Поработаешь сварщиком. Если не получится — будешь мешать бетон.

Я кивнул.

— Удивительно, что Людмила Иосифовна до сих пор тебя не вытащила из кабинета, — добавил мужчина, покосившись на дверь.

Я встал.

— Хорошо, я пойду. Только не забудьте! Включите меня в конвой.

— Не забуду. Включу.

— Тогда я пойду, развяжу Людмилу Иосифовну, — сказал я.

Академик, профессор, доктор наук, автор трёх монографий, нескольких сотен публикаций и признанный всем научным сообществом главный в мире специалист по ископаемым сверчкам Александр Павлович Полозков на рабочем месте отсутствовал. Его нынешний аспирант, выглядящий настоящим молодым учёным из голливудского фильма, наморщил лоб, поправил очки, пригладил всклокоченные волосы и сообщил, что «Алпалыч в музее, экскурсию проводит».

— Профессор сам проводит экскурсию? — поразился я. — Наверное, приехали какие-то мировые светила в области ископаемых сверчков?

— Нет-нет, — аспирант досадливо поморщился, — обычная групповая экскурсия. Вы же понимаете, бюджет у нас небольшой, зарплаты тоже. А посетители — это живые деньги. Рассказать про мамонтов или диплодоков может кто угодно. Мы все подрабатываем.

— А вы тоже по сверчкам? — спросил я.

Молодой человек засмеялся.

— Ну что вы! После Алпалыча в палеонтологии с гриллусами, то есть со сверчками, делать нечего. Тем более в нынешнем своём состоянии он может заниматься ими вечно! Зачем кому-то мешать настоящему специалисту? Я по морским протистам фанерозоя, в основном по остракодам и конодонтам.

Я понял, что мы говорим на разных языках, но всё-таки попытался разобраться:

— Так это же не насекомые, да?

— В протистологии не было места аспиранта, — вздохнул юноша. — Но моя дипломная работа в институте очень понравилась, взяли временно сюда, через год перейду. Так бывает. Алпалыч говорит, у него и по ископаемым птицам были аспиранты на передержке, и по бактериальной палеонтологии отстаивались. Иногда, знаете, даже полезно поработать чуть в стороне, интересные результаты получаются!

— Да, интересно тут у вас, — согласился я. — Можем мы пройти в музей, поговорить там с Александром Павловичем?

— Только экскурсии не мешайте, — попросил молодой специалист по фанерозою.

И мы отправились в музейную часть здания.

— «Из зала в зал переходя, здесь движется народ», — с чувством продекламировал я.

Михаил укоризненно посмотрел на меня.

— Жизнь... э... первобытного сверчка передо мной встаёт, — на ходу подправляя стих, продолжил я.

— Не надо глумиться над Лениным, — сказал Михаил. — Между прочим, я коммунист.

— Да ладно! — поразился я. — Извини, вовсе не хотел обижать твои чувства. А почему, кстати, Ленин не восстал?

— Ты же знаешь, восстают только свежие мертвецы.

— Но он же был законсервирован.

— Мумифицирован. Вот и не восстал. — Михаил нахмурился. — А откуда ты знаешь этот стих? Тебе по возрасту не положено.

— У меня родители придерживались левых убеждений, — пояснил я. — Между прочим, это здание историческое, построено при Советском Союзе. Я в детстве был здесь на экскурсии.

— А я вот даже не слышал про такой музей, — признался Михаил. — Зато в музее Ленина, стих про который ты переиначил, я был.

Так я и не смог понять, это он пошутил или сообщил на полном серьёзе.

Палеонтологический музей, построенный вместе с институтом, был на самом деле неплох. Конечно, чувствовался в нём тот странный дух давно ушедшей эпохи — какие-то майолики и витражи с изображением мамонтов и динозавров, кованые решётки с птеродактилями, общая циклопичность постройки. Но музей явно регулярно ремонтировали, несмотря на скудность бюджета, экспонатов в нём тоже было много: начиная от всяческих окаменелостей (наверное, среди них были и те морские существа, которыми занимался юный аспирант) и до скелетов всевозможных древних тварей. Я смутно вспомнил, что многие скелеты привёз в Москву какой-то знаменитый фантаст, работавший палеонтологом. Беляев? Нет, не Беляев, не Стругацкие... Может быть, Головачёв? Нет, фамилия на «ов» заканчивалась, точно помню...

— Ну надо же! — вдруг восхищённо сказал Михаил, разглядывая табличку под скелетом какого-то чудища. — Привезён из Монголии Иваном Ефремовым!

— Точно! — обрадовался я. — Ефремов. А то у меня крутилось имя — то ли Перумов, то ли Дивов! А это Ефремов! Никогда не читал, вот и вылетело из головы.

Михаил посмотрел на меня так, будто я сообщил ему, что не знаю грамоты и развожу огонь при помощи трения. Видимо, в эпоху его молодости Ефремов был популярен.

— Не читай, — сказал квази. — Не перегружай голову.

Почему-то стало обидно, и я твёрдо решил почитать этого палеонтолога-фантазёра.

Профессора Полозкова мы нашли в пятом зале, где было самое интересное — скелеты динозавров. Посетители, не слишком многочисленные, в основном здесь и тусовались. По сравнению с моим детством поменялось немного — добавились голографические проекторы, включавшиеся раз в несколько минут и одевавшие скелеты в призрачную плоть. «Ожившие» динозавры злобно клацали челюстями, вращали глазами, дышали, нюхали. Дети были в восторге, да и взрослые вздрагивали и смущённо хохотали.

А так — особых изменений я не заметил.

Палеонтология — наука неспешная, оперирующая миллионами лет. Что ей четверть века?

Александр Павлович, которого так свойски звали Алпалычем, как раз закончил свою лекцию. Выступал он не перед детьми, а перед группой немолодых женщин. Видимо, какая-то организованная экскурсия. Несмотря на то что он был квази, выглядел старенький академик на удивление бодрым и живым. Видимо, любимая работа после возвышения полностью стала смыслом его существования.

А ещё мне показалось, что Алпалыч карикатурно походил на огромного антропоморфного сверчка, предмет сво-

его изучения. То ли у меня воображение разыгралось, то ли способности квази к мимикрии подсознательно влияли на профессора. Один в один Мудрый Сверчок из книжки «Буратино» — личико заострённое, глаза большие, навывкате, на лысой голове торчат, будто антенны, две прядки волос.

— И на этом позвольте раскланяться. — Он и в самом деле поклонился женщинам. — Надеюсь, удивительный мир палеонтологии стал для вас ближе и роднее!

Может быть, он и ещё что-то хотел сказать. Но в эту секунду он увидел нас с Михаилом.

И побежал.

Даже в беге старый палеонтолог чем-то походил на своё любимое насекомое — он не то чтобы прыгал, но через каждую пару шагов слегка подскакивал.

— Стойте, Александр Павлович! — закричал я, бросаюсь за квази. — Стойте!

Но профессор нёсся вперёд, ловко лавируя между стендами, скелетами и световыми проекциями.

Да что ж это делается-то!

Не стрелять же в него!

И без того скандал — полиция гонится за почтенным уважаемым академиком!

К счастью, я был с Михаилом. Как говорится, хочешь поймать квази — возьми с собой другого квази.

Как и в случае с задержанием Виктории, Михаил легко обогнал меня, догнал академика и бережно повалил на пол под скелетом какого-то летучего птеродактиля или птеранодона. Зал замер, глядя на происходящее. Кто-то из маленьких детей заплакал.

Ну вот, скандал, а то мало нам скандалов...

— Профессор! — закричал я на весь зал. — Простите, но вам не удастся вновь отказаться от вручения государственной награды!

Уже начинавшаяся среди посетителей паника мгновенно превратилась в любопытство.

— Какой награды? — уставился на меня с пола академик.

Михаил помог ему встать, при этом крепко держа под локоток.

— Государственной премии Академии наук в области биологии! — на весь зал объявил я. — За открытие саблезубого сверчка, гриллуса махаройда полосковуса!

Пока Михаил уводил обалдевшего профессора, я вернулся к залу и торжественно объявил:

— Вы уж простите, что мы так всех напугали! Отказывается получать награду! Говорит, что его интересует только наука! Синдром Перельмана! Но настоящие учёные должны быть отмечены обществом!

Общество заплодировало и начало высказываться в том духе, что я совершенно прав и мудрого академика надо наградить насильно.

— А саблезубый сверчок был большой? — поинтересовался какой-то любопытный мальчик. День какой-то сегодня такой — сплошь любопытные дети! Ещё у Михаила один дома — результатов анализа ждёт...

— Нет, — сказал я, но когда мальчик огорчённо вздохнул — щедро отмерил рукой расстояние в метр от пола. — Не очень большой, но свирепый, его боялись даже тигры!

Сообщив эту удивительную информацию публике (боюсь, их представление о палеонтологии уже никогда не вернётся в норму), я торопливо выскочил из зала вслед за двумя квази. В пустынном коридоре взял академика под свободный локоток и мрачно прошептал:

Тятя, тятя, наши сети
Приташили мертвеца!

Академик издал печальный вздох и заговорил, быстро крутя головой то к Михаилу, то ко мне.

— Вы не понимаете! Вы ничего не понимаете!

— Хотите сказать, что Виктория к вам не приходила? — спросил я.

— Ну конечно же, приходила! Вы не понимаете её действия! Она же пытается спасти!

— Кого? — спросил Михаил.

— Ну как это «кого»? Их! Людей!

— Спасибо ей от лица всех людей, — сказал я. — А ну-ка рассказывайте, гражданин академик.

Полозков немного успокоился.

— Давайте присядем? Может быть, в кафе, у нас хорошее кафе...

— Идёмте, — согласился Михаил.

— Она не здесь? — уточнил я.

— Вика? Нет-нет, она утром ушла. Куда — не знаю! — Академик был сама общительность. — Она и появлялась-то у меня три раза. Первый раз — когда убежала из милиции...

Эта «милиция» была столь старомодна, что я внезапно поверил ему. Не собирался он больше убежать. И врать, пожалуй, не станет.

Мы спустились в кафе (мимо циклопического барельефа на стене, изображающего эволюцию — от копошащихся в первобытном океане микробов к зубастым динозаврам, а потом и к человеку). У барельефа фотографировались посетители. На нас никто внимания не обращал.

В кафе (а скорее, просто буфете на первом этаже) я заказал кофе, Михаил стакан воды, академик попросил «чайку ромашкового, как всегда». Обычно квази не заморачивались вкусовыми изысками напитков, пили либо воду, либо какой-нибудь сладкий лимонад. Но все имеют право на блажь, даже после смерти.

— Рассказывайте, Полозков, — сказал Михаил.

— Вы же про вирус знаете? — спросил академик и покосился на меня.

— Знаем, — подтвердил я.

— Вы замечательно держитесь! — сказал Полозков с уважением. — Так вот, когда Вика поняла, что профессор Томилин непреклонен и отговорить его не удастся, то она

решила... э... помочь ему быстрее стать квази. Она надеялась, что он избавится от своей ненужной экзальтации и скоропалительных решений. Но она опоздала...

Михаил нахмурился:

— О чем вы, Полозков?

— О вирусе, — с обидой сказал профессор. — О вирусе ветрянки-плюс, который вывел и применил Томили.

— Где применил? Когда применил? — быстро спросил Михаил.

— За две недели до своей... — Полозков покосился на меня, — гибели. Я не знаю, как именно, но Виктория сказала, что он вывел вирус и использовал его. Инкубационный период двадцать дней... так что через неделю... — Академик вздохнул.

На миг у меня сдавило грудь. Никакой холодок по коже не пробежал, дрожь не пробила, в ушах не зазвенело — в общем, ничего такого красочного, что положено испытать в такой ситуации. Только перехватило дыхание.

Потом я несколько мгновений обдумывал слова Полозкова.

И высказал своё мнение.

— Чушь, — сказал я.

— Полная чушь, — поддержал меня Михаил. — Это Виктория вам сказала?

— Да! — с обидой произнёс Полозков. — Она просила помочь, она пыталась разработать вакцину от вируса.

— Это полная ерунда! — Михаил повысил голос. — Разработку вируса вела Виктория, с помощью мужа, разумеется. Вернее — он вёл по её наущению. Но потом стал колебаться, и тогда она решила перевести его на свою сторону.

— Ну да, она говорила, что вы так считаете, — закивал Полозков. — Но на самом деле — всё наоборот. Это Томили хотел уничтожить человечество, а она была против!

Мы с Михаилом переглянулись.

— Нет, — сказал я. — Не верю. И не потому, что не хочу верить. Может, Томили и маньяк, который хотел весь свет угробить. Но как я понял, у них были очень доверительные отношения.

— И что с того? — полюбопытствовал Полозков.

— Она могла помогать мужу. Она могла направлять мужа. Она могла его любить. Она могла его убить. — Я сделал паузу и добавил: — И убила, не считая это окончательным убийством. Но чего точно не могло быть — Виктория не могла подстроить убийство в то время, как вирус был уже выпущен. Профессор ей бы рассказал. Либо заранее, либо сразу, как произвёл теракт. А месть за уже совершенное... это ведь не в ваших правилах, верно?

— Верно, — кивнул Михаил. — Но я всё меньше и меньше понимаю её поведение. Если она против вирусной атаки — ей надо было сознаться и передать все материалы...

— Она боится, что после этого люди нас уничтожат, — тихо сказал академик.

— Она могла передать материалы мне, — сказал Михаил. — Мы бы сами провели работу над вакциной. К чему эта самостоятельность, захват заложников в приюте, беготня по городу? Её поведение — это поведение террориста, который пытается довести до конца изготовление отравы!

— Вика на такое не способна! — возмутился академик. — Поверьте, я её очень хорошо помню, ещё по прошлой жизни. Она не могла так измениться, чтобы всерьёз готовить геноцид!

— Все меняются, — упорствовал Михаил.

— Нет! — твёрдо сказал академик. — Вы не представляете, как она переживала о всех исчезнувших видах. И это не детская глупая романтика... не мечта увидеть живого динозавра...

Полозков с явным неодобрением посмотрел на группу мелких детей, толпящихся возле сувенирной лавочки. Маленький мальчик, нацепив маску динозавра, прыгал и кричал:

Прыг-скок! Прыг-скок!
Я весёлый диплодок!

Пожав плечами, я сказал:

— Ну, в мечте увидеть живого динозавра... или ископаемого сверчка... ничего ужасного я не вижу. До чего же, до чего же всем нам хочется, братцы, на ти-рексе, на ти-рексе на живом покататься!

Двое квази ошалело уставились на меня.

— Это старая детская песенка, — пояснил я. — Не грустите! Так если не о динозаврах, так о ком Виктория переживала? О микробах? Она вроде как на древних простейших специализировалась?

— Она о всех переживала, — пояснил Полозков. — Понимаете ли, наша планета ужасно скудна видами — если сравнивать нынешнее состояние дел и все те организмы, что у нас обитали. А ведь именно многообразие видов — это залог выживания, залог процветания, совершенствования! Быть может, какой-то древний хвощ мог подарить нам... Э...

— Бессмертие? — спросил я.

— Кому оно нужно, оно уже есть! — отмахнулся Полозков. — К примеру — высокий интеллект!

— А все эти хвощи и сверчки — они тоже вымерли из-за кометы? — спросил я.

— Кометы? — Полозков противно захихикал. — Ну вот прямо-таки кометы? Вы, наверное, мультики часто смотрите? Летит, значит, комета. Падают на Землю. И бах — динозавры вымирают?

— Что не так? — спросил я.

— Шесть раз подряд? — уточнил Полозков. — И при этом животные массово вымирали миллионы лет?

— Я ничего не понял, — признался я.

Квази-академик развёл руками.

— Эх, молодой человек! Как жалко, что в школы вернули астрономию, но так и не ввели палеонтологию! А ведь

без знания истории родной планеты нам нечего и мечтать о звёздах!

Он вдруг запустил руку во внутренний карман пиджака и достал очки. Стёкла в них явно были простые, не линзы, но Полозков водрузил очки на нос, мгновенно став ещё более похожим на сверчка, и начал:

— Итак, чтобы вам было понятно. В истории Земли насчитывается шесть массовых вымираний. Насчёт эоцен-олигоценного, конечно, можно поспорить, но я считаю, что гибель одних только палеотериевых, оомииидов, археоцетов — это катастрофа. Не говоря уж о вымирании бентоса.

— Бентоса... — зачарованно повторил я.

— Да! Но даже если не считать эоцен-олигоценное вымирание, то есть ещё пять. И мел-палеогеновое, когда и вымерли динозавры, вовсе не самое крупное! Ордовикско-силурийское, девонское, великое пермское... Вот уж что было настоящей трагедией!

— А это имеет отношение к городу Пермь? — спросил я.

— Конечно, только опосредованно — города тогда не было, — хладнокровно ответил академик. — Это было двести пятьдесят один миллион лет назад. И вымерло девяносто пять процентов всех видов живых существ! Понимаете? Девяносто пять процентов! Насекомых вымерло семьдесят три процента видов! Быть может, нашей планете суждено было сотворить разумных насекомых — если бы не Пермь!

Я решил, что как-нибудь надо будет проставиться нашему майору Иванцову, он родом из Перми. Раз уж он спас Землю от разумных сверчков. Опосредованно.

— А потом было ещё триасовое вымирание. А уж потом мел-палеогеновое, когда динозавры... — Академик смешно чпокнул губами: — Чпок-с!

Похоже, к зубастым громадам специалист по ископаемым сверчкам особого почтения не испытывал.

— Ну так... это же кометы? — спросил я. — Астероиды? Пять раз и падали, значит. Или шесть. Четыре больших, один очень большой и один маленький. Чпок-с!

— Ну да, ну да, — искренне веселился Полозков. — Упал, значит, астероид... Они, конечно, падали, было дело. И потом динозавры вымирают... миллионы лет. Да? Не многовато? Либо воздействие на биосферу было такой силы, что все бы вымерли быстро, за несколько веков или тысячелетий. Либо жизнь успела бы приспособиться! Миллионы лет — не годятся! А ещё некоторые динозавры были так любезны, так чувствительны, что начали массово вымирать задолго до падения астероида. Смешно, да?

— Почему же тогда они вымерли? — спросил я.

— Никто точно не знает, — доброжелательно ответил Полозков. — Я вам больше скажу, молодой человек. Мы не знаем точно, как и почему произошла жизнь на Земле. Мы не знаем, как образовалась нефть... да-да, все теории о накапливающемся миллионы лет планктоне и услужливо померших динозаврах — тоже только теории. Мы много чего не знаем!

Михаил вежливо кашлянул:

— Да, очень познавательно, гражданин Полозков. Но совершенно не имеет отношения к нашему вопросу.

— Имеет, — обиженно сказал академик. — Виктория всегда трепетно относилась к жизни. Устроить массовое уничтожение людей, пусть даже для их блага, она никак не могла!

— Вы про «благо» бы помолчали... — не выдержал я. — Хорошо, допустим, не могла. Но и поверить, что Виктория носится по Москве, пытаясь в одиночку на коленке соорудить вакцину от уже выпущенного вируса, я не могу. Это, дорогой академик, версия, пригодная для вас, но не для правоохранительных органов!

— Она очень боится, что квази-радикалы повсюду, — пробормотал академик. Покосился на Михаила. — Она очень боится вас. Считает, что вы — один из них.

— Из радикалов? — спросил Михаил.

Академик кивнул.

— Я полицейский, — просто ответил Михаил. — Я не могу быть из радикалов.

— Очень даже можете, если принять как теорию, что всё наше руководство придерживается аналогичных взглядов! — упрямо сказал академик.

Михаил и Алпалыч уставились друг на друга.

Люди в такой ситуации могли бы подраться.

Квази мрачно смотрели друг на друга и думали.

— Да, если исходить из посылки о том, что Представитель и всё руководство готовят уничтожение взрослого человеческого населения, то я вполне могу быть радикалом, — неожиданно сказал Михаил. — И тогда я гоняюсь за ней с целью захватить вирус и распылить его.

— Или уничтожить вакцину, — кивнул академик.

— Логично, — сказал Михаил. — Я вполне могу притворяться.

— Тем более что с нашей точки зрения — это вовсе не геноцид, а всего лишь помощь человеческой расе в совершенствовании! — радостно добавил палеонтолог.

— Ничего, что я тут сижу? — поинтересовался я. — Так вы тоже... радикал?

— Нет, что вы. Но я считаю их мотивы разумными и заслуживающими уважения. Просто не считаю нас, квази, вправе навязывать что-либо людям против их воли! Поэтому я как мог помогал Виктории...

— Где она? — спросил Михаил.

— Я же говорю — не знаю! Она переночевала у нас, в музее. Первую ночь, как сбежала. Потом ушла. Сказала, что мне лучше не знать, где она будет. Что она сделает всё, что может, чтобы спасти человечество.

Мне стало смешно.

Преступница разыгрывала из себя супергероя. Человечество она спасти хочет!

— Хотя что-то полезное, Александр Павлович, — попросил я.

— Она спрашивала об аппаратуре для микробиологических исследований, но у нас такой нет. — Академик развёл руками. — Я дал ей денег. Предлагал даже карточку свою, но она попросила наличные. Чтобы не отследили.

— Но зачем она приходила второй и третий раз? — спросил Михаил. — Что-то оставляла у вас?

Академик покачал головой:

— Нет.

— Тогда зачем?

— Вы не поверите. — Академик вздохнул. — Ей очень тяжело. У неё ничего не получается, как я понимаю... ещё эти облавы... Она приходила попить чаю. Поговорить.

— О чём? — терпеливо продолжал допытываться Михаил.

— О палеонтологии, — пояснил академик. — О происхождении видов, так сказать. О гибели видов. О моей работе. О том, что нового в науке... Просто поговорить. Она сказала, что ей это помогает расслабиться, что палеонтология для неё — всё... Боюсь, что ничего полезного для вас сказать не могу!

Михаил посмотрел на меня.

Я пожал плечами.

Не похоже было, что академик врал.

— И ещё она сказала, что больше здесь не появится, — сказал Полозков. — Сказала, что вы подбираетесь к ней всё ближе, что ко мне наверняка придут. «Либо один — человек, это ещё хорошо. Или двое, человек и квази. Это хуже».

— Не пояснила, чем хуже? — спросил я. — Впрочем, понятно. Если она считает Михаила радикалом... — Михаил при этих словах быстро посмотрел на меня. — Гражданин Полозков, я обязан предупредить вас, что Виктория является подозреваемой и вы обязаны сообщать о её появлении и возможном местонахождении в полицию. В ра-

порте я укажу, что вы знали о её побеге из-под стражи, но не сообщили о нём. Скорее всего вы будете оштрафованы, а возможно, и приговорены к общественно полезным работам на одну-две недели.

Академик перенёс это известие стоически.

— Я также отмечу тот факт, что вы не сотрудничаете с властями, — сказал Михаил, вставая.

Когда мы выходили из музея, оставив академика грустить над недопитым настоем ромашки, я спросил:

— Не врёт? Не знает про неё?

— По моему ощущению — не врёт, — сказал Михаил. — Он квази прямой, целостный. Но вот какую игру ведёт Виктория — загадка.

— Ещё бы знать, какую игру ты ведёшь... — пробормотал я.

Квази покосился на меня.

— Ты веришь, что я — радикал, жаждущий уничтожить всё человечество?

— Всё взрослое человечество. Допускаю.

— Это очень неприятно слышать, — сказал Михаил задумчиво.

— Если бы ты был эмоционален в человеческом смысле, то я бы попробовал тебе довериться, — сказал я. — Положился бы на инстинкты. Но ты же в эмоциях деревяшка, как все квази. Ты их изображаешь, поскольку понимаешь, где и какие должны быть. Иногда удачно, иногда не очень. Но «прочитать» тебя я не могу.

— Всё равно обидно, — сказал Михаил. — Пусть я даже только «изображаю»... Так что тебе наговорила Виктория при встрече?

— Это был короткий разговор, в котором я выступал больше в роли слушателя, — сказал я и потёр шею. — Она сказала, что вирус — только часть правды. Что она на «нашей» стороне. И чтобы я никому из «ваших» не верил. «Не верь Драному Лису, не верь квази». Потом попросила встречи с Маркиным. Мол, готова сдать ему, но только

ему лично. Чтобы тебя ни в коем случае не было... Я позвонил Маркину. Против меня Виктория тоже ничего не имела... В общем, только начался разговор по душам — тут ты и появился.

— Неудачно, — согласился Михаил. — Она бы сдалась вам, или её бы задержал я... Но вместе мы друг другу помешали. Эх!

Мы уже дошли до парковки. Михаил мрачно посмотрел на здание музея. Рубанул воздух рукой. Пожаловался:

— Что-то я упускаю! Поведение Виктории не имеет никакого смысла, ни в том случае, если она преступник, ни в том, если она и впрямь раскаялась и пытается помочь. Но смысл есть! Он обязан быть!

— Знаешь, я столько преступлений видел, совершённых без всякого смысла... — пробормотал я.

Как ни странно, это мгновенно успокоило Михаила.

— Я ещё больше, уж поверь. Но это всё были человеческие преступления. А Виктория — квази. У нас с этим проще, мы же одержимы, у нас у каждого идея фикс...

— Кстати, что было идеей фикс у Виктории? — спросил я.

Михаил задумчиво посмотрел на меня.

— Я вначале думал — она такая... квази-жена. Ей необходимо быть чьей-то женой, в этом и счастье. А работу мужа разделяет только из любви к нему. Потом я решил, что она фанат науки. Вот и мужа выбрала из этой же среды. Но она же нам потом излагала, как обожала Томилину, как хотела его перевести в состояние квази молодым и красивым. Очень вдохновенно рассказывала, лично я — поверил. Но вот сейчас уважаемый академик нам объяснял, какая она фанатка палеонтологии.

Михаил кивнул.

— Так что у неё за мания? — спросил я. — Любовь к покойному Томилину? Интерес к боевой вирусологии? Страсть к вымершим видам животных?

— Ты задал правильный вопрос, — сказал Михаил. — Но я не знаю ответа. Что мы будем делать?

— Делать? — спросил я. — Дай-ка подумаю... Мне сказали, что смертоносный вирус уже выпущен и я скоро умру. От ветрянки. В огромном городе прячется сумасшедшая квази, которая не пойми чего хочет и всем излагает разные версии происходящего. Другой квази пытается загрузить меня тем, что воспитанный им ребёнок — мой сын... О! Я понял, что буду делать я. Сейчас я отправлюсь в отделение, благо рабочий день в самом разгаре. Возьму из шкафа папку с каким-нибудь висяком. И попробую его расследовать. Потому что делать что-то надо, ты прав.

Михаил ошарашенно посмотрел на меня.

Я развёл руками.

— А ведь верно, — неожиданно сказал он. — У меня сейчас нет никаких идей. У тебя, как я понимаю, тоже. Может быть, нас ждёт конец света. Окончательный. Но пока жизнь продолжается, надо жить.

Я скептически приподнял бровь.

— Даже если уже умер, всё равно надо жить, — сказал Михаил. — Я в твоём распоряжении, напарник.

Глава восьмая

ЛЮБОВЬ И МЫШИ

Наверное, в идее заняться служебной рутинной, когда речь идёт о мировой катастрофе, есть что-то нелепое.

Но ведь даже в дни катастрофы жизнь продолжалась!

Карманники вытаскивали кошельки, пекари пекли хлеб, художники рисовали картины, строители строили — и не только заграждения и стены.

Жизнь продолжается. Жизнь всегда продолжается.

Мы ненадолго заглянули в отделение, я порылся в списке дел, не требующих особой срочности, ловко увернулся от попытки Даулетдиновой всё-таки усадить меня за отчёт (пришлось сослаться на Михаила, который не оставляет ни одной свободной минуты), выбрал одно из заявлений и скинул себе на служебный планшет.

И мы поехали во второй Вышеславский переулок в Марьиной Роще.

— Район чужой, — пояснил я по дороге. — Но там дознаватель смертных дел в отпуске. Вот на нас и скинули их текучку. Если что-то срочное, то местные расследуют, а если ерунда — то нам, в рабочем порядке...

— Тут ерунда? — спросил Михаил.

— А кто его знает... Вот, заявление от соседей... — Я включил планшет. — «Я, гражданка Мухлынина, Зинаида Львовна... проживающая...» Вот! «Сообщаю, что проживающая по соседству семья Чаленко являются опасны-

ми квази. Они регулярно покупают сырое мясо, а также я обнаружила, что в зоомагазине «Дай лапу, друг» у них дисконтная карта и они покупают там регулярно живых мышей, что для квази является подозрительным и опасным!!!» Три восклицательных знака, между прочим.

— Мы не едим мышей! — возмутился Михаил.

— Ну мало ли, — искренне веселясь, сказал я. — Может, ты и не ешь, держись. А они едят. Ночью, под одеялом. На лице Михаила отразилось искреннее отвращение.

— Я давно замечал, что есть в вас, квази, что-то кошачье, — продолжал я. — Но не думал, что дело уже до мышей дошло.

— Денис, мне неприятно.

— Хорошо, хорошо, — согласился я. — Но иногда в моей работе надо проявлять чувство юмора, иначе с ума сойдёшь. К примеру, когда встречаешь квази-мясоеда.

Михаил нахмурился:

— Ты всерьёз считаешь, что какой-то квази может есть мясо? Тем более живых мышей?

— Да нет, конечно, — успокоил я его. — Но ты же понимаешь, люди бывают разные. И основная масса, особенно из старшего поколения, к вам относится так же, как и я. Неприязненно.

— Мы не едим мяса, — буркнул Михаил и уставился перед собой. Через минуту добавил: — Я иногда вспоминаю, как ел котлеты, шашлыки. Помню, что мне нравилось. Я и выпить мог с удовольствием... в разумных количествах. Но всё это в прошлом. Я не могу есть продукты животного происхождения физиологически. Меня вывернет наизнанку!

Мне вдруг стало неудобно перед Михаилом.

Сознавать, что ты какое-то время бегал без памяти по лесам и полям, жрал червей и мышей, а может быть, и на людей нападал — достаточная причина не есть «продукты животного происхождения». И не желать вспоминать об этом.

— Извини, — сказал я. — Шучу. Ты бы знал, какие сумасшедшие вызовы от сумасшедших бабок у нас бывают. Тут без юмора реагировать — сам с ума сойдёшь.

Мы запарковались возле старенького девятиэтажного дома не遠далеке от московской синагоги. Такая блестящая идея заняться каким-нибудь простым и лёгким делом вдруг показалась мне дурацкой. Я даже понадеялся, что подозрительных квази в квартире не окажется. В конце концов, рабочий день...

Но дверь открыли через несколько секунд после звонка. Это был молодой мужчина-квази, серовато-голубая кожа не позволяла ошибиться, но на всякий случай я уточнил:

— Роман Чаленко?

— Да, это я, — спокойно ответил он. — Проходите.

Потом он увидел Михаила и на миг оторопел от неожиданности. Впрочем, говорить ничего не стал, посторонился, давая дорогу. Выглядел он крайне мирно, мышинных хвостиков у него изо рта не свисало. Одет Роман Чаленко был в старенький спортивный костюм, на ногах у него были тапочки, в общем, если постараться представить себе очень мирного и домашнего квази, то он вполне годился.

— Капитан Денис Симонов, — представился я и, поскольку Михаил молчал, добавил: — Капитан Михаил Бедренец.

— Я и не знал, что у нас в полиции работают квази, — натянуто улыбнулся Роман.

— Никакой дискриминации, — сообщил я. — Приходите к нам работать, если хотите.

— Нет-нет, спасибо. Я программист. Меня вполне устраивает профессия.

Квартира была маленькой, две комнатухи, кухня, совмещённый санузел, куда вела дверь из прихожей. Ещё в ней пахло.

Мышами.

На самом деле для таких крошечных и симпатичных зверьков мыши — очень вонючие создания.

— У вас тут мыши завелись? — полюбопытствовал я. Чаленко вёл себя очень доброжелательно, прав не качал, документы не спрашивал — хотелось прояснить ситуацию как можно неформальнее.

— Ох... — вздохнул он. — Понимаю... Зинаида Львовна, милая женщина, но... но... Пойдёмте.

Вслед за Чаленко мы вошли в ту комнату, что побольше. У нормальных людей она называется гостиной или не в меру помпезно — «залом». У семейки квази это был, скорее, кабинет на двоих.

Жена Чаленко, одетая так же, как он, — в спортивный костюм, сидела за компьютером и задумчиво изучала экран, полный строчек машинного кода. При нашем появлении она повернула голову, криво улыбнулась и снова уставилась в экран. Её серовато-голубая кожа лоснилась в свете монитора.

— Юля, не отвлекайся, мы быстро, — сказал Роман. И извиняющимся тоном добавил: — Вы уж извините, она вся в работе, очень сложная программа и трудно выловить все баги...

— Ничего, — сказал я, озираясь.

Источник запаха сразу стал понятен.

Кроме двух столов с компьютерами в гостиной были только стеллажи вдоль стен. А на стеллажах — клетки и террариумы.

В клетках попискивали и суетились мыши.

В нескольких террариумах лежали сонные толстые змеи.

— Любите животных? — растерянно спросил я.

— Ещё с прежних времён, — ответил Роман. — Соседи порой жалуются на запах, но мне кажется, что на лестничной клетке ничем не пахнет. Мы регулярно проветриваем. Или пахнет?

— Нет, — признал я. — На лестнице не пахнет. Вы... разводите змей и мышей?

— Змеи не ядовитые, — быстро сообщил Роман.

— Ага. — Я кивнул. — Понятно. Как-то необычно. Змеи и мыши. Хищник и корм.

— Они не корм, — сказал Роман. — Они домашние любимцы. На корм я покупаю мышей в зоомагазине.

— Мыши любимые и мыши кормовые, — кивнул я. — Понятно.

Юля Чаленко снова повернулась, оскалилась в улыбке и опять уткнулась в экран.

— Соседка утверждает, что мы едим мышей, — сказал Роман. — Так глупо... Вы же понимаете, Михаил, что квази не едят живое...

Михаил кивнул. Он не отрывал взгляда от супруги Чаленко.

— Мы очень заняты... — Я бы сказал, что Роман нервничает, если бы квази умели нервничать. — Такая большая сложная работа, надо завтра сдавать... аврал, не везёт...

— Не везёт, — сказал Михаил.

Роман запнулся.

— Мне очень жаль, — сказал Михаил. — Когда вы возвысились?

— Два года назад, — ответил Роман. Покосился на меня. — Возвысился... я был в Солнцево, в резервации номер три... Это Юля меня туда поместила. Довольно дорого там находиться. Но там очень большой процент возвышенных, попасть туда считается удачей. Она верила, что дождётся меня. И не дождалась всего два дня. Умерла... у неё был рак. Я тоже поместил её в солнцевскую резервацию... и вот такая удача, она тоже очень быстро...

— Удача, — повторил Михаил. — Что же вы делаете, Роман?

Роман Чаленко молчал.

— Вы друг друга по-настоящему любили, я вижу, — сказал Михаил. — Да, если бы к вам не зашёл другой квази...

— Михаил, в чём дело? — спросил я.

— Она не квази, Денис, — даже не глядя на Юлю, ответил Михаил.

— Как это «не квази»? — Я шагнул к Юле Чаленко.

— Уэ-э-эа! — вдруг завывла женщина-квази. Неловко вскочила, отпихивая офисное кресло, то покатилося ко мне на колёсиках, я отбил его обратно ногой. Когда Юля вскочила, куртка от спортивного костюма задралась — и обнажившаяся кожа на животе уже не была серо-голубой. Она была чёрно-серой, изъязвлённой, бугристой.

— Это восставшая! — выкрикнул я очевидное и схватился за рукоять мачете.

— Не трогайте её! Не трогайте! — закричал Роман, раскинув руки и заслоняя Юлю от меня. — Сядь! Сядь немедленно, Юлечка! Молчи! Сядь, смотри в экран!

Постанывая и подвывая, ряженная восставшая попыталась присесть возле компьютера. Едва не упала — Роман успел подставить ей откатившееся кресло.

— В экран! — повторял Чаленко, будто надеялся отратить время вспять. — Смотри в экран! Молчи! Смотри!

— Вы её выкрали из резервации? — спросил Михаил с любопытством. — Как? Взятка?

— Никто не виноват, — пробормотал Роман. — Я её... я её вызвал. Я стоял у ограды. Вы же знаете, любопытные и родственники часто приходят... есть места, где даже можно перелезть внутрь... я стоял и звал... и она пришла... она меня узнала. Я не мог её туда обратно...

— Она вас не узнала, — сказал Михаил. — Не обманывайте себя. Вы хорошо управляете квази. Вот и сумели прицельно выманить бывшую жену...

— Она не бывшая!

— Выманить жену к себе, — не стал спорить Михаил. — Роман, что же вы делаете? Вы понимаете всю опасность ситуации, которую создали?

— Она не опасна, не опасна! — горячо сказал Роман. — Я её контролирую! Она хорошо себя ведёт. Я забочусь.

Только мыши... а иногда я куриц живых покупаю... Ей становится лучше, она возвысится.

— Здесь она у вас никогда не возвысится, Роман, — сказал Михаил. — Никогда. Её надо вернуть в резервацию.

— Почему не возвысится? Она возвысится! Она умнеет!

— Она не умнеет, вы обманываете самого себя. — Михаил достал из кармана пластиковые хомутики, отстранил Романа и начал спокойно стягивать Юле руки. Та не сопротивлялась — воля квази держала её крепче стали. — Как долго она у вас?

— Полтора года, — зачарованно глядя за действиями Михаила, ответил Роман.

— Удивительно. Как вы её удерживали? Вам ведь тоже надо спать.

— Мы спим вместе. Я её обнимаю, я просыпаюсь, если она пытается встать.

У меня по спине озноб прошёл, когда я представил себе эту картину.

— Мыши, наверное, ещё и для того, чтобы отбить запах? — спросил Михаил. — Я-то всё равно чувствую. Запах мёртвого, запах восставшего...

— Она не мертвее нас с вами! — закричал Роман. — Она только в беспамятстве!

— Её метаболизм не завершён, — рассудительно произнёс Михаил. Присел и стал стягивать Юле ноги. — Она уже не человек, но ещё не квази. Она хищный зверь, и вы должны это понимать.

— Нет! — закричал Роман и вскинул руки, явно нацеливаясь ударить Михаила по затылку.

Убить так, конечно, квази не убьёшь. Но на время вырубить можно.

Что я и продемонстрировал, со всей силы ударив Романа по голове рукоятью мачете. Я ни на секунду не сомневался, что он не позволит Михаилу вот так вот просто увезти восставшую, и был наготове.

Роман рухнул на пол.

— Вы идиот, Чаленко! — крикнул Михаил. — Денис, арестуй его!

Роман слабо шевелился, пытаясь встать.

— Будете сопротивляться, я вас лично порву на клочки! — угрожающе рявкнул Михаил. — Вы позор всех квази!

— Я не могу... не могу без неё... — бормотал Роман, пока я стягивал ему руки и ноги — руки спецнарукниками, а ноги пластиковыми хомутиками. Сразу тремя, на всякий случай.

— Не можете — идите работать в резервацию! Там нужны квази с таким потенциалом влияния, как у вас! Идиот!

Роман рыдал. Слёзы у квази не текут, у них гораздо слабее развиты слёзные железы. Но он именно рыдал, пусть щеки и оставались сухими.

Юля начала тихо поскуливать, глядя на Романа.

— Она что, и впрямь что-то понимает? — поразился я.

— Нет, она индуцирована его реакцией, — сказал Михаил. — Вызывай перевозку. Отправим её обратно в резервацию. А его... его в наше консульство. Пусть у консула голова болит.

Надёжно упаковав сидящего на полу Романа, пусть тот и перестал сопротивляться, я встал, посмотрел на дикую комнату, в которой мы находились.

Мыши для еды.

Змеи... змеи, очевидно, чтобы оправдать покупку мышей. Жрала восставшая от пуза, как энергично ни плодились несчастные грызуны, ей этого явно не хватало.

Надо же — безумная соседка оказалась проникательной, будто мисс Марпл. Придётся писать ей благодарственное письмо.

— Михаил, — сказал я, доставая телефон.

— Что, Денис?

— Сейчас, когда мы их отправим... Мы сядем где-нибудь тет-а-тет. И ты мне расскажешь.

— Что ещё?

— Почему она «никогда не возвысилась бы» здесь. И как вообще возвышаются восставшие.

Михаил посмотрел на меня. Покачал головой:

— Ты не хочешь этого знать.

— Не хочу. Но должен. И ты мне всё расскажешь.

Уехали обе машины — обшарпанный фургончик-перевозка с восставшей, и консульский седан с дипломатическими номерами.

Мы с Михаилом остались у нашей полицейской машины.

— Денис, я прошу тебя не требовать от меня ответа, — сказал Михаил.

— Ты же понимаешь, что я буду требовать, — ответил я. — Хватит. Ты и так всё время темнишь. Но этот секрет ты мне раскроешь... напарник.

Михаил вздохнул.

— Я очень боюсь, что наши отношения после этого уже никогда не будут прежними.

— Да-да. Так сказал Холмсу доктор Ватсон, застёгивая брюки... Не тяни.

Михаил закрыл глаза. Постоял немного так, слегка раскачиваясь. Спросил:

— У тебя-то самого какие-то версии есть?

— Есть одна, но она неправильная. Я думаю, что восставший возвышается и становится квази, когда он сжирает человека.

— Почему неправильная? — спросил Михаил.

— В первые недели катастрофы люди гибли в огромном количестве, но никаких толп квази не появлялось. Да и вообще... покойный профессор погрыз своего убийцу, но не поумнел.

— Всё верно, — сказал Михаил. — Просто погрызть недостаточно. Восставший должен сожрать мозг. Живой человеческий мозг... хотя бы небольшую часть. Восставшие редко добираются до мозга, они же не понимают, что

им на самом деле требуется. Как правило, жертвы умирают с целым черепом, после этого восставшие утрачивают к ним интерес... и убитые восстают. Но иногда восставшие добираются до мозга. Тогда... насколько мы понимаем, одного человека достаточно для возвышения нескольких восставших. В церковной лечебнице в квази превратились девять восставших. Это, вероятно, близко к пределу.

Я смотрел на квази, с которым несколько дней работал рука об руку. Который воспитывал ребёнка, которого считал моим сыном. Который...

— Вы всё это знаете, — сказал я. — И скрываете...

— Не только мы, но и люди. Ваши власти знают. Учёные, которые занимаются восставшими и квази, знают. Но если эта информация станет общеизвестна, то люди и квази сойдутся в драке насмерть. Ты же понимаешь.

— Ты монстр, — сказал я. — Ты людоед... чудовище. Все вы чудовища.

— Мы *были* чудовищами. Восставшие не имеют разума, ими движет только стремление убивать и пожирать...

— Замолчи! — выкрикнул я. — Хватит!

Михаил замолчал.

— Нам не стоит больше вместе работать, — сказал я. — Ищи Викторию. Занимайся своими квази-делами, Дранный Лис. А я тебя видеть не хочу. У меня своя работа и своя жизнь, ясно?

Михаил молчал.

Я развернулся и пошёл по переулку к метро.

Как всё странно. Тайна квази оказалась такой жуткой и... и такой банальной. Как в старых ужастиках, как в фильмах категории «Б», как в нестрашных мультиках, где живые мертвецы гнусаво бормочут: «Мозги! Мозги!»

Всё равно как обнаружить, что вампиры и впрямь существуют и что они боятся чеснока, святой воды и солнечного света.

Мы же привыкли, что всё не так, как считали раньше. О, мы готовы поверить в привидений, вампиров, живых мертвецов. В любые прабабушкины сказки. Но мы хотим, чтобы эти сказки были современными. Чтобы они были вывернуты наизнанку. Наши вампиры будут гулять при свете дня, есть чесночный багет и ковырять в зубах осино-вой зубочисткой. Наши мертвецы станут ходячими из-за ужасного вируса, но даже если они и кровожадны, то их вовсе не интересуют чужие мозги.

Может быть, это уже случалось? Может быть, в памяти поколений хранится искажённое страшное знание, что мертвецам нужен живой мозг?

А мы ведь и никакого вируса, что так внезапно обратил наших мёртвых в восставших, не нашли. Вот вирус ветрянки, с которым возился обезумевший профессор, — существует. Вирус какой-нибудь страшной Эболы — тоже. И всегда их прекрасно находили, изучали, даже если справиться не могли. А вирус, поднимающий мёртвых, — не обнаружен! Понятное дело, большинству населения всё равно. Для них и так всё понятно, динозавров убил астероид, нефть образовалась из дохлых динозавров, мертвецов поднял вирус. Не нашли? Ещё найдут!

Но если разобраться, так почему его до сих пор не нашли? Мы же не одичали. Полно научных институтов, крупные города большей частью уцелели. У нас, у американцев, в Европе...

Может быть, нет никакого вируса?

А восставшие — результат проклятия. Заклинания. Гнева Божьего. Пока вирус не обнаружен — можно с полным правом отстаивать любую гипотезу, самую безумную.

...Я вдруг обнаружил, что уже дошагал от метро до подъезда. Сама поездка в метро, кстати, почти не запомнилась. Хотя нет. Точно помню, что люди передо мной расступались, видимо, выражение лица было недружелюбное.

Вирусы. Восставшие. Мозги.

...А ведь это всё значит, что если радикалы-квази выпустят свой вирус, уничтожат взрослое население и начнут строить чудесный новый мир, то это будет очень нехороший мир. Вовсе не вся молодёжь, отучившись и размножившись, отдав таким образом «долг обществу», сможет дружной толпой перейти в чудесное состояние квази, бы-стренько миновав неприятное состояние восставшего.

Частью придётся жертвовать.

Часть съедят.

Живём.

Меня вдруг замутило, так, что я остановился и прижал ладонь к губам.

Не просто живём — ещё и мозги будут жрать заживо...

В любой утопии найдётся место для пары рабов самому нищему крестьянину. В утопии квази, если не брать во внимание массовую гибель взрослого населения, всё выглядело вполне благообразно. Да и массовую гибель вроде как можно в расчёт не брать — ведь все обратятся в квази, оживут.

Вот только вопрос цены. Которую придётся заплатить десятой части населения. Нет, не заплатить! Регулярно платить. Причём рассудительные и логичные квази никогда не положатся на такую примитивную вещь, как жребий или лотерея. Всё будет научно выверено. «Дети! Учитесь хорошо! Потому что те, кто будет хорошо учиться, станут квази и проживут хрен знает сколько! Может быть даже, они будут жить вечно! А тех, кто отстаёт, кто плохо учится, съедят заживо. А теперь открыли тетрадки...»

Хотя нет, такую опасную информацию не станут открывать детям. Они узнают правду, только миновав краткую стадию восставшего и очнувшись в своём квази-раю. С окровавленными ртами, над телом растерзанного товарища.

Меня всё-таки вырвало.

Я даже до кустов не добежал. Стоял перед подъездом, и меня тошнило. Выворачивало не пойми чем, я ведь не обе-

дал. Я скрючился в мучительном спазме и то ли кашлял, то ли блевал...

Разумеется, в этот момент не мог не появиться кто-нибудь из соседей. Есть особый закон природы, который отвечает за их появление в самый неудачный момент.

К подъезду подошёл дядя Ваня, тихий одинокий алкоголик неопределенно-пожилого возраста с первого этажа. В руках у него был пластиковый пакет, внутри которого угадывались очертания батона, банки консервов и бутылки.

— Эх! — с чувством сказал дядя Ваня, глядя на меня. — Не пойми из чего проклятую нынче делают...

Он порывлся в карманах и протянул мне неожиданно чистый носовой платок. В полной растерянности я взял его и вытер рот. Рефлекторно протянул обратно.

— Себе оставь, — сказал дядя Ваня поморщившись. — У меня ещё есть. Ты, сосед, поосторожнее. Ты же ещё молодой, это мне скоро в квази. А ты закусывай, не пей на голодный желудок. Еда нынче тоже не та, что в моей молодости, разве мертвяки умеют еду растить? Да и противно после них-то. Ешь эту картошку и морщишься... Но всё-таки закусывать надо. Надо!

— Спасибо, дядь Вань, я учту, — пробормотал я.

— Водичкой сейчас рот прополощи, — поучал меня дядя Ваня. — Но пока не пей. Особенно спиртное! Желудок у тебя уставший, ему покой нужен. Вот перед сном рюмку-другую можно. Но без усердия!

Он подмигнул мне и милосердно направился в подъезд.

Как же, наверное, я поднял его самооценку! Капитан полиции, борец с мертвецами, а блюет перед подъездом, позорит, так сказать, честь мундира!

Выкинув носовой платок в мусорку и мысленно отметив, что надо купить несколько платков и подарить дяде Ване, я вошёл в подъезд. С подозрением вошёл, хоть и не ожидал всерьёз встретить здесь Викторию.

Её тут и не было. Только в углу стояла парочка целующихся подростков. Юноша был так увлечён, что вообще меня не заметил (как, очевидно, и дядю Ваню), девушка глянула гордо и вызывающе.

Ну и ладно, ну и гордись. Нам тоже найдётся с кем целоваться.

Я поднялся к себе, отпёр дверь. Принюхался. Пахло чем-то вкусным.

— Кто тут? — позвал я.

Из кухни выглянула Настя, в простом коротком платье и босиком. Глянула почти с таким же вызовом, как девчонка в подъезде.

— Это я. Ты голодный?

— Угу, — неуверенно сказал я. Покосился на чемодан в углу прихожей.

— Ты не против? — спросила Настя. — Я решила пожить у тебя. Недолго. Просто надо свыкнуться, что мама и брат вернулись. Но я могу уйти! Ты не думай, у меня есть куда. Подруги, тётка двоюродная, потом один старлей давно предлагал... — Она замолчала и улыбнулась. — Да всё я вру. У подруг свои дела, тётка старая и в Воронеже, старлей зануда и толстый.

— Какой ужас, — сказал я. — Толстый старший лейтенант. Куда катится этот мир. Оставайся, конечно. Раскладывай вещи.

— Я уже, — сообщила Настя. — Заняла у тебя пару полок в шкафу. А старлей толстый, потому что из управления «К», хакеров в сетях ловит. Ему некогда спортом заниматься, он весь в виртуальном пространстве и не зануда, а обстоятельный... Я сварила тыквенный суп. Он вегетарианский, даже без молока, я подумала, вдруг Михаил зайдёт.

— Не зайдёт, — коротко сказал я.

— Ну и ладно. На самом деле молока просто не было. У тебя совсем ничего нет, в холодильнике мышь повесилась.

Желудок свело спазмом.

— Ох, Настя, не надо про мышей! — взмолился я.

— Хорошо, — с удивлением сказала она. — Ну это просто фигура речи, выражение такое...

— Я знаю. Но не надо про мышей. Потом объясню почему.

Настя пожала плечами.

— Хорошо. В общем, я нашла у тебя бутылок пять разного алкоголя, весь крепкий и невкусный, хотя коньяк я попробовала, но это кошмар какой-то, пить невозможно. Десяток яиц, но их надо есть утром, а не на ужин. Ещё нашла плавленый сырок «Дружба», но он окаменел уже. Немного картошки, но она проросла. Но была чечевица, лук и тыква, я решила сделать суп. Станный набор продуктов.

— Я редко дома ем, — сказал я. — А чечевица, лук и тыква — потому что я сам собирался сделать суп. По субботам я готовлю себе тыквенный суп.

Настя растерялась:

— Правда?

— Люди иногда открываются с неожиданной стороны, — сказал я. — Ну кто бы заподозрил, что я готовлю что-то сложнее бутерброда?

Я снял китель, повесил на крючок.

— Тут был твой пиджак, я его почистила и в шкаф убрала, — неожиданно сказала Настя. — В кармане была статья профессора Томилина, ты из его квартиры прихватил?

— Да, — признался я. — Всё забываю прочитать. Что-нибудь ещё? Ворох записок от любовниц с мольбами вернуться?

— Ну... почти, — сказала Настя.

И отвела глаза.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить слова Михаила и понять, в чём дело.

— Ты нашла конверт в кармане? — спросил я.

— Нет... да... — Настя по-прежнему не поднимала глаз. И я вдруг понял, что её взбудораженность и то, что она выпила паршивого коньяка, — это всё следствие находки. — Он не был запечатан...

— Я не сержусь, — сказал я. — Я сам любопытный до ужаса. Профессиональная болезнь.

— Там заключение генетического анализа, — сказала Настя. — На родство.

Я кивнул:

— Знаю. Могу объяснить.

— Ты не обязан! — быстро сказала Настя.

— Лучше скажу. Михаил настоял. Он считает, что Найд может быть моим сыном. Примерно сходятся возраст и место, где он нашёл мальчика.

— Там фамилий нет, конечно, но я поняла, — сказала Настя.

— Михаил не знал одной печальной вещи, — сказал я. — Моя жена меня обманывала. Ребёнок, которого я считал своим, был от другого человека. Так что никакой анализ ничего не скажет... и слава Богу...

Настя нахмурилась. И посмотрела мне в глаза.

— Нет, — сказал я.

Настя кивнула.

— Да нет же! — воскликнул я. — Чёрт возьми, нет, она сказала... дай конверт!

— Вон же он, на столике... — тихо произнесла Настя.

Я схватил конверт, вытащил листок, развернул.

Уставился в ровные строчки распечатки.

«Анализ проводился стандартным методам по четырнадцати локусам...»

— С чего ты решил, что твой ребёнок — не твой? — спросила Настя.

— Ольга сама так сказала... — прошептал я одними губами.

— Когда?

— Мы... мы были в доме... надо было выбираться, бежать... она решила запереться в музее, там рядом музей был... а я настаивал, что надо прорываться...

— И она сказала, что ребёнок не твой?

— Да.

— Денис... — Настя подошла и осторожно обняла меня. — Поверь, женщины часто врут, когда говорят мужчине, что ребёнок — от него. Но бывает и так, что они врут, когда говорят, что ребёнок от другого. И это случается не реже.

— Зачем, — сказал я. — Ну зачем?

— Она думала, что так безопаснее, — прошептала Настя. — Для ребёнка. И ради того, чтобы его защитить, соврала тебе.

— И что мне теперь делать? — спросил я, будто хоть кто-то в мире мог ответить.

— Вначале — поесть, — ответила Настя.

Суп был вкусный.

Кажется.

Хотя я его делаю по-другому. Не каждую субботу, конечно, это я соврал. Но иногда делаю. Мне нравилось иногда готовить самому. Что-то неожиданное для холостяка.

Я ел суп и смотрел на Настю.

А она смотрела на стену. На портрет Ольги с ребёнком на руках.

— Ты ведь на самом деле никогда не верил в то, что она сказала, — внезапно произнесла Настя. — Иначе не повесил бы эту фотографию.

— Поверил, — пробормотал я.

— Нет, — беспощадно сказала Настя. — Не ври себе, Денис. Тебе хотелось в это поверить, потому что так было... легче. И ребёнок не твой, и жена обманщица. Но ты бы не смотрел каждый день на это фото. Ты на самом деле всё понимал. Но делал вид, что поверил.

— Как-то сложно, — пробормотал я.

— А мы, люди, вообще сложные. Это квази у нас простые. Что ты будешь делать?

— Это мой вопрос...

— Да, и ответ тоже твой.

— Не знаю, — сказал я и отложил ложку. — Вкусный суп. Спасибо. Я не знаю, Настя. Тут же проблема... Михаил...

Она нахмурилась:

— Ты думаешь, раз он спас ребёнка, то твоя жена... её...

— Да.

— Может быть, кто-то другой её... убил? — осторожно спросила она. — А он спас.

— Нет, — сказал я. — Не спрашивай почему. Но тут я почти уверен. Это не как с сыном. По-настоящему уверен.

Настя молчала, водила пальцем по столу. Потом сказала:

— Слухи такие ходят... Что восставшие возвышаются, если они убивают человека. В них как бы душа... переходит...

— К сожалению, не так всё романтично, — ответил я. — Тут душа ни при чём. Но... да. Ольгу убил Михаил. А потом обрёл разум и спас сына.

— Как его звали... зовут? — поправила Настя.

— Найд, — мрачно сказал я.

— Нет, я имею в виду настоящее имя.

Я потёр глаза.

— Самое обычное имя. Александр. Саша.

— Хорошее имя, — сказала Настя.

— Он — Найд, — ответил я. — И этого уже не изменить. Его вырастил старый мертвяк, убивший и сожравший его мать. Что мне с этим делать? Как жить? Да лучше бы...

Рука Насти мягко, но твёрдо легла мне на губы.

— Молчи, — сказала она. — Не надо говорить того, за что будет стыдно. Твой сын жив. Его вырастил другой че-

ловек, но не так уж и плохо. И он ещё ребёнок. Он может стать твоим сыном. Или хотя бы ты можешь стать его отцом.

Я молчал.

— Михаил знает? — спросила Настя, убирая руку.

— Нет, он не видел результатов. Хотел, чтобы я принял решение. Но... — Я вздохнул. — Он сказал... Найду. Тот уверен, что я его отец. Видишь ли, он привык, что Михаил всегда прав.

— Он и оказался прав, — кивнула Настя. — Так, Денис. Вытри сопли. Найди фото Ольги. Что-то ещё... что может быть важно для ребёнка. И езжай к ним.

— Я сказал, что не хочу никогда видеть Михаила! — попытался возразить я.

— Ты ошибся. Тебе придётся его видеть. Ради сына. Если хочешь, я сама ему позвоню... только у меня нет номера.

Я протянул Насте свой телефон, встал.

— Пойду соберу... фотки.

— Как он у тебя забит в трубке? — спросила Настя. — Как «Михаил» или как «Бедренец»?

— Как «Мертвяк», — мрачно ответил я.

С первых же часов похода Борис взял надо мной опеку. Уж не знаю, чем я приглянулся этому бравому и грубоватому сержанту, профессиональному вояке, прошедшему и Донецк, и Днепропетровск, и Сирию, и Кипр. Может быть, напоминал младшего брата, про которого он как-то обмолвился. А может быть, его самого — в молодости.

Как ни странно, после школы он год отучился в университете, а уже потом ушёл служить срочную службу и остался на контракте.

— Пять дней — это много, — рассуждал Борис ещё в пути, когда мы тряслись в кунге военного грузовика. — Даже взрослому мужику выжить среди этих тварей нелегко. Но с другой стороны, — он крепко хлопнул меня по плечу, —

мать — это мать. Ты не представляешь, на что женщина может пойти ради ребёнка.

Я хмыкнул что-то нечленораздельное.

— Не думай, студент, я тебя насквозь вижу, — продолжал Борис. Достал сигареты, закурил. Остальные вояки посмотрели на него неодобрительно, в кунге курить было не принято, но Борис тут был на особом положении. — С женой у тебя не сложилось, верно? Что-то не так у тебя с ней. Либо ты загулял, либо она... уж не обижайся. Ты за ребёнка волнуешься.

— Да, — сказал я, просто чтобы он отвязался.

— Может, я и жестокую вещь скажу, — продолжал Борис. — Но нам, мужикам, в этом проще. Мы в крови и муках не рождаем. Сунул, вынул и пошёл. Конечно, своя кровь — это святое. Но по большому-то счёту... женщины — они всегда к дитю ближе. А мы дальше.

Выдав эту потрясающей глубины философскую мысль, Борис сделал театральную паузу. Затянулся. И сказал:

— Вот потому, не чувствуя глубинной, природной связи со своими отпрысками, мы, мужики, должны разумом понимать свои обязанности. Воспитывать, защищать... Женщина — на инстинктах. Как животное. Мы — от разума. Как люди. Так уж устроила это мать-природа!

Случись среди нас феминистка, она бы завопила от возмущения. Но феминисток не было, и женщин вообще. Одни мужики.

Не в русской это традиции, чтобы женщины воевали.

— Можно подумать, Борис, будто не бывает матерей, которым на своих детей наплевать, — сказал один из солдат.

— Исключения подтверждают правило! — торжественно заявил Борис. — А Дениске поможем, верно? Правильно он поступает. Вначале испугался, но свой страх преодолел и возвращается!

— Я не испугался, — сказал я.

— Бояться не страшно. — Борис одним дыханием вкурив остаток сигареты, затушил окурок о пол кунга. — Важно

страх свой победить. Не ссы, студент. Спасём твоего отпрыска и жену твою спасём. А там уж разберётесь с ней, любите друг друга или как. В безопасности.

Грузовик потряхивало, он постоянно вилял, объезжая застрявшие на дороге машины. Потом остановился. На поясе у Бориса пискнула рация, он нахмурился, поправил наушник в ухе, вслушался в приказ.

— Ну вот и нам работа, — весело сказал он. — Восставшие на дороге. Торопятся, бегут, кушать хотят. Накормим их, ребята.

Ребята, проверяя автоматы, ответили матюками и обещаниями накормить тварей свинцом.

— А ты, значит, на железку свою больше рассчитываешь? — спросил Борис, глядя, как я достаю из ножен мачете. Хорошее, дорогое итальянское «Мату Гроссу». Я считал удивительной удачей, что мне удалось его купить в нынешней Москве.

Борис был опытный солдат. Куда мне до него. Но как я понял, Борис с настоящими, активными восставшими не сталкивался — только с едва поднявшимися, неповоротливыми.

— Да, — сказал я, глядя на лезвие. — Рассчитываю на железку.

Михаил встретил меня на улице. Уже темнело, загорались фонари, но над подъездом лампа почему-то ещё не светила.

Может быть, полумрак был сейчас и к лучшему.

— Привет, — сказал Михаил.

— Привет, — ответил я.

— Нам надо понять, что ты хочешь говорить Найду, — сказал квази. — Что можно ему говорить.

— А если я захочу сказать всё? — поинтересовался я.

Он вдруг резко обмяк.

— Ты вправе сказать всё, что считаешь нужным. Это такая странная и сложная ситуация...

— Зачем, ну зачем ты завёл со мной разговор о Найде, квазюк? — спросил я с болью. — Пусть бы я не знал. И он бы не узнал никогда. Что сейчас изменишь? Кому это нужно?

— Ему нужно, — тихо ответил Михаил. — Для того чтобы знать свои корни. Помнить, что он человек.

Мы помолчали.

— Живой человек... — неловко поправился квази.

— Я не стану говорить, что ты убил его мать, — сказал я. — Тем более... с деталями. И ты не говори. Во всяком случае, сейчас. Вырастет, может быть, тогда. Не надо этого ему.

— Спасибо, — сказал Михаил. — Я боялся об этом просить. Тут твоё право. Но ты должен понимать одну вещь. Если ты ему расскажешь, он решит уйти к тебе. Если нет, то вряд ли.

— Понимаю, — сказал я. — Но пока всё будет просто. Восставший убил его мать. Квази Михаил спас его и вырастил. То, что восставший и квази — одно лицо, ему знать не стоит.

— Денис, я виноват перед вами, но я ведь не создавал себя... — начал Михаил.

— Знаю.

— Когда мы восставшие — мы кровожадные звери. Машины по убийству, зачищающие всё живое вокруг.

— Знаю.

— Ты сможешь простить того, кто когда-то был зверем?

Я вздохнул.

— Михаил, я и без того считал, что все квази когда-то убивали людей. Я только не знал, что это обязательное условие. Я мог с этим смириться, в какой-то мере. Но ты убил мою жену! И никакое беспамятство не сможет изменить этот факт.

— Прости, — ещё раз сказал Михаил. И открыл передо мной дверь подъезда.

* * *

Найд был в своей комнате. Сидел за столом и с кем-то чатился по ноутбуку. Уж не знаю, почему он не вышел — то ли обижался на то, что я приехал не сразу, то ли им вдруг овладело смущение. Я вошёл, прикрыл дверь, сел напротив на хлипкий скрипнувший стул. Принесённую с собой сумку поставил у ног.

— Я сейчас, — сказал Найд, не поднимая глаз.

— Да пожалуйста, — ответил я, глядя на него.

Нет. Ничего, совершенно ничего не находил я в этом подростке от того годовалого малыша, которого когда-то держал на руках.

И никаких внезапных ощущений родства тоже не было.

Но генный тест не врёт.

Найд закрыл ноутбук и посмотрел на меня.

Мы помолчали.

— Странно, да? — сказал Найд.

— Не то слово... — Я попытался добавить «сын», как положено было бы в плохой мелодраме, но слово застряло в горле. — Очень странно.

— Ты извини, я не смогу, наверное, тебя папой звать, — сказал Найд с виноватой ноткой. — Я как-то привык па... Михаила так звать. Он не велит, но что мне его, дедом звать? Или квазюком?

Я кивнул.

— Про маму расскажи, — снова опуская глаза, попросил Найд.

— Она была очень хорошая, — сказал я. — Сильная. Волевая. Очень любила тебя... и меня. Но тебя больше.

— Почему мы с мамой потерялись? — требовательно спросил Найд. — Ты нас бросил?

Я сжал зубы. Досчитал до трёх.

— Нет. Никто никого не бросал. Но на нас напала толпа восставших. Мама с тобой успела укрыться в здании, а

мне пришлось убегать по дороге. У меня не было оружия, восставших было очень много. А потом, когда я смог вернуться, там уже никого не было.

— Ты точно не виноват? — настойчиво уточнил Найд.

— Я мог умереть и стать восставшим, — сказал я. — Но скорей меня бы растерзали в клочки и я бы насовсем погиб. Их слишком много было.

Найд поморщился.

— Покажешь фото? — спросил он.

— Держи. — Я протянул ему флэшку. Наши руки встретились, и мы оба вздрогнули. Найд торопливо отдернул руку и принялся, сопя, впихивать флэшку в ноутбук. — А вот бумажные...

Он бросил флэшку и стал изучать чуть поблёкшие от времени фотографии.

— Мама красивая, — сказал он и бережно положил фотографию на стол. — Я пытался сам найти в Сети, но ничего не нашёл. Так странно!

— У твоей мамы была жуткая нелюбовь к интернету и социальным сетям, — усмехнулся я. — Она порой шутила, что ей надо работать шпионкой, её в интернете нет.

— А кто она была?

— Дизайнер одежды. То есть она училась на дизайнера. Очень мирная женская профессия, придумывала всякие красивые штуки.

— А... — без особого воодушевления сказал Найд.

— Она была очень спортивная, — сказал я. — Смелая. Умела стрелять, куда лучше, чем я в ту пору. У неё был какой-то высокий дан по карате.

— Да? — заинтересовался Найд.

— Ну а работа... вот, возьми...

Я достал из сумки и протянул Найду куртку. Обычную ветровку из ярко-оранжевой синтетической ткани.

— Мамина курсовая работа. Красиво, да?

Найд молча вертел в руках куртку.

— Она вообще-то женская, — извинился я. — Но, по-моему, твой размер. Ты можешь её надевать, если захочешь. Мама её иногда носила.

— Хочу, — сказал Найд.

А потом вдруг уткнулся лицом в куртку и его плечи затряслись от рыданий.

— Найд... — пробормотал я. Неловко потянулся, положил руку ему на плечо. — Найд...

Дурацкое «не плачь» исчезло само собой, не родившись.

— Я тоже порой плачу, — прошептал я.

— Что теперь? — спросил Найд, не отрывая лица от куртки.

— Не знаю, — сказал я.

— Па... Михаил говорит, что всё может быть ещё хуже, — сказал Найд. — Что могут умереть все взрослые, а детей станут воспитывать квази. Что вы ловите эту... Викторию...

— Да, — сказал я, мысленно обругав Михаила последними словами. Да, врать детям нехорошо, но и говорить им всё — тоже не обязательно. — Но тебе ничего не грозит.

— Я не хочу, чтобы ты умер, — сказал Найд.

— Постараюсь, — пообещал я.

— Найди её... — Он упорно старался обойтись без обращения. — Пусть она умрёт, а ты будешь жить.

— Всё очень сложно, сын... — сказал я и сам поразился тому, как легко это слово, которое я не произносил десять лет, которое только что упорно не давалось, вдруг слетело с моих губ. — Всё очень сложно. Но я сделаю, что могу. И ты не думай, её ведь все ловят. И Михаил... и госбезопасность... все-все...

— Её поймаетшь ты, — сказал Найд. — Или ты, или никто.

— Почему? — удивился я.

Он наконец-то оторвал лицо от куртки. Скомкал её, прижал к животу. Посмотрел на меня.

— Потому что только ты сможешь. Михаил сказал, что ты лучший. Что ты ненавидишь квази, но ненавидят многие, а у тебя есть на это право. И только ты сможешь поймать сумасшедшую квази.

— Сумасшедшую... — Я подавил нервный смешок. А что, ведь это мысль. Сумасшествие. Отсюда все эти метания, все странности. Но разве можно сойти с ума, будучи мёртвым? Или пройдя через возвышение и обратившись в квази — остаться психом, как при жизни? Никогда о таком не слышал... — Не думаю, что она сумасшедшая. Мы просто чего-то не понимаем.

— Про неё? — спросил сын.

— Вообще про квази, — сказал я. — Мы, люди, были слишком заняты, когда случилась катастрофа. Вначале тем, что выживали. Потом налаживали отношения с квази. Затем устраивали новую жизнь, которая похожа на старую, но совсем другая. Мы никак не разберёмся в самом главном. Кто такие квази, кто такие восставшие.

— А кто такие люди? — спросил Найд. — Разве мы в этом разбираемся?

Я пожал плечами.

— Вот я — кто такой? — спросил Найд. — Человек или личинка квази?

— Ты мальчик, — сказал я. — Пока ты всего лишь мальчик.

Найд нахмурился:

— Между прочим, обидно!

— О, — сказал я. — Знаешь, как бы я хотел быть всего лишь мальчиком. Не забивать себе голову взрослыми глупостями...

Найд помолчал, потом кивнул. Спросил:

— Как меня зовут?

— Александр, — ответил я. — Саша.

Найд подумал.

— Обычное очень имя.

— Ну не знаю. Македонского и Пушкина устраивало.

Найд пожал плечами, посмотрел на фотографию на столе. Спросил:

— Можно мне её оставить?

— Она твоя, — сказал я.

Скрипнула дверь, и в комнату осторожно заглянул Михаил. Сказал:

— Я не помешаю?

— Смотри, это моя мама! — Найд вскочил и протянул ему глянцевый листок. — Правда, красивая?

Михаил вздрогнул. Совсем по-человечески вздрогнул и отвёл глаза. Потом уставился на фотографию. Медленно сказал:

— Да. Красивая.

Я понял, что у меня нет больше сил находиться здесь. Рядом с сыном и воспитавшим его чудовищем.

— Мне пора... Сашка, — сказал я и встал. — Тут, в сумке, ещё есть фото. И какие-то вещи... мамины и твои.

— Мои? — растерялся он.

— Ну... — Я пожал плечами. — Игрушки. Мишка плюшевый. Не знаю, я подумал...

Он кивнул, глядя на меня.

Я покосился на Михаила — тот всё ещё разглядывал фото.

— Приду завтра, — сказал я. — Если вы не против.

Найд энергично замотал головой, потом сообразил, что это может быть понято неправильно, и закивал.

— Пока, — сказал я. — Пока, сын. Михаил...

Он поднял взгляд на меня.

— Встретимся в участке, — сказал я. — Завтра утром.

— Ты что-то придумал? — спросил квази.

— Нет. Но придумаю. Завтра утром. Как обычно.

Я ещё раз кивнул сыну. На миг замешкался, борясь с желанием его обнять. Найд, кажется, тоже пытался разобратся со своими чувствами.

— Пока, — сказал я. — Зайду завтра.

По дуге миновав Михаила, я вышел в прихожую.

Всё странно. Всё так странно.

— Денис...

Михаил быстро и бесшумно догнал меня. Фотография по-прежнему была у него в руке, он протянул её мне — будто мне нужно было на неё смотреть, чтобы что-то вспомнить.

— Денис, это твоя жена?

Я кивнул.

— Она... она не красила волосы в рыжий цвет?

— С какой стати?

Михаил на миг прикрыл глаза. Потом тихо сказал:

— Я возвысился не за счёт матери Найда, Денис. Та женщина... она была рыжеволосой.

Меня будто обухом по голове ударили.

— Я не убивал твою жену, — сказал Михаил.

— Ты уверен? — спросил я. — Ты точно уверен?

Он повторил:

— Я не убивал твою жену. Я её не видел, во всяком случае, когда обрёл разум. С мальчиком... была другая женщина.

— А где Ольга? — глупо спросил я.

— Не знаю. Я монстр, мы все монстры. Но я не убивал твою жену.

Я постоял, пока в голове укладывалось услышанное.

Потом кивнул:

— Завтра в участке. Не проспи, мертвяк.

И пошёл к дороге — ловить такси.

Философы и гуманисты говорят нам, что каждая человеческая жизнь — равноценна. Что для мироздания одинаково важен и одинаково ничтожен каждый. И Бетховен, и Пастер, и Королёв не более и не менее ценны, чем китайский крестьянин, что проводит всю жизнь на рисовом поле, шотландский безработный, каждый день надувающийся «Гиннесом» в пабе, и латиноамериканский наркоторговец, продающий на улицах Нью-Йорка белую смерть.

И мы даже склонны с этим соглашаться, в душе морщась, но кивая и бормоча про то, что каждый человек — целая Вселенная, и каждая жизнь — бесценна, а каждая смерть — непоправима.

Ровно до тех пор, пока на чашах весов оказываются не абстрактные Авиценна и египетский каменотёс, а два совершенно обычных, незначенитых человека, но один из которых — твой близкий, родной и любимый.

Вот в этот момент весь гуманизм и вся софистика спадают с нас будто шелуха.

Потому что смерть своего ты простить не можешь, а смерть чужого — запросто. Ну хорошо, не запросто. С некоторым усилием и лёгким дискомфортом.

Так уж устроена жизнь.

Наверное, это несправедливо.

Но в этой жизни даже Бог никому не обещал справедливости.

Глава девятая

УЧЕНИКИ И ВИРУСЫ

Я проснулся под утро, ещё не было и шести. Вчера я вернулся поздно, а лёг вообще за полночь. Но сна уже не осталось ни в одном глазу.

Такое состояние я знал. Если сейчас сделать усилие, то можно и уснуть. Тогда едва проснёшься от будильника и будешь глотать кофе, чтобы мозги нормально заработали. Можно, наоборот, встать, будешь чувствовать себя бодрым и отдохнувшим, но после обеда потянет в сон.

А можно тихо лежать в дремоте, размышляя. И тогда организм сам доберёт нужный ему отдых.

Поэтому я лежал, слушал дыхание Насти, прижавшейся к моему плечу, и думал.

Что мы имеем?

Люди и квази. Восставшие не в счёт.

Люди не особенно любят квази, хотя многие и собираются ими стать. Квази не особенно любят людей (они вообще редко умеют любить), но люди им необходимы.

Среди людей есть спецслужбы и военные. Они не прочь уничтожить квази. Кто с радостью и без лишних причин, а кто по необходимости и в порядке самообороны.

Среди квази есть экстремисты. Они не прочь уничтожить людей, превратить в себе подобных. Но поскольку сами квази не размножаются, то они хотят уничтожить

взрослых, а молодёжь воспитывать в почтении к квази и с целью размножения.

Обе стороны рассчитывают на биологическое оружие. Оно то ли есть, то ли его нет.

Покойный профессор Томилин работал на квази, хоть и был человеком. То ли от любви к Виктории, своей квази-жене, то ли идейно — решил, что будущее за квази.

Он то ли создал вирус, избирательно убивающий взрослых, то ли пытался создать.

Руководство квази, обеспокоенное происходящим, прислало в Москву Михаила Бедренца.

Пока всё понятно и логично.

Но Михаил немного опоздал. Виктория убила мужа — то ли потому, что тот раздумал создавать оружие, то ли для того, чтобы создание оружия предотвратить. Викторию мы разоблачили и задержали, однако ей удалось уйти.

А вот дальше начинается непонятное и нелогичное.

Виктория носится по Москве, прячась и меняя обличья. Она наверняка сумела бы уйти — раз уж способна так хорошо менять внешность и имеет доступ к фальшивым документам. К тому же раз она работает на экстремистов, у неё наверняка есть какие-то друзья, помощники, начальники, резиденты. Хотела бы уйти — ушла, не надо переоценивать проверки на МКАДе.

Но она остаётся в Москве!

Она в одиночку ухитряется захватить приют Лазаря Вифанийского. Возится в лаборатории приюта. А потом в суматохе скрывается, ничего толком не сделав!

Виктория посещает церковь, психологический центр (хотя с тем же успехом можно сказать «наркопритон») и своего старого научного руководителя. Всем рассказывает о своих душевных терзаниях и переживаниях. При этом мотивы действий всем сообщает разные!

Нападает на меня, требует встречи с госбезопасностью и настраивает против Михаила. Но со встречи убегает, причём делает это так ловко, так хорошо подготовив пути

отхода, что напрашивается мысль — она и не собиралась сдаваться.

Так зачем же ей это?

Настя что-то пробормотала во сне, повернулась на другой бок. Я осторожно укрыл её одеялом. Не пойму я пока сам, получится ли у нас что-то долгое или нет. Но мне с ней хорошо, потому что она — хороший человек...

А есть ли кто-то, искренне считающий себя плохим? Виктория тоже наверняка считает свои поступки правильными.

Я заёрзал на кровати, нахмурился, глядя на посветлевшие окна. Рассветало. Её поступки правильны, вот в чём дело. Надо исходить из того, что её метания имеют какую-то цель.

Вижу ли я её?

Пожалуй, да.

Виктория тянет время.

Зачем?

Это совершенно не нужно в том случае, если вирус уже выпущен, если люди инфицированы и скоро начнут умирать. Как только станет понятно, что происходит, человечество ударит по квази всеми силами. Если у нас тоже есть биологическое оружие против квази (а слова Виктории про «чёрную плесень» говорят о том, что есть), то квази убьют людей — взрослых людей, а мы убьём квази — всех квази. И на планете останутся только дети.

Ой, нет. Ещё останутся восставшие. В общем — ничего хорошего.

А если вирус не выпущен, если он в руках у Виктории?

Тоже нет смысла тянуть время.

Если она хочет предотвратить его применение — то надо просто отдать его людям. Или уничтожить. Найти любую муфельную печь и сжечь вчистую. В том же приюте под храмом это можно было сделать.

Если Виктория хочет передать вирус квази — не важно, для применения или как страховку от возможной аг-

рессии людей, то ей тоже не стоит болтаться в Москве. Ей надо выбираться в Санкт-Петербург. И она уже много раз могла бы это сделать.

А если вируса вообще нет?

Тем более нечего Виктории болтаться в Москве. Бежать ей надо.

Тогда что остаётся?

Единственный вариант. Вирус существует, но он не у неё. Виктория пытается его заполучить.

Почему же не заполучила?

Не знает, где вирус спрятан?

Но этого ей уже никто не подскажет, тогда оставаться в Москве бессмысленно.

Знает, но не может взять? Пока не может?

И при этом сама не понимает, что с вирусом делать?

Тогда её метания становятся понятны. Она вынуждена дожидаться какого-то момента, когда сможет забрать вирус. Но при этом и колеблется, как поступить. Обсуждает ситуацию с теми, кому симпатизирует, — священником, научным руководителем. Зондирует почву с Маркиным — готовы ли люди разоружиться. Идёт к психологам, чтобы под действием лекарства попытаться посмотреть на ситуацию «по-человечески», для того, наверное, чтобы понять наши действия.

Вряд ли она поверит в то, что люди разоружатся. И Маркин это прямо сказал — не в его власти, не только у России есть оружие... И банальная логика подсказывает, что люди никогда не отказываются от оружия.

США не отказались от ядерного оружия, когда закончилась Вторая мировая война. И когда коммунизм проиграл капитализму — никто из великих держав не разоружился. И даже после катастрофы, когда конфликты между уцелевшими государствами ушли на второй план, ядерное оружие сохранили и даже модернизировали. Все лозунги «давайте запретим и уничтожим ядерное оружие, мы ведь

не собираемся его применять» остались только пропагандистскими лозунгами.

Виктория должна была это понять. Если не сразу, то после визита к психологам — уж точно.

— Денис?

Я открыл глаза и посмотрел на Настю.

— Ты не спишь, — сказала она.

— Верно, — ответил я.

— Думаешь про сына?

— Нет, не про сына, — сказал я. — Наверное, я плохой отец. Думаю о работе.

— О том, как поймать Викторию? Ну так это как раз то, о чём тебя Найд попросил... Что-то придумал?

— Есть кой-какие мысли, — уклончиво сказал я. — Поговорю с Михаилом.

— Я сделаю завтрак, — сказала Настя. — Извини, выбор невелик — яичница-глазунья.

— Вполне устраивает, — согласился я.

Сегодня я пропустил Настю вперёд. Пока она шла к отделению, я достал телефон и набрал номер Маркина.

— Денис, — сказал он в трубку вместо «алло».

Голос у него был усталый. Или нет, не усталый, но с той неестественной бодростью, что бывает у человека, сидящего на кофе и стимуляторах, а не только что поднявшегося с постели.

— Владислав, — поддержал я его манеру общаться. — У меня появилась одна мысль, решил поделиться. Конечно, если вы ещё не поймали Викторию.

Маркин фыркнул в трубку.

— Говори, капитан.

— Я думаю, вируса у неё нет. Пока нет. Томилин его где-то спрятал, и она пока не может его забрать. Я бы на вашем месте ещё раз тщательно проверил квартиру профессора и институт, где он работал.

— Если бы ты был на моём месте, капитан, — сказал Маркин, — то ты проверил бы всё ещё в первый день. Как и было сделано.

— Ага, — сказал я. — Почувствуйте себя дилетантом... Ну извини.

— Да ничего, Денис. Мысль неплохая, хоть и запоздавшая. На всякий случай повторюсь — готов взять тебя в команду. Но рыться в профессорских носках и обнюхивать пробирки в институте биохимии тебе не нужно — всё уже сделано. Увы, Денис. Но спасибо, что думал об этом.

— Я, пожалуй, продолжу думать, — сказал я. — Мне понравился процесс.

— Ты ведь наверняка работаешь с Михаилом? — небрежно спросил Маркин.

— В общем — да.

— Тогда просьба, капитан. Будь человеком, приглядывай за ним.

— Хорошо, — сказал я, помедлив.

— Если вдруг придёт в голову ещё какая мысль, или зацепитесь за след, или... вдруг что непонятное... позвони мне, капитан. А я в долгу не останусь, сам понимаю.

— Капитан, Михаил — мой напарник, — сказал я.

— Понимаю. Потому и прошу тебя *по-человечески*. Все мы порой ошибаемся, главное — не сделать ошибку в решающий момент.

Маркин отключился.

Я задумчиво спрятал телефон, покачал головой.

«Будь человеком». «Прошу по-человечески».

В общем-то Маркин едва ли не открытым текстом сообщил мне, что в отношениях людей и квази называют серьёзные проблемы.

Как будто сам я этого не видел.

Я двинулся к отделению. Быстро юркнул в свой кабинет, глянул на бумаги на столе. Размножаются они, что ли? Клонированием? Наверняка опять будет несколько про подозрительных соседей (как же мы любим близких

своих), несколько про таинственные стуки и стоны из подвала (изношенная канализация порой издаёт странные звуки), несколько про дискриминацию и преследование (квази отстаивают свои права с не меньшим энтузиазмом, чем люди). И всё это, по-хорошему, надо решать. Несмотря на дамоклов меч, висящий над человечеством...

— Я опоздал, Денис?

Я покосился на вошедшего Михаила, потом демонстративно посмотрел на настольные часы. Увы, квази вошёл минута в минуту.

— Нет, Михаил.

Бедренец снял шляпу, повесил на крючок. Сел напротив.

— Я много думал сегодня ночью.

— Аналогично, — признался я.

Михаил понимающе кивнул.

— Как Найд? — спросил я.

— Саша спал с курткой своей матери, — сказал Михаил. — Спасибо, что пришёл вчера. И принёс все эти вещи.

— Ты сказал правду? — спросил я. Не уточняя, о чём — это и так было понятно.

— Да. Я не убивал твоей жены.

— Может быть, ты просто не помнишь.

— Если не помню, то я не убил её окончательно, а просто перевёл в состояние восставшей. Но мальчик был с другой женщиной. Вряд ли Ольга отдала бы ребёнка, будь она жива.

Я кивнул:

— Ладно. Не будем об этом, Михаил. Я действительно размышлял о поведении Виктории.

— У неё нет вируса, — сказал квази.

— Я пришёл к такому же выводу, — ответил я. — Вирус где-то спрятан, и она не может его достать.

Михаил покачал головой:

— Сомнительно. Либо может достать, либо нет. Одно из двух. Просто вируса ещё нет.

Я нахмурился.

— Он культивируется, — сказал Михаил. — Виктория ждёт, пока созреет вирусная культура.

— Чёрт! — Я кивнул. — Возможно. А что это может быть?

— Обычный термостат с культурой ткани или, к примеру... — Михаил невесело улыбнулся, — лабораторная мышь.

— Я созванивался с Маркиным, — признался я. — Он сказал, что не стоит тратить время на обыск института или квартиры, там всё проверено. Наша безопасность тоже ищет вирус.

— В Москве тысячи мест, где есть термостаты. И десятки тысяч, наверное, где есть мыши. Всякие зооуголки, зоомагазины, любители животных... — Михаил махнул рукой. — Мне кажется, мы на верном пути, Денис. Но теперь нужна хорошая догадка. Это — твоя епархия.

— Что такое епархия? — спросил я, размышляя.

— Да ладно, — Михаил усмехнулся, — не строй из себя тупого мента. Может, ты и равнодушен к делам церковным, но книжки явно читал.

Я фыркнул, но в душе мне было приятно.

— Много было свободного времени, — сказал я. — Пить, к сожалению, всё время невозможно. Чтение — хорошая замена водке... Так что делаем? По зоомагазинам ходим? По приютам для животных? «Не сдавал ли вам покойный профессор на передержку мышь, заражённую смертоносным вирусом?»

Михаил сделал вид, что всерьёз обдумывает это предложение. А может, и обдумывал. Кто их, квази, знает.

— Давай всё-таки не будем спешить, — сказал он. — Лучше подумать перед работой, чем приступать к ненужным действиям.

— Позиция лентяя, — восхищённо сказал я. — Уважаю!

— Это чистая логика! — возмутился Михаил. — Приступив к ненужной работе, очень трудно понять её ненуж-

ность. В итоге больше времени тратится на выполнение излишних действий, чем на выработку правильного регламента работ.

— Логичная лень! — Я всплеснул руками, вскочил из-за стола. — Михаил, ты придал моей жизни новый смысл. Давай думать.

— Но поскольку тратить время впустую неправильно, то думать надо во время выполнения рутинной и скучной работы, — сказал Михаил. Взял с моего стола рапорты и заявления, начал перелистывать. — Что-нибудь скучное, но полезное для общества.

— Я так не играю, — сказал я. Пошёл к шкафчику, достал с полки свою любимую кружку. — Пойду кофе у девчонок попрошу.

— Вы утром с Анастасией и так пили кофе, — сказал Михаил. — Много кофе — вредно.

— Откуда ты...

— Запах.

— Ах да. Ходячий газоанализатор. — Я кивнул.

— Вот, любопытно... — Михаил отложил листки, оставив в руках один — распечатку е-мейла. Видимо, пришёл на электронную почту или на сайт отделения, а утром мне положили на стол. — Гражданка Файзулина просит взять под стражу её сына Руслана, семнадцати лет, поскольку тот одержим мыслью совершения самоубийства для превращения в квази.

— Это в ПДН, — сказал я. — В подразделение по делам несовершеннолетних. Хотя нет, они — до шестнадцати.

— Пишет, что там отказали. И психологи отказали.

— Как это? — возмутился я.

— Потому что на беседах мальчик утверждает, что никаких самоубийств не планирует, квази хочет стать «в своё время», производит впечатление жизнерадостного и вменяемого. А мама сама состоит на учёте в психоневрологическом. Видимо, её мнению не доверяют.

— И что мы можем поделать? — Я развёл руками. — Под стражу взять? Бред. Поговорить? Ну так с ним специалисты говорили и ни к чему не пришли. Может, ей всё-таки к врачам обратиться?

Михаил укоризненно смотрел на меня.

— Ладно, — вздохнул я. — Поехали. Поговорим с молодым человеком. Ты ему расскажешь, чего стоит возвышение, и он передумает.

— Я не расскажу, — нахмурился Михаил.

— Тогда возьмишь ремень и выпорешь. Поехали, в конце концов, отметим в рапорте, что провели предупредительную беседу. А то и впрямь покончит с собой, недоросль, а на нас всех собак навесят. Где он живёт?

— Краснобогатырская, дом один, корпус два. — Михаил подумал и добавил: — Возле Преображенской площади.

— Да знаю я, где это. — Я нахмурился. — Стоп. Как это к нам попало? Не наш район, Михаил. Можем не реагировать.

Михаил некоторое время изучал распечатку. Потом кивнул:

— Ну конечно! Письмо направлено во все отделения полиции города Москвы.

— Пусть министру напишет, — посоветовал я.

— Министру тоже есть копия.

— Тогда в ООН. И в Спортлото. Не наш район, Михаил. Мы не то что не обязаны реагировать, мы даже не имеем на это права!

— Женщина явно в отчаянии, — заметил Михаил.

Я вздохнул, отобрал у него листок, стал проглядывать. Письмо было сумбурным, с массой ненужных подробностей, в основном касающихся того, какой Руслан «славный умный мальчик» — ну понятное дело, это же письмо матери. Я дочитал уже почти до конца, когда царапнувшая сознание фраза заставила вернуться к середине текста.

— Михаил, а мы поедем, — сказал я.

— Да? — Михаил вопросительно приподнял бровь.

— «...круглый отличник, занимается в кружке «Юный биохимик»...»

Михаил непонимающе смотрел на меня.

— В институте, где работал Томилин, на стене висело расписание работы кружка «Юный биохимик».

— Мало ли таких кружков... — сказал Михаил, но явно оживился, насколько это возможно для квази.

— «...хотел стать профессором, как его руководитель...»

— Все дети хотят стать профессорами, а не дворниками, — заметил Михаил. Потом кивнул: — Ладно, что это я? Невероятно, но факт. Поехали.

Тесак, которым обзавёлся Борис после первого боя, был куда хуже моего мачете. Но орудовал им с энтузиазмом, заменяющим опыт.

Возле музея нам попался всего один восставший — он сидел на корточках на броне танка и жрал живую ворону. Как он её поймал — ума не приложу, вороны очень умные птицы. Восставший крепко сжимал ворону за голову и каркать та не могла, только дёргалась, когда восставший откусывал у неё куски плоти.

— Ах ты ж, тварь богомерзкая... — сказал Борис и пошёл к восставшему. По виду и остаткам костюма восставший был типичный молодой подмосковный гопник, он и сидел-то в характерной позе. Только вместо семечек у него была ворона.

При виде Бориса восставший засуетился и начал глотать ворону быстрее. Видимо, никак не мог оторваться даже ради более крупной и вкусной добычи.

Сержант убил восставшего пятью или шестью ударами, причём все, кроме первого, были излишни — он отсёк ему голову. Потом Борис добил искалеченную ворону.

Он, конечно, был грубым солдафоном, откровенным мужланом, строил из себя мачо, а его взгляды на прекрасный пол

ужасно огорчили бы всех женщин на свете. Но среди толпы восставших мертвецов он был куда лучшим спутником, чем самый тонкий, рафинированный, интеллигентный, политкорректный и толерантный педераст.

Отомстив за бедную птицу, Борис мгновенно успокоился, и мы пошли к музею. Старые танки мёртвыми изваяниями застыли вокруг.

— Если превращусь в такое — убьёшь меня, — сказал Борис. — Понял? Я человеком жил, человеком и умру.

— Хорошо, — пообещал я.

— Я тебя тоже убью, если что. Не сомневайся, — пообещал Борис. Остановился у одного из танков, скептически посмотрел на закаменевшие траки.

— Не на ходу, — сказал я. — Лет как полста.

— Уж не знаю, зачем нам велели этот хлам проверить, — согласился Борис. — Танки-то в Москве и так есть, с горючкой плохо. Видать, просто предлог такой, чтобы ты семью поискал?

— Да, — признался я. — Уговорил начальство.

— Ну и молодец. Настырный. Из тебя мужик выйдет, я сразу понял...

Мы подошли к зданию музея.

— Дверь не выломана, — сказал Борис. — Это плюс. Но она открыта, это минус. Что, Дениска, пошли? Времени нам дали полчаса, конвой ждать не будет.

— Пошли, — кивнул я, оглянувшись на грузовики и БТР, застывшие на шоссе.

Получаса нам хватило. Мы обшарили музей полностью. Мы не нашли никого.

Ни живых, ни мёртвых. Ни восставших.

Зато Борис обнаружил пустые банки от детского питания. Спросил, с неожиданной мягкостью:

— Может быть, твоя ребёнка кормила? А потом увидела, что восставших нет — и ушла.

— Куда? — спросил я, будто он мог знать.

— Кто знает. Будешь искать дальше.

От шоссе донёлся пронзительный нетерпеливый гудок.

— Пошли, Денис, — сказал Борис. — А то тут бросят. Скажи спасибо, что полчаса тебе выделили.

Я колебался.

— Если хочешь — оставайся, — спокойно предложил Борис. — Я понимаю. Совру что-нибудь. Но как по мне — поехали дальше. Ещё выберешься на поиски.

Посмотрев ему в глаза, я понял — он ни на секунду не сомневается, что искать мне уже некого.

— Пошли, — сказал Борис, обнимая меня за плечи. — Пошли, боец. У меня в кунге спирт заначен. Пошли...

Район Преображенской площади — из тех старых московских районов, где до сих пор полно старой застройки, советских ещё времён. Семья Файзулиных — мама и сын, жили в древнем девятиэтажном здании, из тех, что никак не соберутся снести и расселить жителей. Я думаю, что сейчас это объясняют катастрофой. Раньше находили другие причины.

Но, в конце концов, жизнь в маленькой квартирке старого дома — ещё не повод становиться квази, когда тебе всего семнадцать лет. Одно дело — глупая девчоночья выходка, вроде той парочки с их несчастной любовью. Другое — спокойное и рассудочное действие (насколько вообще поступки подростка можно назвать рассудочными). Я был почти уверен, что Руслан Файзулин окажется юным задохликом, с покрытым прыщами лицом, или наоборот — толстым тьюфом в очках. В общем, из числа тех мальчишек, на которых девочки смотрят как на пустое место, а у него же гормоны, ему же целоваться хочется, да и не только целоваться.

Но Руслан оказался высоким красивым парнем с умным, интересным, чуть ироничным лицом. Несмотря на татарскую фамилию, был он светловолосым, европейского типа, разве что широкий овал лица выдавал восточные корни. На таких девчонки вешаться должны.

И мама его, несмотря на странное письмо и учёт в психоневрологическом (а кому из нас он бы помешал? У психиатров больных нет, есть недообследованные), выглядела женщиной хорошей, любящей сына, следящей за собой и домом. Не похоже, что от такой мамы ребёнок готов податься в живые мертвяки. Наше появление её и обрадовало, и смутило. Она принялась предлагать чай с какими-то национальными треугольными пирожками, тут же смутилась — пирожки были с мясом. Руслан отреагировал без такого энтузиазма. Пожалуй, мне он даже собирался сказать что-то ехидное, как и положено в этом возрасте. Но увидев Михаила, тут же присмирел и стал образцово-показательным мальчиком.

А ведь это не просто юношеский бзик, понял я. И не демонстративное поведение, как у тех девчонок. Это и впрямь отношение к квази как к высшей форме. Высшей форме жизни, блин...

От чая нам отказаться не удалось. Но, по крайней мере, чай нам принесли в комнату Руслана, вместе с блюдечками сладостей и кувшинчиком молока. Мы с Михаилом сели у стола, второй стул притащил тихий и послушный Руслан, севший на уголок тщательно заправленной (не верю, что сам заправлял!) кровати.

После чего гражданка Файзулина Адиля Айдановна тихонько вышла из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь. Только что была, чай разливала, а вот уже её и нет.

Комната Руслана выглядела так, что было понятно — он здесь полновластный хозяин. Компьютер, бардак на столе, среди которого выделялась электронная фоторамка, где менялись какие-то школьные фотки. Везде очень чисто, но вещи раскиданы как попало (представляю, как Адиле Айдановне тут хотелось прибраться, однако она явно ограничивалась мытьём полов и вытиранием пыли), постеры на стенах, включая вызывающе-эротические, с весьма вольно одетыми и ведущими себя девицами.

Ну как можно расстраивать такую маму? Я очень неодобрительно посмотрел на Руслана. Парень, надо признать, смутился и отвёл взгляд.

— Понимаешь, почему мы пришли, Руслан? — спросил я.

— Ну да, — басовито, но с прячущимся где-то совсем рядом фальцетом, сказал Руслан. — Это всё мамины фантазии. Считает, будто я хочу с собой покончить, чтобы квази стать. — Он не удержался и посмотрел на Михаила.

С восхищением посмотрел.

— Ты же не станешь мне врать, Руслан? — спросил Михаил.

Руслан засопел, но ничего не ответил.

— Маме врать нехорошо, — продолжил Михаил. — Но про маму врать — ещё хуже.

— Да не собираюсь я суицидничать! — не выдержал Руслан. — Да, я считаю, что быть квази — правильно и хорошо! Но ничего я с собой делать пока не буду!

— А когда будешь? — спросил Михаил доброжелательно.

Руслан заёрзал. Уважение к квази боролось в нём с осторожностью. Но, видимо, к уважению присоединился подростковый протест, и он с вызовом сообщил:

— Когда все это поймут. Когда люди правильно всё организуют. Чтобы вырос, женился, ну всё такое... а потом — квази!

— Это тебе профессор рассказал? — поинтересовался я небрежно. — Виктор Аристархович?

Эффект был потрясающий.

Руслан прямо-таки подлетел с кровати и пулей выскочил из комнаты, хлопнув дверью. Через мгновение грохнула и дверь квартиры. Раздался голос Адиле Айдановны:

— Руслан!

— Чёрт, — сказал я, глядя на свои ноги в стареньких гостевых тапочках. — Он был в кроссовках.

— Стар я уже для этой ерунды, — сказал Михаил, вставая. Подошёл к окну, открыл створку, посмотрел вниз. Вздыхнул. — Подожди нас тут, ладно?

— Четвёртый этаж, — заметил я.

— Да вижу... — сказал Михаил, с кряхтением забираясь на подоконник. — Хорошо хоть клумба...

Он исчез за окном, через пару секунд послышался гулкий звук — будто тяжёлый тюфяк уронили.

— Бум, — сказал я, разглядывая полки. Книжки, много книжек. В основном фантастика. Но есть и немножко стихов, и классики — в основном той, что по школьной программе.

Ещё на полках стояла всякая ерунда вроде оловянных солдатиков, кубков и грамот за какие-то спортивные состязания, фигурок динозавров. Может, парень и в институт палеонтологии ходил? Нет, это уже будет чересчур.

Минуты через три входная дверь снова хлопнула, о чём-то быстро заговорила мама Руслана, сын виновато бубнил что-то в ответ. Я не вслушивался.

Прихрамывая, вошёл Михаил, ведя за локоток Руслана. На ногах у квази были только носки.

— Тапочки порвались, — пожаловался мне Михаил. — Левый немножко, а правый будто взорвался.

— Некачественные тапочки, — поддержал я его. — Что ж ты, Руслан, убежал не прощаясь? Большой парень, воспитанный. Такая мама у тебя хорошая.

Руслан косился на Михаила и молчал. Похоже, восхищение перед квази у него не исчезло, а вот уважения побавилось.

— Он хороший парень, только юношеский максимализм... — сказал Михаил.

— Дурь у него в голове, — сказал я.

— Чайку горячего? — робко заглянула в дверь мама Руслана. Я сурово посмотрел на неё, и она мгновенно исчезла.

— Спасибо, не надо, — сказал я в закрывшуюся дверь и снова повернулся к Руслану. — Что дуришь, парень? Наслушался Томилина? Ах, умный дядька, профессор, жена — квази. Прогрессивный. За эволюцию. Из грязи, да в квази... А ты знаешь, дурачок, какова цена?

— Денис! — строго сказал Михаил.

— Знаю, — неожиданно сказал Руслан. И с вызовом посмотрел на меня. — Квази — это те восставшие, которые более развитые. Они быстрее возвышаются. Ну и... — Он заколебался. — Они...

— Продолжай, — сказал я.

— Людей едят, — сказал Руслан.

— Готов? — спросил я.

Парень молчал. Потом тряхнул головой.

— Это же не я буду. Это восставший будет. Это эволюция.

— Это каннибализм, — сказал я.

— Вот и неправда, — быстро ответил Руслан. — Восставшие уже не люди. А каннибализм — поедание себе подобных.

— А, так ты образованный... Кого есть будем? — спросил я. — Ты как, среди одноклассников уже приметил ужин? Двоечников, хулиганов?

— Люди и так жрут друг друга, — буркнул Руслан. — Только не буквально. Общество построено на том, что умные и сильные доминируют, а глупые и слабые обеспечивают их существование. Когда-то коммунизм пытался это ликвидировать, но он противоречил человеческой природе. А у квази получается правильный коммунизм, потому что балласт не мешает. Преступники, дураки и лентяи послужат возвышению нормальных хороших людей.

Он так увлёкся, что совсем перестал бояться. Теперь Руслан говорил с жаром, с воодушевлением.

— Вы посмотрите сами, какое общество квази у себя построили! Питер теперь такой хороший город, я там на экскурсии был, там все на велосипедах ездят, везде чисто,

дома шикарные построили и старые отреставрировали, никакой преступности, сплошь учёные и мастера, и заводы там знаменитые, вот мой комп — его в Питере сделали, на заводе «Заслон». Никакая медицина не нужна, квази не болеют. И пенсии им не нужны, они уже не стареют. Ресурсы зря не тратятся, так можно и в космос летать, и на Земле построить справедливое общество! Идеальный мир! Настоящий коммунизм!

Он замолчал.

Молчали и мы с Михаилом.

— Парень, то, что ты сейчас описал, не коммунизм. Оно называется другим словом, — сказал Михаил. Голос его оставался спокойным, вежливым, но почему-то мне казалось, что в глубине своей мёртвой души он сейчас рычал от ярости. — И в истории уже пытались строить общество, где больных, глупых и ленивых утилизировали. Есть, правда, не ели. Недоработка. А вот на удобрения перерабатывали, волосами матрасы набивали. Было такое.

— Кто первый Гитлера упоминает, тот и не прав, — сказал Руслан. — Это называется «закон Годвина».

— Знаю, — кивнул Михаил. — Только ведь это ты его упомянул... Значит, хочешь быть квази? Не болеешь, не стареешь, из окошка можешь выпрыгнуть? А то, что мы не способны развиваться, ты понимаешь? Хорошо понимаешь? Думаешь, наше общество прекрасно и устойчиво? Да с чего ты взял? Ему и десяти лет нет, мы без сотрудничества с людьми никогда не жили! Думаешь, восставший за тебя всю грязную работу сделает? А ты очнёшься чистенький и разумный? Дурак! Ты очнёшься в тот самый миг, когда жрёшь живого человека! Возвышение мгновенно происходит! Ты этого никогда не забудешь, понял? Думаешь, ты с этим свыкнешься, забудешь?

Он вдруг схватил Руслана за плечи, встряхнул, будто маленького ребёнка.

— Может, это у нас проклятие, может, наказание, может, предохранитель... Только, возвысившись, ты полу-

чишь отвращение, омерзение, до судорог, до рвоты, к самой мысли о животной пище. К виду крови и сырого мяса. Знаешь, что среди квази хирургов нет? Понял теперь почему? А ты знаешь, что нам не снятся сны? Никакие сны. Никогда. Ни о чём... А ты знаешь, что у нас нет нормальных эмоций? Одна-единственная остаётся. Если ты будешь любить женщину, то перестанешь любить мать. Если ты сохранишь способность грустить, то ты не будешь смеяться. Кем ты мечтаешь стать, парень? Кем ты хочешь стать, когда будешь квази?

— К-космонавтом, — выдавил Руслан.

— Никто не гарантирует этого, — продолжал Михаил, по-прежнему встряхивая Руслана за плечи. — Пока ты человек, ты можешь поступать по своим желаниям, вопреки природе, вопреки инстинктам, вопреки предрасположенности. Если ты станешь квази — ты будешь только тем, кем ты будешь. Когда я был человеком, я хорошо рисовал. Я думал, что выйду на пенсию и буду рисовать картины, пока глаза видят и руки держат кисть. Сейчас у меня есть всё время мира. У меня зрение в два раза лучше человеческого, у меня руки не дрожат. Но я не нарисую даже яблоко на тарелке. Я — мент! Сыщик! Картины мог рисовать человек. Мне — не дано! Что-то решило за меня, что это не нужно, понимаешь? Эволюция? Какая, к хренам собачьим, эволюция! Космонавтом ты хочешь быть? А будешь садовником. Или программистом. Или рабочим, кирпичи класть идеальными рядами! Не тебе решать! Не тебе, а твоим нейронам! Нравится, мальчик?

Руслан молчал. Даже на «мальчика» не отреагировал. Твёрдо сжал губы, смотрел исподлобья. Непрошибаемый какой-то...

— И то, что ты так уверен, будто станешь квази... — Михаил отпустил Руслана, отряхнул руки, будто выпачкался. — Поверь, такие обычно и становятся кормом. Хотя бывает и хуже.

— Как зовут твою девчонку? — спросил я. Руслан стрельнул в меня глазами, но ничего не сказал. Тогда я взял со стола фоторамку. Одна из девушек на фотках мелькала так часто (хотя порой и в компании с другими), что не заметить этого было невозможно. — Представляешь? Возвысился, а она — нет. И её уже нет. Совсем и навсегда. Ты — за её счёт возвысился.

— Я не знал! — выдавил Руслан. И стало понятно, что его закаменевшее лицо — это не упрямство или бесчувственность, а попытка сдержать истерику. — Виктор Аристархович совсем иначе всё рассказывал...

— Томилин был старый человек с холодным умом, — сказал я. Старым, конечно, профессор не был, просто немолодым. Но с точки зрения семнадцатилетнего — сгодится и «старый». — Талантливый, но бесчувственный.

— Он стихи писал, про любовь...

— Это ничуть не мешает быть бесчувственной скотиной, — подтвердил я.

— Ну, он всё по-другому... — Руслан явно готов был сорваться. — Когда он говорил...

— Где вирус? — спросил я. — Ничего ужасного ещё не случилось. Где вирус, Руслан?

Руслан захлопал глазами. С ужасом спросил:

— Какой вирус?

Мы с Михаилом переглянулись.

— Ты ходил в кружок юных биохимиков, которым руководил Томилин? — спросил я.

Руслан закивал. Зачем-то уточнил:

— Я к поступлению готовился, в университет...

— Томилин рассказал тебе всю эту муть, про счастливое общество квази?

— Да, но он всем рассказывал, некоторые ребята спорили...

— Почему ты убежал? — спросил Михаил.

— Его же убили... — Руслан жалобно посмотрел на меня. — Полиция убила...

— Знаю, — сказал я. — Это был я.

Руслан словно стал ниже ростом. Обречённо спросил:

— Вы и меня убьёте?

— С какой стати?

— Но вы же его убили? За эти разговоры, за его гражданскую позицию... а я с ним согласен, — он замешкался, но всё же добавил: — был...

Я вздохнул.

— Если бы даже за такие разговоры убивали, то это делала бы не полиция, а какая-нибудь спецслужба. Суда пока не было, но я могу тебе сказать — профессора убил грабитель. Восставший профессор убил грабителя. Я был вынужден убить обоих восставших.

Михаил скептически посмотрел на меня, но промолчал.

— И себя не переоценивай. Думаешь, кому-то нужно убивать тебя? Да ты нужен пока только своей маме и своей девчонке. Может, ещё паре-тройке друзей. Тоже мне, боец с режимом...

— Что ты знаешь про вирус? — спросил Михаил.

— Вирус, превращающий людей в восставших? Профессор говорил, что его до сих пор не нашли. Что это может быть и не вирус, а прион. Или неизвестный патоген, потому что для прионов такая скорость развития нехарактерна...

Я вздохнул.

— Это мы знаем. Чем профессор занимался? Каким вирусом?

Руслан неловко улыбнулся.

— Ветрянкой. Мы как-то стали над этим смеяться, а он сказал: «Поднимите руки те, кто не болел ветрянкой». Ну, я поднял, ещё трое ребят. Он объяснил, что раз мы не переболели в детстве, то во взрослом возрасте можем очень тяжело заболеть. Поэтому лекарство от ветрянки — важная вещь.

— То есть он делал лекарство? — уточнил Михаил.

Руслан кивнул.

— Ваш кружок занимался в институте?

— Научная секция... Да, конечно.

Вот так.

Случай вывел нас на юношу, общавшегося с главным подозреваемым. Мы и раскатали губу — сейчас всё узнаем...

А узнавать-то было нечего. Кроме того, что Томилин был идейным сторонником квази... впрочем, это и так нам известно. Я поинтересовался:

— Сколько вас народа в кружке... то есть в секции?

— Одиннадцать человек, — с готовностью ответил

Руслан.

— Старшеклассники? Парни, девушки?

— Парни в основном.

— У Томилина были особо доверительные отношения с кем-либо?

Глаза у Руслана округлились, он нервно хихикнул:

— Вы чего... Томилин не такой! Он ни к кому не приставал!

— Господь с тобой, — сказал я. — Не о том речь! Друзья среди учеников у него были? Любимчики? В хорошем смысле слова, разумеется. Был кто-то, кого он выделял, кому мог бы доверить какую-то тайну?

Руслан честно задумался. Покачал головой:

— Да нет, он со всеми был одинаковый... Меня хвалил часто. Но он не то чтобы сильно откровенничал, только про квази любил поговорить...

Я развёл руками. Всё, пас. У меня вопросов больше не было.

— Понятно, — сказал Михаил. — Руслан, мы не можем взять тебя под стражу, чтобы ты ничего с собой не сделал. Переубеждать тебя, боюсь, тоже бесполезно. Насколько я понимаю психологию твоего возраста, чем больше мы тебя станем убеждать в твоей неправоте, тем сильнее ты станешь упрямиться.

Руслан молчал.

— Я тебе только одно скажу: не спеши. — Михаил кивнул мне. — Пойдём, Денис.

Спорить я не стал. Ничего полезного из Руслана не вытянуть, даже если он будет радостно сотрудничать со следствием.

— Пока, парень, — сказал я. — Будь здоров. Живи долго.

Уже открыв дверь, Михаил обернулся и добавил:

— Ты зря ищешь свет на той стороне. Там такая же тьма.

Адиля Айдановна стояла у дверей, держа в руках разорванный тапок, не перенёсший прыжок с четвёртого этажа. Кажется, до неё только сейчас дошло, каким образом Михаил догнал её сына.

— Если у вас есть возможность, — сказал Михаил, обуваясь, — отправьте Руслана в Питер. Пусть поживёт в нашем городе месяц-другой. Я могу дать ключи от своей квартиры и помочь устроиться в школу смешанного обучения.

— Зачем? — тихо спросила женщина.

— Чтобы не путал туризм с эмиграцией. Пусть посмотрит на нашу жизнь повнимательнее, это полезно.

Он протянул Адиле визитку.

— Всего доброго, — сказал я неловко. — Мы поговорили, ну как могли — постарались переубедить...

Женщина кивнула, вертя в руках остатки тапочка. Тихо сказала:

— Он хороший мальчик...

— Все мы хорошие, — сказал я. — Берегите его. Поверьте, ему тоже трудно.

Некоторое время мы сидели в машине. Потом Михаил включил зажигание, спросил:

— Куда поедет? Что будем делать?

— Такое ощущение, что мы были близко, — сказал я. — Ну вот как бы мимо прошли, не то дверь не открыли, не то за угол не заглянули...

— Может, вернёмся к парню? — спросил Михаил. Он явно серьёзно относился к моим догадкам. — Поговорим ещё? Он вроде как пошёл на контакт.

— Руслан ничего не знает, — сказал я. — То есть не так. Руслан, может быть, и знает, но не знает, что именно. Ему нужно задать правильный вопрос, чтобы он ответил. А мы не знаем этого вопроса.

— Проверим остальных юных биохимиков? — предложил Михаил.

— Ещё десять человек... — Я поморщился. — Работы дня на два.

— Тогда позвони Маркину, — небрежно сказал Михаил. — Он ведь наверняка тебя просил ему докладывать о всех новостях?

— Просил, — не стал я отпираться.

— Позвони, расскажи, — велел Михаил. — У него целая команда, им проще всех опросить.

Он вышел из машины, стал ходить вокруг, пиная и осматривая шины. Деликатный.

Я достал телефон, позвонил гэбэшнику и коротко рассказал про кружок, ох простите — секцию, юных биохимиков. Судя по энтузиазму Маркина, тот готов был хвататься за соломинку.

Но я ничего хорошего от его расследования не ждал. То ли мне засели в голову слова Найда, что это я должен поймать Викторию и спасти мир.

То ли я просто устал.

То ли этот умный, красивый, крепкий парень, мечтающий превратиться в ходячий труп, вывел меня из себя сильнее, чем я ожидал.

— О чём думаешь? — спросил Михаил, возвращаясь в машину.

— О сыне, — ответил я.

Михаил кивнул, и машина тронулась.

— Куда? — спросил я.

Он отвечать не стал.

Квази вообще не очень любят отвечать на риторические вопросы. Видимо, считают это нерациональным.

Я люблю жаловаться на московские пробки, они и впрямь у нас случаются. Но если честно, то по сравнению с теми пробками, что были в Москве до катастрофы, они ни в какое сравнение не идут.

До школы на Большой Переяславской мы доехали меньше чем за четверть часа. Мы больше ни о чём не разговаривали с Михаилом — я смотрел в окно, он на дорогу.

Только перед тем как выбраться из машины, я негромко сказал:

— А ведь это я виноват. Если бы я не убил профессора, он бы восстал и его можно было допросить.

— Вначале ему пришлось бы скормить живого человека, чтобы он возвысился, — ответил Михаил.

— Поверь, Маркин бы нашёл кандидата, — сказал я.

У входа в школу, метрах в десяти от ограды, тусовалась молодёжь. Большей частью старшеклассники, но попадались и дети лет десяти-двенадцати на вид. Разумеется, они курили. Это было всегда — и во времена моего детства, и во время свирепых антитабачных законов, и после катастрофы. Обязательно найдутся среди подростков нарушители — не потому, что им хочется курить, а из принципа. Моя форма, видимо, их слегка смутила или напугала — большая часть деликатно спрятали сигареты за спину, только один курил открыто и с вызывающим видом.

Но я на сегодня свой долг по вразумлению чужих отпрысков выполнил и перевыполнил, потому прошёл мимо.

Молодой, сам недавно вышедший из школьного возраста охранник, сидящий за столом в вестибюле школы,

вопросительно уставился на меня. Моя форма как бы намекала на то, что я явился сюда для исполнения служебных обязанностей.

— Я по личному делу, — успокоил я. — У меня тут... сын.

— Кто?

Я замялся на миг:

— Найд. Найд Бедренец.

Охранник постучал пальцами по старенькой клавиатуре со стёртыми буквами. Кивнул:

— Есть такой. Седьмой «А» класс. Вам срочно? Последний урок кончается через десять минут.

— Подожду, — сказал я. — Можно?

Охранник снова уставился в экран.

— Вы Денис Симонов?

— Да.

Парень пожал плечами:

— Конечно, вы же отец. Тут записано: «родственники — Михаил Бедренец, опекун. Денис Симонов, отец».

Он замялся, видимо, соображая, почему у мальчика фамилия опекуна, а не отца. Потом нахмурился, очевидно, вспомнил, что опекун — квази. Но ничего не спросил, сдержался.

— Да, бывают такие сложные семейные обстоятельства... — туманно сказал я, присаживаясь на обитый кожзаменителем диванчик. В нескольких местах диванчик был прорван, торчащий в прорехах поролон кто-то старательно закрасил коричневым фломастером под цвет обивки. — А давно это было записано? Кто отец, кто опекун?

— Три дня назад.

Вот же упрямый квазюк. Вписал меня родителем, даже когда доказательств ещё не было.

Я сидел на диванчике, размышляя о вероятности и невероятности совпадений. Как-то густо они пошли в последнее время. Мой сын Сашка, оказавшийся Найдом, а потом занимавшийся у Томилина Руслан. Закон парных

случаев? Предпочту пословицу «Бог троицу любит». Ещё бы какое-нибудь совпадение, чтобы найти и уничтожить вирус.

Зазвенел звонок — тем впечатавшимся в память звонком, который и нагонял тоску, и радовал в детстве. Через несколько минут начали появляться дети. Горохом ссыпались по лестницам, проносились через вестибюль мимо пустых раздевалок и выкатывались на улицу.

— Что-то не много у вас учеников, — сказал я. — Школа вроде большая...

— Младшие классы уже на каникулах, — пояснил охранник. — А старшим ещё рано, у них экзамены на носу, готовятся.

Ну да, конечно. Это в моём детстве в июне занятия уже заканчивались. Сейчас в школах попроще два месяца каникул, а кое-где и месяцем довольствуются. Ценность знаний возросла, вряд ли только детей это радует.

А потом появился Найд. Он шёл спокойно, без спешки, о чём-то оживлённо болтая с девочкой на голову его выше. На нём была Олина оранжевая ветровка — на уроках, что ли, в ней сидел? Ранец от ташил в руке, так что лямки волочились по полу. Увидев меня, не удивился, попрощался с девчонкой (та бросила любопытный взгляд), подошёл, стал надевать ранец.

— Привет, отец.

— Привет, сын, — ответил я. — Провожу тебя до дома.

— А где Михаил?

— Работает. Отпустил меня пораньше.

Он кивнул.

Мы вышли из школы, миновали отряд юных курильщиков, с энтузиазмом наносящих вред своему здоровью (на мой взгляд, компания минимум наполовину поменялась), и пошли по улице.

— Не получается её поймать? — спросил Найд.

— Дело не в ней, — сказал я. — Ты же понимаешь, почему мы её ищем?

— Вирус.

— Да. В первую очередь — вирус. Она уже натворила бед, но если выпустит этот вирус...

— А он точно у неё?

— В том-то и дело, — кивнул я. — Грамотно мыслишь. Скорее всего не у неё. Скорее всего где-то спрятан, и она никак не может его забрать. Или ещё не готов. Но мы в тупике. Её ищут сотни людей. Может, даже тысячи. И квази тоже ищут. Она скрывается, но не убегает из города. Значит, ждёт момента, когда вирус созреет.

— Вы ей предложите амнистию, — сказал Найд. — Что всё ей простят, если она отдаст вирус.

— Если бы хотела — уже выторговала бы амнистию, — признался я. — Всё, что угодно, выторговала бы.

— Значит, у вас нет того, что ей нужно, — рассудительно сказал Найд. — Тогда нужно не предлагать то, чего у вас всё равно нет, а пригрозить отнять у неё то, что ей дорого.

Я даже вздрогнул, так по-взрослому цинично это прозвучало.

— Ну ты даёшь, сын... Сурово.

— Она хочет убить миллиард человек, — спокойно ответил Найд.

— Знать бы, что ей дорого.

Найд пожал плечами. Мол, «моё дело предложить».

— Тебе нравится в этой школе? — спросил я.

— Ничего так. Непривычно только, все старше меня. Я в Питере в пятом классе учился, у нас другая программа.

— Потому что квази умнее?

— Дети-квази если учатся, то всерьёз, — пояснил Найд. — А если не учатся, то им без толку вообще в школу ходить. Это всё иначе, отец. Трудно сравнивать.

— Но тебе нравится? — спросил я с надеждой. Руслан, с жаром рассказывающий о прекрасном Питере, о чудесном городе мёртвых, стоял у меня перед глазами.

Найд уклончиво пожал плечами.

— Сегодня разговаривал с одним молодым человеком, — осторожно начал я. — Семнадцать лет, а мечтает поскорее стать квази. Сложный такой случай...

— Я тоже мечтал, — сказал Найд.

— Да?

Найд искоса посмотрел на меня.

— Я же сказал — «мечтал». Не беспокойся, Денис. Я не спешу.

Меня чуть отпустило, и я улыбнулся сыну. Мы уже подходили к их дому, и я растерянно подумал, а что делать дальше?

Попрощаться, сказать «делай уроки» и поехать домой? Или сказать «иди гуляй» и поехать на работу? Или напроситься в гости и попробовать изобразить заботливого папу? «Давай проверю математику...» Тьфу, только не математику! Историю давай проверю.

— Зайдёшь? — спросил Найд. — Уроки я сам делаю, но мы можем во что-нибудь поиграть.

— В шахматы? — предположил я.

Найд поморщился.

— Я плохо играю в шахматы. Можно в сетке во что-нибудь. Или своди меня в кино. Отцу положено водить ребёнка в кино!

Вот это предложение меня порадовало.

— Давай! Новые «Пираты Карибского моря» как раз начались...

И в этот момент у меня зазвонил телефон.

— Я так и знал! — сказал Найд с грустью, словно ослик Иа-Иа.

Я посмотрел на экран.

«Мертвяк».

— Хочешь, сброшу? — предложил я. — Скажу, что сел телефон.

— Это ведь Михаил?

Я вздохнул и поднёс трубку к уху.

— Да.

— Ты где, Денис?

— У твоего дома. Прямо у подъезда.

— Я сейчас подъеду, — пообещал Михаил. — Сложилась такая ситуация...

Я поглядел на Найда и скорчил грустную физиономию. Найд развёл руками.

— Если ты очень занят... — Михаил помолчал. — Нет, ты нужен. Найду скажи, что в морозилке есть упаковка котлет, пусть пожарит и съест не меньше двух. Живому растущему организму нужен белок. И пусть не сидит в Сети больше часа.

— Уи, мон женераль. Яволь, май фюрер. Слушаюсь и повинуюсь, о господин. — Я спрятал телефон.

— Всё понятно, — сказал Найд с лёгким огорчением. — Но ты же сводишь меня в кино?

— Конечно, — кивнул я. — А тебя Михаил просил...

— Пожарить себе котлеты и не сидеть долго в Сети. — Найд улыбнулся. — Я его хорошо знаю. Он ведь ничего так, правда?

Я кивнул. Найд протянул мне руку, я попытался пожать её — Найд рассмеялся, хлопнул меня ладошкой по ладони и побежал к подъезду. Я смотрел вслед.

Странно, мне было куда проще с ним общаться, когда я не знал, что он мой сын.

Жизнь очень нелогична!

Но порой, только утратив всякую логику, жизнь обретает смысл.

Глава десятая

СТАРИЧЬЁ И ЗАЛОЖНИКИ

Сев в машину, я первым делом спросил: — Дай догадаюсь! Проблема с ребёнком на Юго-Западе?

Михаил нахмурился, глядя на меня.

— Мы что-то последнее время часто там бываем, — пояснил я. — И постоянно разбираемся с влюблёнными девочками и умными мальчиками. Подумываю сменить работу — пойти в инспекцию по делам несовершеннолетних.

— А, шутка, — понимающе кивнул Михаил. И резко дал по газам.

— Не хочешь спросить, как дела у Найда? — спросил я, пристёгиваясь.

— Зачем? Ты бы сообщил, будь какие-то проблемы.

Я понял, что переиграть квази в показном равнодушии не получится. У него всё по-настоящему.

— Ладно, сдаюсь. Что случилось, куда едем?

— Бунт в пансионате для престарелых.

— В каком пансионате?

— Для престарелых. На Рязанском проспекте. Точнее, там два пансионата, мужской и женский, объединённые. «Старушки-веселушки» и «Старики-разбойники».

— Ты ведь шутишь? — спросил я с надеждой.

— Я не умею. При жизни-то чувством юмора не отличался.

— Того, кто придумал название пансионатам, надо пинками гнать от Москвы до Владивостока, — кровожадно сказал я. — Что за бунт? Чего хотят?

— Эвтаназии. И превращения в квази.

— Точно не умеешь шутить? — спросил я. А сам лихо-радочно думал.

В России никогда не были распространены пансионаты для престарелых. В нашей традиции — в старости жить с выросшими детьми, помогать растить внуков, а то и правнуков. Или отдельно, но всё равно в готовности в любой момент приехать к взрослым детям, напечь пирогов, понянчить внуков, что-нибудь починить, в саду повозиться...

Потом, конечно, принято помереть, желательно быстро, чтобы никого сильно не напрягать. Даже деньги на похороны заранее скопить, из самой нищенской пенсии, чтобы проблем у родных не было. Некоторые ухитрялись даже спиртное на поминки по себе заранее приготовить.

Единственное, что никогда не было принято, — это места на кладбищах выбирать или гроб заказывать. Это всё европейская традиция — кладбище себе выбрать, памятник купить по скидке, оставив место для одной даты свободным. А в России это — плохая примета и не принято.

Были, конечно, пансионаты и дома престарелых, были. Некоторые ужасные, некоторые приличные. Однако попадали туда в основном одинокие, тяжелобольные, алкоголики, бомжи. На людей, которые отца или мать отправили в дом престарелых, смотрели как на конченных подлецов.

Но после катастрофы всё изменилось.

Одно дело — жить со старыми родителями, которые могут в любой момент умереть от старческих хворей. Совсем другое — жить со старыми родителями, которые могут среди ночи тебя загрызть.

Да и у соседей отношение к одиноким старикам-старушкам резко поменялось. Старичок, который сварливо ругается, если ты куришь на балконе и дым несёт в его окно — это неприятно. Старичок, который может наброситься на тебя в подъезде и начать жевать, — совсем другое.

Стали выпускать и внедрять браслеты с датчиками пульса и сим-картой, посылающие сигнал в полицию. Но браслеты сбоили, особенно у старых людей, которым они и были нужнее всего. Старики забывали их заряжать. Или, сняв на зарядку, забывали надеть обратно. Или подсовывали под браслет тряпочку, чтобы «руку не натирал», прикрывая датчик. Кто-то отказывался по религиозным соображениям — да-да, нашлись толкователи, заявившие, что в мире идёт апокалипсис, а браслеты — те самые «метки зверя», которые носить ни в коем случае нельзя. Техника тоже оказалась небезупречной. Массово шли ложные срабатывания, а в случаях по-настоящему важных — сигнал в полицию не приходил или приходил слишком поздно.

Я не сомневался, что рано или поздно ситуацию с браслетами дожмут. Причём не только для стариков, для всех. Отработают надёжную технологию. Воспитают сознательное поколение. Быть без браслета — будет более постыдно, чем прийти в театр без штанов.

Впрочем, если в двадцатом веке нудисты упорно отстаивали своё право ходить голыми, так и в двадцать первом были и будут те, кто откажется носить браслет-сигнализатор.

Но пока ситуация отличалась полным сумбуром.

Ношение браслетов рекомендовалось всем, настойчиво рекомендовалось женщинам после пятидесяти, мужчинам после сорока пяти и людям опасных профессий. С пятидесяти лет оно считалось обязательным (но по факту большинство снимало браслет, едва войдя домой).

Стариков, живущих в семьях, по большей части запирали в их комнатах на ночь. (Это даже обыгрывалось в комедиях и телешоу — вроде закрытой бабульки, которой

ночью приспичило в туалет, она начинает ломиться в дверь, а перепуганные родные вызывают полицию.)

За стариками, живущими отдельно, стали внимательнее следить соседи. В чём-то это даже было к лучшему, в процессе проверки и в магазин могли сходить, и поговорить.

Ну и пансионаты для престарелых.

Может, мы и не догнали по их числу Америку, где доживать свой век в доме престарелых — давняя практика. Но пансионатов стало ощутимо больше. И качество жизни в них улучшилось. Все теперь понимали, что это вполне реальная перспектива для каждого, да и контингент стариков стал не прежний — одинокий и заброшенный, — их навещали бодрые молодые дети и внуки, всегда готовые устроить скандал или обратиться в надзорные органы.

Но я бы всё-таки понял, взбунтуются старики в пансионате из-за плохого ухода, невкусного питания или грубости персонала. А вот бунт с требованием эвтаназии...

— Чем угрожают-то? — спросил я.

— Массовым самоубийством, конечно, — ответил Михаил. — Чем они ещё могут угрожать.

— Я боюсь показаться жестоким, — сказал я, — но та ли эта вещь, которой они могут угрожать? В конце концов, окружить этих «Хохотушек-разбойников» кордоном и подождать. Родственников попросить прийти, поговорить с ними. Каждый человек сам решает, что делать со своей жизнью. Не полицейский вопрос!

— Они персонал удерживают у себя, — пояснил Михаил. — Стариков там сотни две. И человеческого персонала — под полсотни. Врачи, медсестры, санитарки, нянечки. В основном женщины. Два охранника.

— Вредное какое старичье, — согласился я. — Но зачем там нужны мы?

— Почерк не кажется знакомым? — спросил Михаил.

— Есть немного... — Я подумал. — Но с приютом-то было понятнее, приют был нужен как место, где есть лабо-

ратория. Да и боевая сила из такого количества восставших, если бы Виктория решилась на активные действия. А тут что? Даже если все престарелые разом совершат самоубийство — до полноценных, активных восставших им ещё расти и расти. Если полиция или вояки поторопятся, то и заложники не пострадают.

— Это меня и смущает, — сказал Михаил. — Странность этого действия и отсутствие в нём хоть какого-либо смысла для Виктории.

Я вздохнул.

Представил себе Джонни Деппа в образе Джека Воробья (серый цвет кожи ему, кстати, даже шёл, а актёрское дарование после превращения в квази только усилилось).

Помимо того что каждому отцу надо хотя бы раз в жизни сходить с сыном в кино, я и сам любил этот бесконечный киносериял.

— Хочешь моё мнение? — спросил я. — Старики валяют дурака сами по себе. Виктория тут ни при чём. Мы едем туда зря.

— Возможно, — согласился Михаил. — Вот только я узнал по своим каналам, что Маркин сорвался в дом престарелых со всей своей бригадой.

Некоторое время мы оба молчали.

— Остановить? — спросил Михаил. — Пока недалеко уехали? Вернётся к сыну.

— Нет, не стоит, — признал я. — Если Маркин туда едет, то и нам стоит.

Показалось мне или нет, что Михаил приревновал меня к Найдю? Кажется, не показалось. Всё же старый мертвяк не был настолько бесчувственным, каким старался казаться...

Михаил включил радио, повёл по сенсорному экрану пальцем, выбирая волну.

— Сам ведь этого хотел, — пробормотал я задумчиво.

— Что? — Рука Михаила застыла.

— Сам хотел радио включить! — сказал я.

Михаил помолчал, потом кивнул, не отрывая взгляда от дороги.

По радио играла какая-то старая песня.

Целым был и был разбитым,
 Был живым и был убитым,
 Чистой был водой, был ядом,
 Был зелёным виноградом...

— Михаил, — спросил я неожиданно для самого себя. — Умирать — страшно?

Квази посмотрел на меня. В мёртвых глазах вдруг что-то блеснуло. Что-то почти живое.

— Очень, — мягко сказал он.

— Я так и думал, — вздохнул я.

Пансионат размещался не в лучшем месте. Можно, конечно, поспорить, где в Москве жить хорошо, но Рязанский проспект вряд ли многие отнесут к привлекательным местам. Ко всему ещё и располагался пансионат в двух старых зданиях, отделённых от проспекта чахлым сквериком. И шумно, наверное. И воздух не лучший.

Здания когда-то были либо жилыми домами, либо больничными корпусами. Переоборудовав в пансионат, их соединили стеклянным переходом, к которому пристроили маленький одноэтажный вестибюль.

Сейчас пансионат был оцеплен цепочкой солдат и безопасников в штатском. За оцеплением, как положено, толпился жадный до впечатлений народ. Машины на шоссе тоже притормаживали, водители разглядывали вывешенные в окнах плакаты, некоторые доставали мобильники и фотографировали.

Плакатов было много. Заранее, похоже, рисовали. Часть была на бумаге, часть на картонках, а часть — на белых простынях.

Тексты тоже отличались разнообразием.

«Не хотим умирать в муках!»

«Освободите нас!»

«Мы своё отстрадали!»

«Все будем квази!»

«ЭФТАНАЗИЮ!»

Слово «эвтаназия» было написано с ошибкой, но это никого не смущало.

Размахивая удостоверениями, мы прошли через оцепление, при этом я испытал явное дежавю.

Видимо, как и капитан Маркин — тот вначале картинно протёр глаза, красные от недосыпания, потом спросил:

— А где ваша подруга, Симонов?

— На работе, Маркин, — ответил я, стараясь не фиксироваться на «подруге». Ну знает Маркин о нашем романе. Что с того? Ему по службе положено. — Вы же просили помогать, если что, так вот — прибыл.

Маркин усмехнулся:

— Знать бы, кто у квази информатор... Не подскажите, Михаил?

— Не понимаю, о чём вы говорите, — пожимая ему руку, сказал квази. — Что случилось?

— Старики-разбойники, — мрачно сказал Маркин. — И старушки-веселушки.

— Почему вы думаете, что Виктория в этом замешана?

Маркин мгновение поколебался. Оглянулся, убеждаясь, что рядом никого нет.

— Она мне позвонила. На личный мобильный номер, который никто не знает, кроме жены и детей.

— Это который на две семёрки заканчивается? — спросил Михаил.

— Нет, который на ноль три.

— Не знаю, — признался Михаил. — Позвонила — и что?

— Сказала, что приготовила для нас сюрприз. Что если её не прекратят преследовать, то по Москве таких сюрпризов будут десятки и сотни.

— Могла узнать про бунт и использовать в своих интересах, — предположил я.

— Да, могла бы, — кисло сказал Маркин. — Вот только позвонила она за час до бунта. Тут вроде как всё спокойно было. Я позвонил... и даже послал человека проверить. Тот пришёл, отзвонился мне, что всё в порядке. Вышел из пансионата. И тут началось. Всё явно было заранее обговорено, старики рассредоточили персонал — пошли вызовы в разные палаты, сестры и санитарки разбегались...

— И старичьё их повязало? — поразился я.

— У них было некоторое количество оружия, — признался Маркин. — В основном пистолеты. Не знаю, может быть, муляжи, или травматика... к счастью, до стрельбы дело не дошло. Персонал связали скотчем и заперли в зале физиотерапии, он в подвале. Из окон повыбрасывали лозунги, принялись звонить журналистам...

В последнем слове было столько неприязни, что будь я журналистом — испугался бы.

— Информация уже прошла?

— На телевидении, слава Богу, всё затормозили. Хотя ругань стоит страшная, директора телеканалов звонят в Кремль, я не знаю, сколько ещё нас смогут прикрывать. А в Сети — да, там уже всё бурлит. «Доведённые до отчаяния нечеловеческими условиями проживания пенсионеры требуют их умертвить...»

— Может, и впрямь так всё плохо было? — спросил я.

Маркин пожал плечами. С какой-то странной неловкостью и вызовом сказал:

— Да не плохо здесь! Обычный пансионат. Не элитный, конечно. Не все мы миллионеры. Но проблем никогда здесь не было. Это же не тюрьма, люди гуляют, навещают родных, к ним дети и внуки приходят... да какое отчаяние, какие ещё нечеловеческие условия! Хороший пансионат. Хороший персонал. Нет, просто кто-то грамотно завёл пенсионеров.

Михаил нахмурился. Я не удержался и спросил то, что уже некоторое время меня волновало:

— Скажи, Михаил, а возможно ли, чтобы квази управляли людьми?

— Чушь, — отрезал Михаил.

— Ты уверен? Если Виктория такая сильная в управлении восставшими...

— Нет, нет, нет, — с напором повторил Михаил. — Не надо придумывать нам сверхспособности, которых нет. Мы и с имеющимися-то проблем нахлебались... Маркин, сама Виктория — там?

— Да кто же знает!

Из одного из окон высунулся седовласый, но крепкий старикан. Зорко оглядел окрестности. Помахал рукой людям за оцеплением, что-то неразборчиво крикнул и принялся вывешивать новый лозунг: «#free_quazi».

Толпа поддержала старика разноголосым гулом. Никто ничего толком не понимал, но всем было интересно.

— Они ведут трансляцию в твиттере, инстаграмме, фэйсбуке... — печально сказал Маркин. — Даже в каких-то экзотических социалках времён своей молодости. Лайв-джорнал какой-то...

— Требования? — уточнил Михаил.

Маркин явно смирился с тем, что приходится делиться информацией. Может быть, ему просто хотелось выговориться.

— Полная чушь. Требуют принять закон об эвтаназии.

— Допустим, — кивнул Михаил. — А что... сами-то?

— Говорят, что сами боятся или не могут по религиозным соображениям.

Несмотря на всё безумие и трагизм происходящего, я едва не поперхнулся от смеха.

— По религиозным? Значит, стать живым покойником им вера не мешает, заложников брать — тоже, а вот самоубийство совершить...

Маркин мрачно посмотрел на меня, я задавил смешок.

— Подождать естественного хода вещей они не могут? — спросил Михаил задумчиво. — Им же недолго.

— Говорят, что умершие естественной смертью становятся квази гораздо позже и квази из них тоже некачественные.

— Что за чушь! — возмутился Михаил.

— А ты обидься, — не удержался я.

— Ладно, эвтаназия, — сказал Михаил. — Всё?

— Нет, не всё. Говорят, что власти скрывают способ, как быстро и легко стать из восставшего — квази. Поэтому требуют их эвтаназировать, а потом быстренько возвысить.

Маркин и Бедренец уставились друг на друга.

— Что за способ — не уточняют? — спросил Михаил.

— К счастью, нет. Говорят, что власти скрывают.

Я снова посмотрел на пансионат. Да, там и впрямь было несколько плакатов с этой чудесной мыслью, которую граждане повторяют во все времена, во всех странах и на все лады: «ВЛАСТИ СКРЫВАЮТ!»

— Бессмысленная акция, — сказал Михаил.

— У Виктории все поначалу так выглядят, — напомнил Маркин.

— Что в случае отказа? — спросил я.

Маркин пожал плечами:

— Туманно... но в целом сводится к тому, что запрутца вместе с заложниками и умертвят себя. А часть старичков грозятся с оружием в руках прикрывать эту акцию. Сколько потребуется.

— Недолго потребуется, — признал Михаил. — Что ж, только штурм.

— И по всему миру разнесётся история, как жестокие русские спецслужбы атаковали беспомощных стариков? — воскликнул Маркин. — С меня голову снимут за такое! Все мы сядем! Никому мало не покажется!

— Цель, — сказал я. — Не о том сейчас говорим. Цель её надо понять!

— Ты умный, попробуй, — согласился Михаил.

И даже Маркин посмотрел на меня с лёгкой надеждой.

Я закрыл глаза, будто это помогало мне думать.

А может, и впрямь помогало?

Пансионат со стариками.

Бессмысленная, судя по всему, акция.

Но смысл есть всегда. Обязательно есть смысл.

Сделать общедоступной информацию о том, как восставшие становятся квази?

Это можно сделать другим путём.

Да и не сильно улучшит образ квази такая информация.

Напротив.

Забота о пенсионерах?

Бред.

Тогда что?

Толпа пенсионеров, кем-то (самой ли Викторией?) взбудораженная, требует немыслимого.

Толпа сотрудников спецслужб ходит вокруг, не зная, что делать...

— Когда тебе позвонили? — спросил я. — Владислав?

Он прищурился.

— Виктория позвонила без десяти час.

— Через пять минут после того, как мы вышли от Руслана, — сказал я. — После моего звонка тебе, так?

— Почти сразу, — кивнул Маркин.

— Ты отправил людей выяснять, кто был в секции юных биохимиков?

Маркин на глазах начал бледнеть. Даже красные глаза побелели.

— Не успел, — отчеканил он. — Как раз говорил с помощником, когда на другой телефон поступил звонок.

— Понял, да? — не удержался я от резкой фразы.

— Роман! — выкрикнул Маркин.

Его помощник, тот самый, что возле приюта был с дробовиком, появился будто ниоткуда. Сейчас у него оружия никакого не наблюдалось.

— Кружок юных биохимиков при институте, где работал Томилин, — сказал Маркин. — Всех членов кружка. Задержать.

— Не кружок, — поправил я.

— Они же дети, — рассудительно сказал помощник. — Их задержать можно только с санкции прокурора...

— Взять под охрану! Как угодно сформулировать. Всех и немедленно! Весь кружок!

— Это не кружок, а научная секция, — заметил я.

Маркин свирепо посмотрел на меня, но, видимо, в благодарность за догадку поправился:

— Всю эту чёртову научную секцию! Всю! Всех, кто хоть раз за последний год туда приходил!

— Люди нужны, — заметил помощник.

— Бери сколько нужно, — сказал Маркин. — Всех бери, если надо! Пансионат — отвлекающий манёвр!

Выглядевший до этого неспешным тугодумом, помощник словно испарился.

Я понял, что через час все мальчишки и девчонки, имевшие несчастье заниматься с Томилиным, будут арестованы. Ну или взяты под надёжную охрану, как угодно.

А ещё я прекрасно понял, что мы уже опоздали. И кого-то из детишек не найдут. Интересно, кого? Входит ли в их число наш утренний собеседник? В чём зацепка?

Через мгновение я это понял.

— Маркин... — сказал я. — Пусть поднимают медицинские карты. Пусть в первую очередь берут тех, кто не болел ветрянкой.

Маркин смотрел на меня, и глаза у него были уже и не красные, и не белые, а какие-то безумные, чёрные — так расширились зрачки.

— Томилин не разменивался на лабораторных мышей, — сказал я. — Он сделал вирус и спрятал его в детях. Со дня на день они станут заразными.

— Контагиозными, — мягко поправил меня Михаил. — Вежливо говорить «контагиозными». Поехали, Денис. Одного мы знаем, будем охранять хотя бы его.

— Стоп, — сказал Маркин. — Остановитесь. Никуда вы не поедете, пока здесь сохраняется чрезвычайная си-

туация. Я отпустил своих людей, но эту проблему тоже надо решать. Думайте!

— К чёртовой бабушке... к чёртовой старушке-веселушке... — сказал я.

И, отстранив Маркина, пошёл к пансионату.

— Ты куда? Ты что творишь? — выкрикнул Маркин. Но с места не сдвинулся.

— Спасая твою задницу, — ответил я. Оглянулся — Михаил тоже пошёл за мной. — Не надо, Миша. Это дело живых. Ты для них — плохой пример.

Квази поколебался мгновение и остановился.

— Ты пойдёшь, Маркин? — спросил я.

— Я не могу, — твёрдо сказал он. — Иди, Симонов.

Я прошёл мимо солдат внутренних войск. На меня поглядывали, но Маркин что-то выкрикнул и мешать никто не стал. Из окон, особо не скрываясь, поглядывали на меня старики и старухи. Я дружелюбно помахал им рукой, приближаясь к вестибюлю.

Там меня ждали.

Даже открыли запертую стеклянную дверь.

Накопившиеся отгулы я решил потратить на отдых на природе.

Официально, впрочем, я находился дома. Онлайн-игра, запущенная в автоматическом режиме, гоняла по Вселенной космические корабли, разрабатывала рудники на астероидах и даже приносила мне какие-то маленькие деньги. Как ни странно, но я обнаружил, что во многих онлайн-играх лучшая стратегия — вообще ничего не делать. То ли человечество поглупело, то ли искусственный интеллект поумнел, но в автоматическом режиме моя звёздная империя процветала.

Меня это, впрочем, совершенно не интересовало. Лишь бы создавалась иллюзия того, что я дома, — в то время как я гуляю по подмосковному лесу.

После нескольких дождливых дней установилась тёплая солнечная погода. Ранняя осень в Москве — самое грибное

время. А грибов нынче было видимо-невидимо! Я натыкался на целые полянки белых, на подберёзовики и подосиновики в каких-то немыслимых, товарных количествах. Причём червивых среди них практически не было.

Восставшие, пусть их и не много осталось в Подмоскovie через два года после Катастрофы, одновременно отпугивали грибников и сжирали червивые грибы.

Заблудиться я не боялся. Навигационные спутники всё так же висели на своих орбитах, навигатор работал прекрасно.

А вот с восставшими всё никак не складывалось.

Наконец, к полудню, пообедав бутербродами с варёной колбасой и уже собравшись двигаться обратно к МКАДу, я наткнулся на полянку, по которой маршировали шестеро восставших. Они шли по высокой траве, то влево, то вправо. Иногда застывали на месте. Иногда присаживались.

Выглядело это так, будто кто-то дёргал марионеток за ниточки.

Разумеется, я понимал, что это значит.

Квазюк. Какой-то мерзкий квазюк измывался над восставшими! И пусть у меня не было никакой симпатии к этим тварям, но управляющий ими квазюк вызывал ещё большую ненависть.

Вот только я его никак не мог увидеть.

Пригнувшись, я сидел в кустах и наблюдал за двигающимися по поляне восставшими. Все они были стариками и старухами, в лохмотьях одежды, со следами давно заживших ран на теле. Конечно же — они почуяли меня, но воля квази держала их будто в тисках.

Где же он, этот квази...

Наконец я заметил, как шевелится высокая трава в стороне от восставших. Квази, наверное, лежал в траве, командуя своим воинством. Это было чертовски опасно, всё-таки полдюжины восставших, да ещё и управляемые разумной тварью...

Но оставить их так я не мог.

Вначале надо было прикончить квазюка.

Потом разобраться с восставшими.

Я взял мачете поудобнее и пошёл туда, где затаилась тварь. Пока он будет вставать, пока отдаст приказ...

Но квази не лежал.

Он стоял среди травы, глядя на свой отряд и водя ручонкой влево-вправо. Ему было года три-четыре. Маленький мальчик-квази, обнажённый, только на одной ножке сохранились остатки носка или колгот, кольцом обхватившие голень. Серовато-голубая кожа отблёскивала на солнце.

То ли он недавно возвысился. То ли просто блуждал неведь сколько по лесу, захватывая своей волей восставших. Что он помнил? Что он понимал о происходящем?

Мальчик повернулся и посмотрел на меня. Хорошенький большеглазый мальчик. Квази-мальчик.

— Дядя! — закричал мальчик, глядя на меня. На его лице появилась радостная улыбка. — Дядя!

Он потянулся ко мне, в полной уверенности, что я возьму его на руки, унесу его из этого странного места, от этих странных дедушек и бабушек, отведу домой, к маме.

Восставшие старики застыли, глядя на меня жадными голодными глазами.

Я повернулся и побежал.

— Дядя! — кричал мальчик вслед. — Дядя!

Я никогда в жизни не бегал так быстро. Ни до, ни после.

Остановившись в дверях, я разглядывал неожиданных террористов.

Два старика — не назвал бы их особо крепкими, всё-таки это были старики далеко за семьдесят, но высокие, с прямыми спинами. И старушка, невысокого роста, худенькая, с костлявым лицом, но с таким цепким взглядом, что я понял — она тут главная, и её надо опасаться больше всех. К тому же лицо старушки казалось смутно знакомым, хотя я был уверен, что мы не встречались.

— Мир вам, люди добрые! — приветствовал я. — Войти позволите?

— Входи, раз пришёл, — кивнул один из стариков, лысой, как бильярдный шар, головой. — Только без баловства.

— Годы у меня уже не те, отбаловался, — сказал я.

Видимо, это показалось очень смешной шуткой. Второй старик, сохранивший шевелюру, пусть и совершенно седую, засмеялся кашляющим смехом:

— Годы, кхе-кхе... Годы у него не те! Мне восемьдесят шесть, сынок. Вот у меня — не те годы!

— Вы великолепно выглядите, — сказал я, не кривя душой. Вошёл в вестибюль. — Я бы вам не дал больше семидесяти пяти — семидесяти восьми.

— А он шутник, — сказал первый старик.

Старушка молчала. Смотрела изучающе.

Ох, не нравилась она мне! Если уж женщина ввязывается в какую-нибудь противозаконную деятельность, так она ввязывается по полной. Мужики сплошь и рядом — по дури, и легко их переубедить. А уж если женщина встала на кривую дорожку, так её оттуда увести сложно. Причём это касается и девочек в школе, и старушек в доме престарелых.

Ещё старушка была одета в спортивный костюм. Словно готова была бегать и драться. Ерунда, конечно, ей тоже за семьдесят, но...

Но на поясе у неё висела кобура с пистолетом. И был это, похоже, никакой не травмат, а настоящий старый боевой «макаров».

— Ты только не глупи, парень, — сказала она. — Мы люди старые, у нас кости хрупкие, мышцы дряблые. — Она улыбнулась, продемонстрировав полный комплект пожелтевших, но явно своих зубов. — Поэтому если что — будем стрелять.

— Поговорить я пришёл, — сказал я с обидой. — Что ж вы, бабушка, так невежливо гостя принимаете? Вы бы

меня в баньке попарили, за стол усадили, а потом уже разговоры разговаривать будем.

— И впрямь шутник! — обрадовалась старушка. — К тому же хитрый. Меня ещё никто так деликатно бабой-ягой не обзывал. Садись, поговорим.

Я сел напротив старушки за стеклянный столик. Фойе выглядело вполне прилично — много цветов, пара огромных телеэкранов, беззвучно показывающих телеканал «Ностальгия» и «Россия-24». Старики вернулись к наблюдению за оцеплением.

— Меня зовут Денис, — сказал я. — Денис Симонов. Капитан полиции. Дознаватель смертных дел.

Старушка кивнула:

— Славная фамилия... «Приснилось мне, — сказал нам тамада, — что умер я, и всё-таки не умер...»

Она замолчала, выжидаясь глядя на меня.

— «Что я не жив, и всё-таки лежит передо мной последняя дорога...» — негромко сказал я.

— Ну надо же, — сказала старушка. Во взгляде её появилось уважение. — Как-то очень неожиданно.

— Фамилия славная, — объяснил я. — Обязывает.

Старушка усмехнулась.

— Ладно, не оправдывайся. Зови меня Валентина. Что-бы у тебя не было лишних искушений — я подполковник в отставке. Стрелять научилась куда раньше, чем ты родился. Так что за свой пистолет не хватайся.

— Подполковник чего? — спросил я.

— А вот это не важно, — сказала она, посерьёзнев. — Ну, что пришёл?

— Прекращайте этот цирк... с пенсами... — сказал я. — Отпустите заложников.

— Нет никаких заложников, — с наигранной обидой сказала Валентина. — Люди здесь работают.

— И могут уйти?

— Кто же уходит с любимой работы до конца смены?

— Валентина, чего вы хотите? — спросил я. — Официально выдвинутые требования я знаю. Но ведь они нереальны.

— Вы думаете? — спросила старушка с любопытством.

— Нельзя разрешить в стране эвтаназию по требованию террористов. Пусть даже это толпа пенсионеров. Никакая страна никогда не пойдёт на уступки террористам, это путь в никуда! И даже если разрешить, что дальше? Вы требуете возвышения. Но в мире миллиарды восставших, которые так и не возвысились за десять лет! Что за лозунг «Власти врут»?

— Думаете, не врут?

— Полагаете, есть волшебный способ мгновенно превратить восставшего в квази?

Валентина иронически улыбнулась.

— Так вы... — Я замолчал. — Понятно.

— И вы в курсе? — спросила старушка с любопытством. — Надо же. Когда я уходила в отставку, такую информацию капитанам полиции не доверяли.

— Сейчас тоже не доверяют, — сказал я. — Так сложилось. И что, вы все здесь это знаете?

— Полагаю, что только я, — сказала Валентина.

— И вы... готовы?

Валентина подалась ко мне через стол и заговорщицким шёпотом сказала:

— В моём завещании написано: «кремация».

— Тогда я ничего не понимаю, — признался я. — Вы же тут... главная?

— Мне пришлось перехватить инициативу, — сказала она. — Когда не понимаешь, зачем ведётся игра, стоит повести свою.

— Кто всё затеял? — так же заговорщицки спросил я.

— Директор пансионата. Евгения Курицына. Она с неделю как вела разговоры на эту тему.

— С неделю? — переспросил я. — Понятно. План «Б», как говорится... И что, гражданка Курицына всех убедила?

— Легко. Она такая, очень энергичная, напористая... Ей доверяют.

— Все?

Валентина опять улыбнулась:

— Поймите, капитан, у нас тут скучающий коллектив в ожидании неизбежного. С регулярными переселениями друзей и подруг в резервацию... или крематорий. Несложно убедить человека в том, что неизбежного и неприятного можно избежать.

— Ваша Курицына работает на экстремистов-квази, — сказал я. — Ваш дурацкий бунт — просто отвлекающий манёвр. Самое ужасное, что он удался.

— Плохо, но я догадывалась, — признала Валентина. — Единственное, чего мы можем добиться, — медийного шума.

— Вы-то чего хотели? Вы же разумный человек, я вижу!

— «Власти врут», — произнесла Валентина. — Мне не нравится происходящее, но я увидела шанс вывести проблему из тени. Заставить власть признать, что происходит и как возвышаются квази.

— На службе не наигрались?

— А хоть бы и так. — Она не стала спорить. — Я бы не стала ничего делать. Но раз сложились обстоятельства, то использовать их не грех.

— Вы играете на руку квази!

— Полагаете?

— И вообще провоцируете войну!

— Правда не может провоцировать. Правда приводит к справедливости. Даже если она грубая, неприятная и страшная. Вот вы — готовы отказаться от знания? Забыть, какова цена возвышения? А, капитан?

— Я бы очень многое хотел забыть, — пробормотал я.

— Врёте, — уверенно сказала Валентина. — Память делает нас теми, кто мы есть. Может быть, восставшие вовсе не лишены разума, может быть, они лишены только памяти. И это превращает их в животных... Забыть — пусть даже неприятное, пусть даже ужасное, это сделать шаг на-

зад. От человека — к зверю. Мне не кажется, что вы способны идти этой дорогой.

— Ну спасибо на добром слове, — сказал я.

— Квази ведут какую-то свою игру, — сказала Валентина рассудительно. — И наша чудесная директорша работает на них. Но иногда интересы сходятся даже у врагов. Сейчас будет много шума, много расследований, журналисты начнут рыть эту тему. Люди задумаются, а в чём же, на самом деле, тайна возвышения? Пусть правда выплывет наружу!

— И начнётся хаос.

— Порядок всегда рождается из хаоса.

— Но вы не добьётесь того, чего требуете! — в отчаянии сказал я.

— Конечно! — Валентина кивнула. — Я думаю, многие это понимают. Почти все, наверное. Но мы хотим обратить внимание на себя, на те проблемы, которые нас окружают. И поверьте, молодой человек, скоро эти проблемы коснутся и вас! Существование за гранью человеческой жизни — принять или отказаться. Мир с квази, поскольку они наше порождение и наше будущее? Или война, поскольку они извратили человеческую жизнь, какой мы её знаем? Человечество едва не погибло, но едва-едва уцелело — стало прятать проблемы, стало изображать, что живёт обычной жизнью. Так нельзя. Пора что-то менять. В этом мы с квази сходимся во мнениях.

Я вдруг почувствовал на себе напряжённые взгляды. Обернулся. Два старика стояли рядом, вслушиваясь в наш разговор.

Они явно разделяли мнение Валентины.

— Вы не понимаете, — сказал я безнадежно. — Да что ж с вами делать, а? Вы не понимаете, чего творите! Хорошо, согласен, люди должны знать правду. В отношениях с квази надо что-то менять. Всё верно, согласен! Но не так! Не этим глупым бунтом! Вы не себе подыгрываете, и не всем квази, уж если на то пошло. Вы помогаете экстремистам, которые хотят уничтожить весь род людской!

— Квази не могут хотеть подобного, — сказала Валентина. — Без нас они — ничто. Конец эволюции. Квази не размножаются.

— Они будут выращивать тех, кто будет размножаться, — пояснил я.

— А... — Валентина прищурилась. — Я уловила идею. Но не верю в её реальность.

— Вирусное оружие.

— Логично, — кивнула Валентина. — Но и мы его разрабатывали, с первого же момента появления квази. Это война на взаимное уничтожение, капитан. Никто на это не пойдёт.

— Я не знаю, пойдут или нет, — сказал я. — Не знаю, чего на самом деле хотят. Не знаю, на что рассчитывают. Но вот, что я точно знаю — сейчас, в эти минуты, когда все спецподразделения стянули сюда, одна безумная квази похищает подростка, который — ходячая биологическая бомба с догорающим запалом.

Лицо Валентины дрогнуло.

— Честное слово, — сказал я. — Не вру. У вас есть дети?

— Есть сын, — усмехнулась она. — Мы не в лучших отношениях, как вы понимаете по моему местопребыванию...

— Поймите, сейчас у какой-то матери забирают сына или дочь. И я не знаю, каким образом извлекают вирус. Может, прокрутив человека в мясорубке.

— Не нагнетайте, капитан, — сказала Валентина. — Вы перебарщиваете.

— Я не нагнетаю! — выкрикнул я. — Вы правды хотите? Вот она, правда! Для того чтобы раскрыть человечеству глаза, может погибнуть какой-то подросток. Или он погибнет потому, что вам всем тут просто скучно? Надоело смотреть сериалы и играть в преферанс? Старички-разбойнички, старушки-веселушки! Вы сами себя вычёркиваете из числа людей, но при этом и квази-то стать боитесь!

— Хватит истерить, капитан! — повысила голос Валентина. — Что вы себя ведёте... как старая баба...

Но в её голосе дрогнуло... ну не сомнение всё-таки. Неловкость. Как бывает, когда ты хоть и не согласен совершенно с чьими-то аргументами, но понимаешь, что их тебе высказывают совершенно искренне.

— Я сегодня хотел с ребёнком сходить в кино, — сказал я безнадежно. — Первый раз в жизни хотел сходить в кино с сыном-подростком.

— Надо же, — сказала Валентина. — А я-то полагала, что это я — плохая мать.

— Он потерялся, в дни катастрофы. Я его два дня назад нашёл. И не сложилось в кино сходить из-за вашего бунта...

— Фильм-то хороший? — спросил лысый старикан.

— Не знаю, не видел.

Старик кивнул. Потом сказал:

— Слушай, Валя. Может, и впрямь — будем заканчивать? Пошумели, погалдели. Вон сколько журналистов сбежалось.

— Да и в интернете все обсуждают, — добавил седой и помахал стареньким смартфоном. — Чего хотели, того добились. А людей удерживать силой нехорошо.

— Ну почему, поварих я бы неделю-другую подержал на воде и хлебе, — злорадно сказал лысый. — Им полезно.

Валентина размышляла. Я ждал.

— Что здесь происходит?

Я обернулся. В вестибюль из прохода в один из корпусов стремительно вошла женщина лет пятидесяти. Видимо, та самая Евгения Курицына. Полноватая, при этом ещё бодрая, энергичная. Рыжеволосая и голубоглазая, в молодости, наверное, была красивой. Хотя настоящий ли это цвет волос и глаз — я бы не поручился. Чувствовалась в лице Курицыной долгая работа многих пластических хирургов. Одета директорша рядового стариковского приюта

была в дорогое вечернее платье, совершенно тут неуместное, на локте у неё висела маленькая глянцевая дамская сумочка. Красивая, тоже дорогая, но совершенно не подходящая к платью — чувствовались катастрофические проблемы со вкусом. Рядом с ней шёл мужчина в форме охранника, с пистолетом в руке. Пистолет был опущен, но что-то мне подсказывало, что мужчина умеет быстро его поднимать.

Понятно.

Не весь персонал заперли.

Часть на самом-то деле выполняла приказ Виктории. Уж не знаю, что им было обещано — быстрое возвышение, квартира на Васильевском острове в Питере, медаль «За заслуги перед квази». Но именно они и были основным движущим механизмом бунта. А старичье... так, пушечное мясо.

Ну как в любой революции.

— Надо заканчивать, Женя, — сказала Валентина. — Хватит, наигрались. Всю страну на уши поставили.

Евгения Курицына впиалась в меня ненавидящим взглядом.

— Кто это? Что эта милицейская тварь здесь делает? Почему вы его впустили? Отрежьте ему уши и выбросьте наружу!

Я даже как-то остолбенел от этого взрыва эмоций и столь неожиданной кровожадности. И торопливо поднял руку:

— Простите! А что именно надо выбросить наружу? Отрезанные уши или меня?

— Юморист, — презрительно сказала Курицына. — Вертухай с потугами на интеллект... Валя, Игорь, Влад — я вами разочарована!

К моему удивлению, старики явно смутились, да и на фамильярность никак не отреагировали. Как же эта вульгарная истеричная директорша ухитрилась заведовать пансионатом, да ещё и получить такое влияние? Загадка.

Может быть, впрочем, она умела быть разной. А сейчас у неё такая вот агрессивная форма истерики?

— Евгения, давайте поговорим как разумные люди, — сказал я. — Я догадываюсь, что вам наобещала Виктория. Но всё не так, поверьте.

Курицына прищурилась. Потом сказала:

— Оставьте нас. Это приватный разговор.

Валентина безропотно встала и отошла в сторону. Старики последовали за ней. Евгения опустилась напротив, посмотрела на меня с удивительным высокомерием. Спросила:

— Что тебе велели передать?

Я взглядом указал на охранника.

— Со мной, — небрежно бросила Курицына. — Говори.

— Мне никто ничего не велел, — сказал я. — Сам пытаюсь разрядить ситуацию, по мере сил. Виктория, очевидно, обещала вам быстрое возвышение, какой-то пост в правительстве квази?

— Допустим, — водя пальцем по столу, сказала Евгения.

— Вы же не знаете, какова цена возвышения...

Евгения громко рассмеялась.

— Я? Я — не знаю? Ты дурак, вертуйся.

— Вы знаете, что должно произойти — и это вас не смущает? — спросил я.

Курицына фыркнула.

— Почему это должно меня смущать? Есть люди, интеллектуальные, прекрасные душой и телом, достойные возвышения. Перехода на новую ступень эволюции. А есть биоматериал в человеческом образе. Какая разница, пойдёт он на инъекции стволовых клеток ещё до рождения, на органы для трансплантаций в своей бессмысленной молодости, или, как теперь будет происходить, на возвышение элиты? Это самое правильное применение их никчёмных жизней.

— Так вы идейная... — в полной растерянности сказал я.

— Да!

— Идейная людоедка, — повторил я. — Социал-дарвинистка. Ну ничего себе. Вы хоть понимаете, что вас всех всё равно сейчас арестуют? Так или иначе. По-хорошему или по-плохому. С кровью или без. И то, что вы работали на экстремистов-квази, будет известно.

Курицына расхохоталась.

— Какое это имеет значение? Вы потрясающе глупы, молодой человек. Неужели так цепляетесь за уходящий миропорядок, за прогнивший человеческий режим? Да пусть меня арестуют, пусть застрелят и я восстану — какая разница? Я знаю, что лишь выгадываю время. Ещё пара дней, и все взрослые на Земле умрут. А меня возвысят.

Её охранник засопел.

— И тех, кто мне помогает, тоже, — неохотно обронила директорша. — Квази обещали. Квази не лгут.

В её взгляде была искренняя убеждённости. И почти не было безумия. Разве что самую капельку.

— Вас не смущает даже то, что вас возвысят... за счёт детской жизни?

— Оставьте этот пафос, молодой человек! — Курицына повысила голос. — Какая разница!

— Вы какое-то ректифицированное и концентрированное зло, — сказал я растерянно. — Вы вообще не человек.

Я посмотрел на охранника. Крепкий молодой мужик. Самый обычный человек, коротко стриженный и гладко выбритый.

— Вы же слышали, что она сейчас произнесла, — сказал я. — Ваш наниматель сошла с ума. Вы понимаете, чего она хочет? Вы же не отмоетесь никогда, даже после смерти.

До этого мне казалось, что охранник вообще немой. Он не раскрывал рта, никак не реагировал на разговор.

Но тут он внезапно заговорил:

— Мир изменился, полицей. Надо приспосабливаться.

— Выбрось его наружу, — велела Курицына. — Прострели живот, ноги и выбрось, чтобы лежал у порога и орал.

— Могут начать стрелять, — озабоченно сказал охранник.

— Вытолкни, когда побежит — всади пару пуль в спину и скройся, — сказала женщина с таким торжеством, будто придумала что-то гениальное. — Не успеют. А успеют — какая разница? Возвысишься. Я тебе гарантирую.

— Вставай, — велел охранник, шагнув ко мне. Взял за плечо, будто клещами. Вытащил из кобуры мой пистолет, проверил предохранитель, засунул себе за пояс. — И не дёргайся, хуже будет.

— Не могу придумать, что может быть хуже... — сказал я, покорно вставая.

Охранник повёл меня к двери, подтолкнув в спину стволом пистолета и довольно умело держась так, что я его заслонял от улицы. Негромко сказал:

— Не трепыхайся — тогда выстрелю только в ноги. Сам понимаешь, лучше, чем если в крестец пулю словишь.

— Всё равно умирать, — сказал я, чуть замедляя шаг. Так, чтобы пистолет упёрся мне в спину.

Конечно, ощущение это не из приятных.

Зато начинаешь понимать, где именно пистолет находится. Если человек действительно профессионал, он такой ерунды, как упереть ствол в спину противника, ни за что не допустит.

Но мой конвоир, к счастью, всё-таки профессионалом не был, а только казался.

— Э, ты не скажи, — оживился охранник, будто я затронул очень интересную для него тему. — Большая разница, как проводить последние дни...

Нет ничего глупее, чем заводить разговор с тем, кого собираешься убить или изувечить. И дело тут не в некоем «человеческом контакте», о котором любят рассуждать романисты. Мол, ощутишь симпатию, трудно будет убивать...

Те, кто готов убивать, колебаться уже не станут.

Но разговор отвлекает.

Любой разговор.

Особенно спор.

Я резко развернулся влево, уходя от ствола, левой рукой перехватил запястье охранника, отводя его в сторону, правой — ударил его в кадык.

Надо отдать ему должное, он не выстрелил впустую, и удар в горло тоже выдержал, лишь издал хрипящий звук. Несколько секунд мы боролись, я уводил его правую руку вверх, он колотил меня левой рукой — довольно бестолково, мы были в клинче, и я вертелся, подставляя ему бок.

Вся проблема была в том, что охранник оказался куда сильнее меня при вполне схожих габаритах. Старики стояли остолбенев, видимо, никто из них всерьёз не ожидал стать участником или свидетелем схватки. Курицына истошно визжала, до меня доносились призывы выколоть мне глаза, отрезать руки, ноги и гениталии, а также брань в адрес охранника и угрозы оставить его без возвышения.

Честно говоря, это раздражало сильнее, чем появившаяся в глазах охранника жажда убийства.

Поэтому я быстро освободил одну руку и, пока охранник, перебарывая меня, опускал пистолет, выхватил своё мачете.

Холодное оружие — настолько общий атрибут всех оперативников, особенно имеющих дело с восставшими, что на него и внимания никто не обращает.

Мачете, большой нож, тесак... Я знал одного парня, который ходил с прадедушкиной кавалерийской саблей. Только она была сломана и перезаточена, превратившись в какой-то странный, чуть восточного вида клинок...

Мачете — для восставших. Против людей его не принимают.

Видимо, это сидит в подкорке у всех, даже у бандитов и террористов.

Поэтому когда я коротко размахнулся и отрубил охраннику руку в локте — это произвело впечатление на всех.

Он начал выть, приплясывая на месте и тряся обрубок, из которого била кровь. Я стоял с мачете в правой руке, а левой сжимал отрубленную руку за запястье. Пальцы охранника по-прежнему крепко сжимали пистолет, героически выполняя последний донёсшийся от мозга приказ.

Курицына стала визжать ещё сильнее, хотя мне казалось, что это уже невозможно.

— Ты прав, есть разница, как проводить последние дни, — сказал я охраннику, чувствуя себя персонажем фильма восьмидесятых годов прошлого века.

И с силой пнул охранника в живот.

Тот с грохотом повалился, стал кататься по полу, сжимая обрубок уцелевшей рукой и крича:

— Жгут! Жгут, сволочи! Будьте людьми, жгут!

— Никто ничего не жжёт, — сказал я, глядя на Курицыну. — Просто отрубили по локоть.

...Да, кстати, чуть не забыл.

Того парня, что ходил на задания со сломанной перекрестной саблей, в участке прозвали Арагорном...

Курицына прекратила визжать и встала. С ненавистью посмотрела на меня. Вытянула руку, тыча в меня пальцем.

— Вы! Вы, подонки, вертухаи, мужланы, нищелюбы, коммуны!

На «вы» она явно перешла не из-за уважения, просто теперь я для неё стал символизировать что-то большее. Не один полицейский, а весь мир в моём лице. Только при чём тут давно почивший коммунизм — я совершенно не мог понять. Видимо, у дамы давно наболело и даже подгорело.

— Думаете, остановите прогресс? Остановите свободу? — выкрикивала Курицына, будто была на митинге. — Заставите лучших людей терпеть засилье серости и быдла?

Вы проиграли, вы уже проиграли, вы все сдохнете, а я буду молодая и красивая, и вечно, вечно, вечно буду жить! А вы все сгниёте, и это убогое старичье сгниёт, и ты, козёл, сгниёшь!

Это было бы даже смешно, если бы при этих словах Курицына не опустила руку в сумочку и не вытащила оттуда пистолет. Какой-то совершенно незнакомый мне, некрупный, но очень соразмерный, даже изящный.

Ну да, эта женщина слишком себя любила, чтобы пользоваться каким-то древним «ПМ» или чуть менее древним «ПММ», или «стрижом», или даже банальной «береттой». У неё было что-то небольшое, матово-чёрное, хищное и опасное даже на вид.

— Гори в аду! — завопила Курицына наставив на меня оружие.

Два выстрела грянули один за другим. Нет, не «слились в один», потому что Курицына на спуск нажать не успела.

Выстрелила подполковник в отставке Валентина.

Тело директорши рухнуло. Лишившийся руки охранник перестал орать — похоже, что гибель начальницы и то, как именно она погибла, навели его на неприятные мысли.

— Старая стала, — сказала Валентина. — Целилась в руку, попала в голову.

— Так точно, — сказал я. — Дважды промазали.

Голову представительнице грядущей элиты разнесло изрядно.

Как ни странно, она всё равно восстанет. Мёртвое тело затянет почти любые раны.

Но возвыситься ей уже не удастся. Восставшие с сильными повреждениями головы не превращаются в квази. Одна радость — они и не агрессивны, обычно сидят и неторопливо возятся в земле, вылавливая своё нехитрое пропитание — жучков и червей.

— И впрямь, — сказала Валентина. — Промазала. Просто удивительно. — Она посмотрела на стариков. Лысый держался за сердце, седой выглядел пободрее. — Мальчи-

ки, вы бы пошли выпустили запертых. Валидола приняли. И скажите нашим, что хватит бузить... без того заигрались...

Она подошла к валяющемуся на полу охраннику, достала из-за пояса мой пистолет, протянула мне. Потом стала вытягивать у охранника из джинсов ремень.

— Помочь? — спросил я.

— Иди, сына в кино своди, — отмахнулась Валентина. — И... кто там командует? Маркин?

— Он самый, — кивнул я. — Капитан Маркин.

— Капитан... ха! Скажи Славику, пусть придёт.

Уговаривать меня не пришлось — я выскочил из фойе, превратившегося в поле боя. Маркин на самом деле уже спешил к входу, опередив солдат из оцепления, — и я вдруг понял, почему лицо отставного подполковника Валентины показалось мне знакомым.

— Славик! — крикнул я ему. — Тебя мама зовёт!

Маркин обжёг меня возмущённым взглядом и поспешил внутрь.

А я пошёл к Михаилу, ждавшему меня в отдалении.

Жизнь продолжалась. Не для всех, конечно.

Но это уж дело житейское.

Глава одиннадцатая

ВЕТРЯНКА И ТЕЛЕФОН

Гражданка Прилукина, Анна Романовна, сорока семи лет, домохозяйка, в прошлом — работница туристической фирмы, сидела на кухне и рыдала.

Михаил сидел напротив неё и терпеливо ждал. Я расхаживал по квартире — то заглядывал в комнату Милы, ученицы девятого класса, шестнадцатилетней девочки, посещавшей биохимическую секцию профессора Томилина, где возились с ноутбуком ребята Маркина, то возвращался на кухню.

— Милочка такая скромная! Такая воспитанная! — рыдала Анна Романовна. — Она даже с мальчиками не гуляла совсем. Всё в школе или с подружками...

— Не плачьте, Анна Романовна, — терпеливо сказал Михаил. — Возможно, ничего не случилось. Где она могла задержаться?

— В библиотеке? — безнадёжно предположила Анна Романовна. Схватила лежащий на столе мобильник, в очередной раз набрала телефон дочери. Снова зарыдала. Телефон не отвечал.

Весь состав секции юных биохимиков был задержан. Ну или взят под охрану. Как угодно. Весь, кроме Милы Прилукиной и знакомого нам Руслана Файзулина. Их дома не оказалось, телефоны не отвечали.

Из одиннадцати человек только трое, судя по медицинским картам, не болели ветрянкой. Одного потенци-

ального носителя вируса уже изолировали, я даже не пытался узнавать где. Наверняка в помещении высшей биологической защиты.

Впрочем, и всех остальных на всякий случай тоже изолировали.

А вот Милу и Руслана мы взять под охрану не успели.

— Может быть, родственники? — продолжал Михаил. — Бабушки, дедушки...

Анна Романовна махнула рукой:

— Да они все уже... восстали... Разве что двоюродный дядя, Павлик... Так он седьмая вода на киселе, Милочка и адреса-то его не знает...

Михаил всё же записал адрес дяди Павлика, передал его гэбэшникам, не проявившим особого энтузиазма, и продолжил общаться с Анной Романовной.

Судя по её рассказу, Милочка была девочкой-одуванчиком, мечтающей стать учёным, всегда слушавшейся маму и папу и вообще лишённой недостатков. Разве что здоровье у неё было хрупкое, болела часто...

— А ветрянкой не болела? — спросил я на всякий случай.

— Ну как же не болела? Болела, — всхлипывая, сообщила Анна Романовна.

Мы с Михаилом переглянулись.

— Точно? — спросил я. — В медкарте нет.

— Да она и сама не знает, — вытирая слёзы бумажным полотенцем, сказала женщина. — Ей три годика было, соседский мальчик заболел — так мы специально её в гости поиграть привели, чтобы заболела. У маленьких же легко ветрянка проходит, а взрослые тяжело болеют...

Интересно, а что будет, если Томилин ввёл вирус девочке с иммунитетом? Она не заболеет? Или заболеет, но легко? Или умрёт?

Вообще — на что он рассчитывал? Что заражённые дети будут распространять заразу и сами тоже умрут? Большие ведь уже, Руслан так под два метра ростом...

— Жалко, что Томилину в голову не влезть... — сказал я.

— Томилину? Профессору? — напряглась мать. — А он-то здесь... О Господи! Он растлевал мою Милочку? Он её похитил? Он её насилует?

— Да нет, что вы! Он вообще уже мёртв, — вступился я за покойного. — Окончательно и бесповоротно. Мы всего лишь считаем, что ваша дочь могла заразиться в институте. Ветрянкой.

Анна Романовна посмотрела на меня с подозрением, но замотала головой:

— Нет-нет. Ветрянкой она болела...

Из комнаты девочки появился один из гэбэшников с телефонной трубкой в руках. Молча подал мне мобильник.

— Денис, — сказал Маркин.

— Владислав, — ответил я.

— Все мы имеем какие-то скелеты в своих шкафах.

— Ага, — сказал я.

— Надо закрывать чужие шкафы, если случайно их открыл.

— Да я и не собирался заглядывать, — сказал я.

Маркин помолчал. Потом сказал чуть мягче:

— Это личные семейные отношения. И это не было моим выбором. Такой характер.

— Я понимаю, — сказал я. — Точнее, нет. Вообще не понимаю, о чём ты говоришь!

— Хорошо, — решил Маркин. — Можете там не суетиться. Мы, кажется, нашли девочку.

— Где? — быстро спросил я. — Как?

— Её телефон выключен, но это же ничего не значит, — туманно сказал Маркин. — Недалеко от вас. Думаю, в течение получаса всё станет ясно. Вы там не нужны, ждите пока в квартире матери.

Я вернул мобильник и кивнул Михаилу. Тот, похоже, всё понял.

Теперь нам оставалось только ждать.

* * *

...В кафешке «Шашлык-машлык», куда мы зашли перекусить, было не очень-то уютно и пахло пригорелым мясом. Повар у электрического мангала тоже энтузиазма не внушал.

Поэтому я вслед за Михаилом заказал порцию овощей-гриль.

Интересно, что полное вегетарианство и тончайшее обоняние квази не мешало им нюхать скромное.

— Становишься квази, — заметил Михаил.

— О Боже мой. Ты пошутил, — пробормотал я. — Причём почти удачно. Нет-нет, я не становлюсь квази, я призываю к будущему.

Михаил разлил по стаканам бутылку минералки и сказал:

— В любом случае я рад, что с девочкой всё в порядке.
— Аналогично, — сказал я без особой уверенности.

Со скромной девочкой Милой всё и впрямь было в порядке. Хотя когда спецназ выбил одновременно двери и окна, ворвавшись в квартиру её одноклассника, где спецслужбы и запеленговали отключённый мобильник, Мила была не в восторге.

Как и её одноклассник Женя (скорее всего, по мнению своей матери — столь же скромный, занятый учёбой и не интересующийся девочками). Я искренне надеялся, что сегодняшнее происшествие не сделает его импотентом на остаток жизни. Парень молодой, гормоны бурлят, как-нибудь переживёт ту неловкую ситуацию, когда в самый волнительный момент на тебя наставляют десяток стволов суровые мужики в бронежилетах и балаклавах...

Похоже, профессор Томилин выяснил, что девочка Мила всё-таки болела ветрянкой, и заражать её не стал. Из одиннадцати юных биологов — девять в детстве «играли в зелёных леопардов». Не болели только Руслан и ещё один мальчик, с редким патристическим именем Пулирон, ко-

торого задержали и изолировали в Сочи, куда он поехал на шахматный турнир. Был ли юный Пулирон инфицирован или нет, пока было неясно, но, во всяком случае, контактным он пока не стал.

— Что мы ещё можем сделать? — спросил я.

Михаил подумал.

— Свои контакты я исчерпал. У тебя есть идеи?

Я покачал головой.

В общем-то одна идея была. Крутилась в голове с момента встречи с Викторией в подъезде. Но больно уж тонкая ниточка...

Достав смартфон, я вывел на экран карту Москвы. Увеличил нужный район, покрутил. Задумался.

Как ни странно, но хвостик у ниточки нашёлся. Вот только та ли это была нить...

— Маркин с нами своей информацией не поделится, — продолжал Михаил. — Так что мы имеем? Раньше Виктория пряталась где-то в городе одна, найти её мы не могли. Теперь прячется вместе с мальчишкой, которого мы по глупости оставили без наблюдения. Нет, Денис. Мы ничего не можем сделать.

— Может, и он... точно так же, как Мила? — с надеждой спросил я.

— Точно так же? Уединился с одноклассником и изучает таинства секса? — Михаил приподнял бровь.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять — он снова пошутил.

— Да ну тебя! — сказал я. — Уединился с одноклассницей. Или пьёт пиво с одноклассником.

— Будем надеяться, — согласился Михаил.

И он, и я понимали, что это не так.

Руслан ушёл из дома после бурного разговора с матерью, до которой дошло, что её ребёнок ввязался в очень неприятную историю. Я не сомневался, что эта тихая, живущая сыном женщина способна превратиться в сурового семейного диктатора.

Ради блага сына, разумеется.

В общем, Руслан выдержал долгий разговор, в ходе которого уверял мать, что становится немедленно квази передумал, что ни к каким заговорам, преступлениям и прочим гадостям непричастен. Но то ли мать на него слишком надавила, то ли выиграло подростковое упрямство — парень хлопнул дверью и ушёл.

А самое печальное, что у подъезда его встретила молодая женщина, поговорив с которой Руслан несколько раз оглянулся на свои окна — и пошёл куда-то в сторону метро с женщиной. Дальше след обрывался. Зафиксировавшая это камера не была оборудована тепловизором, поэтому мы не знали — квази или человек встретил Руслана, и Виктория ли это. Облик квази меняли слишком легко, чтобы на изображение можно было полагаться.

Но я был уверен, что это она.

— Мы ничего не можем сделать, — сказал я задумчиво. — Что ж. Пойду в кино с сыном.

— Тоже вариант, — сказал Михаил.

— Нет. — Я хлопнул по столу ладонью, заставив повара подозрительно посмотреть на меня. Наверное, он решил, что я расстроен качеством его продукции. В принципе он был прав — если бы не грядущая катастрофа, я бы ему высказал своё мнение о его кулинарных способностях. — Надо. Что-то. Делать.

— Ну? — с надеждой спросил Михаил.

— Все ваши шпионские методы не работают, — пробормотал я. — То ли методы лишь для кино годятся; то ли шпионы из вас, как из мёда — пуля; то ли Виктория лучший шпион, чем вы. Значит... значит, будем работать по старинке.

Михаил нахмурился.

— Ты же участковый был, — напомнил я. — Не забыл ещё, надеюсь, методы оперативно-сыскной работы? Позвони Сашке, скажи, что будешь поздно.

— Кому? — Михаил осёкся. — Ну да. Сейчас.

Я тоже достал смартфон и набрал номер.

— Да, Денис? — сказала Настя.

— Ты не занята? — спросил я. — Впрочем, ерунда. Ты мне нужна.

— Похоже на признание в любви, — сказала Настя.

— Увы, нет, — сказал я. — Ты мне нужна, приезжай к Преображенке.

— Денис, это ты у нас крутой помощник крутого квази. А я на работе. Проверяю отпечатки пальцев на украденном утюге.

— Каком утюге?

— Электрическом, с паром. Или тебе фирму надо знать?

— Бросай свой утюг, только выключить не забудь. Ты мне нужна. Царице скажи, что тебя срочно вызвал Бедренец.

— Правда?

— Проверять она не станет, но правда. Приезжай. Дознаватель, агент и эксперт — это сила!

Закончив разговор, я спрятал телефон и обнаружил, что Бедренец смотрит на меня.

— Чего? — спросил я.

— Был такой старый телесериал, ещё советских времён, — сказал он. — Там преступления раскрывали следователь, инспектор уголовного розыска и эксперт-криминалист. «Знатоки». Но ты вряд ли видел.

— А, — сказал я. — Не видел, конечно. Не те у меня годы. Знатоки... Это же вроде телеигра такая была, на деньги? Рулетку крутили... Это как-то связано?

Квази вздохнул.

— Нет.

— Интересный хоть сериал? — спросил я. — Стоит найти, посмотреть? Что они расследовали?

— Да ты не поверишь, всякую фигню, — признался Михаил. — Кража рулона сукна на фабрике...

Я подумал немного.

— Ты знаешь, Михаил, а я бы вовсе не отказался, чтобы у нас самым сложным делом была кража рулона сукна.

К вечеру на небо наплзли тучи — гадкие, серые, не обещающие дождя, но придающие всему унылый вид. Вообще-то Москва, как и любой большой город, любит ночь, дождь и туман — они скрывают и огрехи городских служб, и дурацкие граффити, и бестолково суетящихся жителей мегаполиса. Но от этой облачности стало только гадко на душе.

— Если вы хотите, чтобы я взяла след, — сказала Настя, — то поторопитесь. А то дождём всё смоем. Тяв-тяв!

Я укоризненно посмотрел на неё.

— Ну а чем я ещё могу помочь? — спросила Настя. — С чем работать-то? Выдернули меня со службы, а у гражданина из дома похитили телевизор, коллекцию музыки и видео объёмом пятнадцать терабайт, модную куртку и уют.

— Уют как-то выбивается из ряда, — сказал я.

— Видимо, и преступник понял, что погорячился. Бросил уют в мусорный бак возле дома... Ну так что вы хотите?

Она обвела взглядом меня и Михаила.

— Это всё его замысел, — сказал квази. — Я уже иссяк. Виктория похитила мальчика, предположительно заражённого смертельным вирусом.

Настя сразу посерьёзнела.

— Маленький мальчик?

— Пахать на нём можно. Но это роли не играет. Их надо найти, иначе мы все умрём.

— Как страшно жить, — сказала Настя. — Так что нам делать, Дениска?

— Идти к мальчику домой бесполезно, — сказал я, глядя на клумбу возле дома. Там была заметна вмятина — ме-

сто, где приземлился выпрыгнувший из окна Михаил. — Ничего нового нам не скажут.

— Тем более, там наверняка сидят люди Маркина, — меланхолично добавил квази.

— Все камеры в округе давно уже отработаны, информация считана, — продолжал я. — Остается скучная нудная оперативная работа...

Я помолчал, оглядываясь.

Ага.

Вон она, камера, которая запечатлела подъезд и увозящую Руслана женщину. Камера старая, простенькая, даже без поворотного механизма. Так... вот сектор обзора. Вход в метро там... где-то здесь они должны были выйти из поля зрения камеры. А возле метро попали бы в новые камеры, включая инфракрасные, которые чётко выделяют квази из толпы людей.

— Где-то на этих вот двадцати метрах, — сказал я, — они свернули. Вряд ли через Большую Черкизовскую... скорее, пошли между домами, параллельно Краснобогатырской...

Стараясь выглядеть абсолютно уверенным, я зашагал вперёд. Михаил и Настя, переглянувшись, пошли за мной.

— Я полагал, что мы будем расспрашивать старушек, глядящих в окна, курильщиков у подъездов, дворников... — сказал Михаил.

— Здорово бы, — сказал я. — Самый лучший метод. Только времени нет.

— Наверняка тут есть веб-камеры, направленные в окна, — сказала Настя. — Если уж хочешь от меня помощи, могла бы поискать...

— Только если на ходу, — сказал я.

Как ни странно, Настя не обиделась. Хотя и пытаться взломать на ходу все точки доступа в районе не стала.

А жаль. Было бы как в голливудском боевике.

Мы прошли несколько жилых домов, разной степени высотности, пересекли улицу Хромова, миновали ещё несколько домов. У одного из домов бабулька раскачивала взад-вперёд коляску-люльку. Такие используют, когда ребёнок совсем маленький. А бабушки твёрдо уверены, что младенцу следует как можно больше спать на свежем воздухе, даже если рядом шумные автострады. Бабушка была во вполне старушечьем платье из линялого цветастого ситца, но на голове вместо платка носила берет. Почему-то это показалось мне хорошим знаком.

Я подошёл к бабушке, достал удостоверение, показал.

— Дайте-ка внимательно гляну, — сурово сказала бабушка. Изучила удостоверение, потом заметила: — Не ваш район!

Вот же какие все у нас юридически грамотные стали!

— Иду по следу опасного преступника, — сказал я. — Сегодня днём, около трёх. Где-то здесь проходил юноша, совсем ещё мальчик, в сопровождении женщины средних лет.

Бабушка пожевала губами. Потом изрекла:

— Не женщина это была, а квази. — Она глянула на Михаила и уточнила уже у него: — Кого ищите-то? Парня или тётку?

— Обоих, — сказал Михаил. — Женщина преступница, мальчик в опасности.

— А что ж так, по старинке? — спросила бабушка. Было такое ощущение, что она чётко определила Михаила как главного. — Где же ваши камеры-фигамеры, дроны-клоны?

— Так мы же не мир спасаем, — сказал я. — Кто нам такую технику доверит...

Бабушка с сомнением посмотрела на меня:

— Не мир, значит... Вон туда они пошли.

— Парень шёл добровольно? — уточнил Михаил.

— Добровольно, — кивнула старушка. — Всё жаловался на что-то, возмущался. Она его успокаивала.

Мы двинулись дальше и дошли до следующей улицы. Я посмотрел на табличку и хмыкнул.

— Знаменская улица, — сказала Настя. — Это что-то значит?

— Как думаешь, инспектор, значит? — спросил я Михаила. — Пренебрегаем знаками или нет?

— Ну ты и жук, — сказал квази. — Не те у тебя годы, значит, «Знатоков» смотреть?

— Я просто начитанный, — ответил я. — Налево-направо... Пошли направо.

И мы двинулись по улице. Настя, кажется, немного обиделась и ничего больше не спрашивала.

— Ты не обижайся, — сказал я. — Тут много всего случилось... В общем, я был совершенно серьёзен — мальчик заражён вирусом оспы. Ветряной. Но мутировавшей. Вот-вот он станет заразен — и все взрослые вокруг начнут умирать. Я надеюсь, что эпидемию удастся локализовать, если мы не позволим Виктории уйти с вирусом, но... В общем, идём мы так практически от отчаяния. Но я вначале поглядел на карту, пока всё подтверждает мою идею...

— Какую? — заинтересовался Михаил.

— Далеко они уйти не могли. Виктория понимала, что за неё взялись всерьёз. Камеры, дроны... всё прочее. У неё заготовлено убежище поблизости. Но в данном случае убежище должно быть специфическое. Ладно, поглядим.

— Если у тебя заранее была догадка, — нахмурился Михаил, — то нечего было терять время. Сразу бы проверили твоё убежище...

— Не моё, — поправил я. — Лучше проверить... Стоп!

Я остановился, указал на здание кафе-бара с надписью «У Михалыча». Значок «Дружелюбны к квази» чётко выделялся на дверях. На открытой веранде, прячущейся за изгородью из вьющихся растений, сидело несколько компаний едоков.

— Это и есть убежище? — спросил Михаил, едва не делая стойку.

— Нет. Но парень из-за всех разговоров и ссор не успел поесть. Викторией, полагаю, тоже было не до обеда. Я думаю, они могли сюда зайти.

Михаил вздохнул, но спорить не стал.

Я первым зашёл на открытую веранду, поймал за руку пробегающую мимо молоденькую официантку с полным подносом тарелок и рюмок.

— Садитесь, я приму заказ! — пискнула она.

— Особая полицейская операция, капитан Симонов, — прошептал я ей на ухо. — Хозяина сюда, быстро.

Глаза у официантки округлились, она растерянно поставила поднос на свободный стол и метнулась в глубину зала, к служебной двери.

Едоки заинтересованно смотрели на меня.

— Ваше? — спросил я ближайшую компанию из трёх немолодых мужиков. Те закивали. — Так берите.

Официантка вернулась в сопровождении невысокого худощавого квази, совершенно лысого и чуть лупоглазого. Увидев Михаила, он нахмурился и внезапно стал очень, очень, очень почтителен.

— Ты знаешь, кто я, — сказал Михаил.

Квази кивнул, протянул руку:

— Да. Юрий Михайлович, владелец этого заведения... Что-то случилось?

— Ориентировку, прошедшую четыре дня назад, помнишь? — спросил Михаил.

— Виктория? — уточнил Юрий Михайлович и прижал руку к сердцу. — Да, но что...

— Женщина-квази с молодым парнем сегодня обедала у вас?

Юрий Михайлович жестом подозвал официантку. Виноватно сказал:

— Я же не в зале. Я в кабинете. Я вообще стихи пишу, а это... так... чтобы деньги были на издание... Машенька, ориентировку на Викторию помнишь?

— Да! — горячо подтвердила та.

— Не появлялась сегодня?

Машенька на миг задумалась.

— Нет... В обед заходила квази с парнем молодым, как раз бизнес-ленч закончился, но я им предложила, она сказала, что не надо, взяли капустные котлеты и компот... Но она не похожа! Ростом подходит, а лицо совсем другое!

— Молодая ещё, — виновато сказал Юрий Михайлович. — Простите, может, это и мой недочёт... надо было попросить звать меня в зал при появлении любой квази...

— Куда они пошли потом? — спросил я. — Вспомни, девочка. Очень надо! Они на веранде были?

Маша кивнула.

— И пошли... потом... — продолжал я.

— Туда! — Маша вытянула руку. — Вон туда, через Халтуринскую, мимо гимназии... она меня спросила, пройдут ли там на Тюменскую...

— Пошли, — сказал я. — Кажется, я не ошибся.

— Позвольте подарить вам по книжке моих стихов! — виновато предложил Юрий Михайлович. — Новый сборник, я назвал его «Этот бессмертный».

— Живы будем — зайдём, — пообещал я.

И мы двинулись вслед за Викторией и Русланом.

К сожалению — с задержкой в шесть часов.

Борис моему появлению искренне обрадовался.

— Дениска! Студент, ах ты ж... — Он явно хотел добавить что-то грубое, но почему-то сдержался. — Как разыскал-то меня?

— Интернет, — сказал я, переминаясь на пороге. — Наткнулся на твой блог, вспомнил...

— Ты заходи, заходи! — Борис потащил меня в квартиру.

Жил он на окраине Москвы, из окон был виден периметр МКАДа, в просторной трёхкомнатной или даже четырёх-

комнатной квартире. Впрочем, для его семьи она была маловата — у Бориса оказалось четверо детей, с воплями носящихся по квартире.

— Надо возрождать человеческий род, — с серьёзным видом сказал бывший сержант. — Валька! Валька, не бей Машеньку!

Я даже не понял, кому была адресована команда — Машеньку, старшую девочку лет восьми, колотили и младший брат, и младшая сестра. Куча мала с визгом и хохотом вывалилась из гостиной.

— Жена в магазин пошла, сразу хулиганить начали, — добродушно сказал Борис.

Он постарел, именно постарел — если десять лет назад мне казалось, что мы почти ровесники, то теперь я понимал — Борису под полтинник. Да и вообще изменился.

— Волос у Вилли вылез, а живот у Вилли вылез ещё больше, — хохотнул Борис, поймав мой взгляд. — Ну да это ничего. Работа сидячая.

— А где ты...

— Вернулся в универ, закончил журфак, — сказал Борис. — На телевидении работаю. Программа «Домашний садик», знаешь?

— Это как устроить маленькую дачу на балконе? — поразился я.

— Ну можно сказать и так. Очень высокий рейтинг, между прочим. Людям-то хочется возиться с зеленью, своими руками что-то выращивать, а мало у кого дачи в охраняемых зонах... А ты, ты-то как?

— Полицай, — сказал я. — Мент. Дознаватель смертных дел.

Улыбка на лице Бориса увяла.

— Головы восставшим рубишь... — пробормотал он. — Значит, не нашёл своих...

— Не нашёл, — подтвердил я. — Да ты же сразу понял, что уже не найти. Только меня, салагу, утешал.

Борис похлопал меня по плечу и повёл на кухню.

Когда пришла его супруга, мы уже ополовинили бутылку водки, закусывая её солёными помидорами из банки. Женщина сурово посмотрела на меня, потом на Бориса.

— Милая, это Денис! — засуетился Борис. — Помнишь, рассказывал? Студент, семью свою искал в Замкадьё... Денис, это моя Юлечка.

Юля немного подобрела. Мне были сказаны подобающие случаю слова, я восхитился уютом квартиры, воспитанностью детей и карьерой своего бывшего сержанта. После этого Юля достала из холодильника сыр, огурцы, банку соевой икры. Пояснила:

— Мы мяса не едим, уж извините. Ничего?

— Да ничего, конечно, — виновато сказал я. — Простите меня, дурака, пришёл с пустыми руками.

— Ты не подумай, что я на отбивную не зарабатываю! — запротестовал Борис. — Идейная позиция! В будущем всё равно не станем мяса есть, так нечего привыкать и в этой жизни.

— А, — сказал я. — Понимаю.

Борис отвёл взгляд.

— Я к детям пойду, — пригубив рюмку, сказала Юля. — А вы посидите, мальчики. Только недолго. Боря, тебе через полчаса детей в поликлинику вести, помнишь?

— Разве не в четверг? — удивился Борис и тут же стукнул себя по голове. — Ну да, да, как же я забыл... Конечно! Мы по рюмке ещё...

Выпили мы, конечно, не по рюмке. Бутылку допили.

Но в полчаса уложились, после чего я быстренько распрощался, избавив Бориса от необходимости изображать сборы в поликлинику.

Время сильно меняет людей.

Кого-то к худшему, кого-то к лучшему.

Но меняет неизбежно и безжалостно.

* * *

До заброшенных корпусов пятьдесят четвертой городской больницы мы дошли минут через десять.

— Когда Виктория подкараулила меня в подъезде и треснула по голове, — объяснил я по пути, — она забеспокоилась, не слишком ли сильно ударила. Спросила, есть ли рядом «работающая больница». Я как-то сразу не обратил внимания. А потом это меня зацепило. «Работающая!» Зачем уточнять? Забеспокоилась — так спросила бы, есть ли рядом больница. А если уточняет...

— То имела дело с закрытой больницей, — закончила за меня Настя.

— Верно. Больниц-то в Москве в своё время позакрывали много. Что-то укрупняли, что-то закрывали в рамках экономии... ну, экономический кризис, всё такое... Кое-где построили на этих местах дома и офисы. А некоторые так и стоят, рассыпаются. Нет денег ни на ремонт, ни на снос. Я подумал, может, она где-то прячется там... или схрон у неё... глянул по карте — совсем недалеко от дома Руслана есть такая. Если мы исходим из того, что Виктория знала, кто из подростков инкубатор вируса, то могла приготовить рядом лабораторию. Для извлечения.

Настя передёрнула плечами, но ничего не сказала.

— Очень опрометчиво с её стороны, — сказал Михаил. — Но всё бывает. Вызовем подкрепление?

— Сам решай, — сказал я. — Справимся мы с Викторией?

— Я справлюсь, — спокойно ответил Михаил. — Хорошо, проверим вначале сами.

Корпуса больницы оказались ужасны. Уж не знаю, хорошая ли это была больница в те годы, когда она работала, но сейчас несколько кирпичных пятиэтажных зданий с облупившейся жёлтой краской и панельная семиэтажка выглядели не лучше трущоб Детройта или развалин Глазго. При этом окна в зданиях были целы, пластиковые

стеклопакеты сопротивлялись времени куда лучше, чем кирпич и бетон. Забор вокруг заброшенной больницы тоже был в порядке — основательные кирпичные столбики с металлической решёткой между ними, всё аккуратно подкрашено и даже подштукатурено. Заборы удивительная вещь — они живут куда дольше, чем дома, вокруг которых построены.

Всё-таки начал накрапывать дождь, совсем мелкий и редкий, но неприятный. Летний дождь должен быть сильным, быстрым, коротким, освежающим город. А это была какая-то унылая, почти осенняя моросень.

— И что будем делать? — спросила Настя. — Блуждать по всем корпусам?

— Не надо блуждать, — неожиданно сказал Михаил. — Смотрите...

Он протянул руку, и, проследив его движение, мы увидели в окнах шестого этажа панельного здания слабый свет. Совсем неяркий. Но стемнело уже достаточно, чтобы быть уверенными, это не отражение на стёклах.

— Могут быть бомжи, — предположила Настя. — Или молодёжь собралась в заброшенном доме, развлечься без взрослых...

— Или ролевики играют в «Тайный город», — сказал я. — Не будем множить сущности. Достанем наши бритвы Оккама...

— И залезем в окна Овертона, — продолжил Михаил. Нет, он определённо делал успехи в своих попытках пошутить.

Как ни странно, но мы дольше провозились, перебираясь через ограду (обычно в любом заборе есть дырка, даже если это забор сверхсекретного военного завода, но тут мы не сразу нашли выломанный прут), чем забираясь в здание.

Дверь была просто-напросто открыта, лишь слегка притворена. Старая табличка над дверью гласила, что перед нами «Хирургический корпус». Я скорее ожидал уви-

деть «Инфекционное отделение», но, вероятно, его в больнице не было.

— А фонарики кто-то взял? — поинтересовалась Настя. После чего торжествующе достала из кармана маленький галогеновый фонарик. Я развёл руками и включил лампочку на смартфоне. Михаил негромко сказал:

— Для меня и так достаточно светло.

Вошли мы явно не с главного входа, но почти сразу, через короткий коридорчик, вышли в вестибюль. Здесь всё было куда более разрушено, чем снаружи. Может быть, малолетнее хулиганье, забираясь в здание, удовлетворяло свою страсть к разрушению на мебели и оборудовании, не трогая окна, чтобы не привлекать внимание?

Стеклопанель перегородки регистратуры была вся разбита вдребезги. На стенах виднелись какие-то идиотские граффити. Несколько старых разбитых мониторов, ещё с кинескопами, не вру, валялись на полу. Дряхлые диваны и кресла с дешёвой синтетической обивкой были испорчены, будто кто-то, начитавшись «Двенадцати стульев», искал зашитые в них драгоценности.

— Свинство какое, — пробормотала Настя, водя вокруг тонким лучиком света.

Я подумал, что она права. Вещи имеют право умирать достойно, так же как и люди. Тем более вещи, которые честно служили свой срок. Понятное дело, что при закрытии больницы никому уже не нужен был этот старый хлам, но лучше бы его вывезли на свалку.

— Наверх, — тихо сказал Михаил. И двинулся к лестнице.

Лифты, конечно же, не работали. Мы тихо поднимались по лестнице, в какой-то момент я подсветил пол впереди и удовлетворённо кивнул. Конечно, я не следопыт, не индеец и не Шерлок Холмс. Но то, что люди тут шли, и совсем недавно, было прекрасно видно.

Мы миновали первое и второе хирургическое, рентгенологическое, отделение физиотерапии. Михаил уверенно

остановился на пятом этаже возле полуоткрытой двери. Посмотрел на нас.

Я поднял смартфон, кивнул.

«Гнойная хирургия».

Ну где же ей ещё было обосноваться. Там, где имеют дело с инфекциями. Сохранилось какое-то древнее оборудование...

Михаил аккуратно толкнул металлическую дверь. Та открылась, совершенно беззвучно, как во сне. В коридоре было чуть-чуть светлее — свет шёл из конца коридора.

Я достал было пистолет, потом спрятал его в кобуру и извлёк из ножен мачете. Пистолет достала Настя, посмотрела на меня с вопросом. Я кивнул. Да, если надо стрелять — то надо будет стрелять. Я не сомневался, что Настя не дрогнет.

И мы пошли к свету по пустынному коридору, мимо приросших к полу каталок, мимо перевёрнутого стола дежурной медсестры, мимо распахнутых дверей в палаты, где над пустыми койками свисали вывернутые из стен провода и трубки. Кто-то здесь похозяйничал, не мародёрствовал, а тупо крушил всё подряд. Может быть, не любил медицину?

А потом я услышал звук — тихий, но узнаваемый.

Стон.

Михаил на миг замер. И ускорился — рванулся вперёд легко, уже не таясь, будто спринтер на соревновании. Я кинулся следом, непроизвольно заметив, что Настя, молодец, не спешила, держалась позади. Учтывая, что у неё был пистолет — правильное решение.

Вслед за Михаилом мы вбежали в помещение в конце коридора. И так же как он — остановились.

Уж не знаю, зачем в обычной больнице, в хирургическом отделении, пусть даже гнойном, была такая изолированная палата. Но помещение было разгорожено стеклянной стеной, с маленьким тамбуром-шлюзом, где горела фиолетовым светом бактерицидная лампа на стене. За

стеной, в маленькой палате с выкрашенными в зелёный цвет стенами, с умывальником и унитазом в углу, лежал на металлической койке (между прочим — застеленной белой простыней) Руслан. Парень был в одних трусах и, судя по пятнам, недавно обмочился. Неудивительно — он то и дело крутил головой и подёргивался в беспамятном бреду...

Рядом с Русланом на тумбочке стояла пластиковая бутылка с водой и электрический фонарь с лампой дневного света.

Ещё один фонарь был снаружи, на столе. Рядом с гудящим автоклавом, какими-то инструментами в лотках, пузырьками и пробирками. Ещё на столе лежал простенький мобильник с пятью пропущенными звонками. Номер звонившего был неопределён. На одиноком стуле был брошен белый медицинский халат.

Вообще эта комната выглядела очень аккуратно прибранной. А судя по шумящему автоклаву, светящейся бактерицидке и шороху вентиляции — ещё и подключённой к электричеству. Я нашёл выключатель, щёлкнул — внутри выключателя что-то подозрительно затрещало, но над головой неохотно, с задержкой, загорелось несколько трубок дневного света. Примерно четверть из имеющихся.

Виктории, разумеется, тут не было.

— Мы опоздали, — сказал Михаил, глядя сквозь стекло на Руслана. — Мальчик заболел. Проклятие! Если бы мы изолировали его утром...

Юноша снова забился на койке. Зашарил рукой, то ли бесцельно, то ли пытаясь найти воду. Зацепил бутылку, та упала на пол, вода струйкой потекла по полу.

Руслан застонал. Звук шёл не от палаты, а от стола — я приподнял лист бумаги, под ним обнаружилась включённая «радионяня» в виде смешной чёрно-белой панды. Глаза панды светились зелёными огоньками.

— Ему плохо, — пробормотала Настя. — Ему же очень плохо...

— Ему не плохо, он умирает, — сказал я. — Настя, проверь всё, попытайся понять — успела Виктория взять пробы вируса или нет...

С трудом оторвав взгляд от Руслана, Настя подошла к автоклаву, глянула на огоньки, стала разглядывать инструменты на столике. Михаил подошёл к стеклу, всмотрелся. Попросил:

— Настя, дай фонарик...

Яркий луч света упал на лицо юноши, тот замотал головой, словно пытаясь его прогнать. Теперь ярко-красная сыпь была видна совершенно отчётливо.

Ветрянка.

Или суперветрянка.

Или смертельная ветрянка.

Или московская ветрянка.

В общем, как-нибудь врачи её назовут.

— Мне кажется, она взяла образцы, — сказала Настя. — Кровь... может быть, ткани. Инструменты стерилизуются. Сейчас тут, наверное, безопасно. Я не знаю, как она работала, но скорее всего — безопасно. Денис, тебе лучше уйти.

— Нам всем надо уйти, — сказал я. — Михаил, звони Маркину, пусть присылает своих ребят, врачей...

Михаил как зачарованный смотрел на Руслана.

Тот снова застонал.

— Может быть, мне стоит войти? — спросил квази. — Хотя бы как-то помочь.

— Вам надо искать эту тварь, — сказала Настя. — А войду я.

Я повернулся и увидел, что она надевает медицинскую маску.

— Ты что, думаешь, это защитит? — спросил я. — Ты с ума сошла?

— Наверное, — сказала Настя. — В смысле, наверное — сошла. А защитит ли... не знаю. Но я так не могу!

— Он уже мёртв, — сказал я. — Ты даже не врач!

— Да, не врач, — кивнула Настя. — Поможешь надеть перчатки? Вон в том пакете.

Я выругался. Потом сказал:

— Стоп. Ты никуда не пойдёшь. Один умирающий мальчик, пусть его и жалко, не стоит другой жизни. Если надо — я тебя силой не пушу.

Настя смотрела мне в глаза, но я выдержал этот взгляд. Можно сказать, легко выдержал.

— Мама... — донеслось из радионяни, беспомощно и слабо. — Мама, пить...

— Вот это уже запрещённый приём, — пробормотал я. — Удар под дых. Но я тебя всё равно не пушу... Михаил, да звони же ты!

— Да, да, да, — повторил квази и наконец-то достал мобильник. Мы с Настей продолжали стоять, глядя друг на друга.

Потом она сказала:

— Перчатки помоги надеть.

— Перчатки — помогу, — сказал я. — А внутрь не пушу.

— Хорошо, помоги перчатки. И комбинезон. Тут целая стопка одноразовых...

Я как раз помог ей натянуть вторую перчатку, когда мобильник на столе зазвонил. Простецким телефонным звонком, как в старых аппаратах, со времён Белла.

Я нажал на «ответ» и сказал в трубку:

— Что хочешь сказать, тварь?

— Наконец-то ты догадался, — сказала Виктория. — Я уж подумала, что переоценила тебя. Собиралась позвонить на твой номер.

— Что значит «переоценила»?

— Ну когда упомянула про «работающую больницу», — терпеливо пояснила квази. — Мне казалось, ты придёшь к правильному выводу раньше. Я уже три часа названиваю... Парень жив?

— Да, — глянув на Руслана, ответил я.

— Хорошо, — сказала Виктория. — Я не хотела, чтобы он умер. Я ввела ему лекарство, которое может помочь... или может убить. Но это всё, что я успела придумать за неделю, над лечением мы не работали. Может быть, парень выживет. Он довольно молод, а ещё лекарство стимулирует иммунитет, и вы всё-таки его нашли, хоть и поздно... но если не допускать обезвоживания...

Казалось, она уговаривает сама себя. Может быть, так и было.

А ещё, к сожалению, у этого дрянного мобильника был очень громкий динамик. Настя слышала про обезвоживание и стала торопливо натягивать хрустящий синтетический комбинезон.

— Сволочь... — простонал я. — Тварь, почему я тебя не убил, почему...

— Если бы ты меня убил, юноша заболел бы среди людей, а не в изолированной палате, — мягко сказала Виктория. — Началась бы эпидемия. А я не хочу, чтобы люди умирали.

— Тогда зачем... — уже ничего не понимая, спросил я.

— Я не хочу, чтобы и квази умерли, — пояснила Виктория. — У вас есть «чёрная плесень» и ваши власти хотят её применить. Теперь у нас есть ветрянка. Равновесие сил. Мой муж... его человеческая натура была слишком агрессивной, слишком бескомпромиссной. Виктор был экстремистом-квази, оставаясь ещё человеком. Он выпустил бы вирус на волю или передал бы его тем из нас, кто распространил бы вирус по всему миру. Я надеялась, что, став квази, он превратится в более умеренного, но вы всё сломали. Приходится импровизировать. Я не хочу миллиардов смертей. Я хочу спасти всех.

— Денис!

Я опустил руку с телефоном, глядя на Настю в белом балахонистом комбинезоне, с надвинутым на голову капюшоном.

— Не высшая биозащита, — сказала она. Кажется, даже улыбнувшись под маской. — Но что есть...

— Не надо, — сказал я.

— Я ведь человек.

— Я тоже. Но я не иду туда...

— Ты мужчина. Ты по-другому реагируешь, и это правильно.

Настя на миг прижалась губами к моим губам — сквозь маску.

— Не надо... — беспомощно повторил я.

— Иногда так бывает, что от нас уже ничего не зависит, — сказала Настя. — Но ты знаешь, в этот миг становится легко.

Она повернулась и пошла в бокс.

Я застонал. Снова поднёс телефон к лицу. Виктория молчала.

— Как я тебя ненавижу... — сказал я в трубку.

— А мне недоступно это чувство... — задумчиво сказала Виктория. — Но я тебя понимаю. Поверь, мне самой неприятно то, что я сделала, и то, что делаю сейчас. Но миссия, которую я должна выполнить, важнее, чем жизнь двух мальчишек.

Мне показалось, что меня ударили под дых.

— Почему двух? — спросил я, зная, каким будет ответ.

— Потому что Найд у меня.

Я посмотрел на Михаила — он как раз закончил что-то вполголоса бормотать в трубку. Михаил тоже услышал.

— Чего ты хочешь? — спросил я.

Ругаться, угрожать — всё это теперь не имело смысла.

И даже Настя, закрывшая дверь шлюза и входящая в палату, отошла на второй план.

— Выхода из города. Люди Маркина работают хорошо. Но я верю в то, что вы с Михаилом мне поможете. Вы очень хорошо мотивированы.

— Я тебе не верю, — беспомощно сказал я.

— Скажи что-нибудь папе... — донеслось из трубки. Несколько секунд было тихо, потом послышалась возня. Потом Виктория сказала: — Он упрямый мальчик и не хочет быть заложником. Мне придётся сделать ему больно, чтобы он закричал.

— Не надо, — сказал я быстро. — Не делай ему больно. Я верю.

— Выход из города, — сказала Виктория. — Сегодня до полуночи. Иначе Найд умрёт. В качестве дополнительной мотивации — он умрёт болезненно и ему будет очень страшно. И умрёт он окончательно. Я позвоню, Симонов, не теряй телефон.

Я смотрел на Михаила, и в моих глазах, наверное, не осталось ничего, кроме ужаса.

А вот у Михаила — нет. Там ещё было раздумье. Он соображал, так быстро, как могут только квази.

— Нам придётся вывести её из города, — сказал я.

— Ты даже не рассматриваешь другие варианты? — уточнил Михаил.

— А ты что, рассматриваешь?

— Кто-то недавно говорил, что жизнь одного умирающего мальчика не стоит другой жизни. Что уж говорить о миллиардах.

Я кивнул:

— Да-да. Ты прав, я говорил. Только не о своём сыне.

— У нас будут проблемы, большие проблемы, — заметил квази. — В первую очередь у тебя.

— Не хочешь — справлюсь сам.

— Дай подумать минуту, — попросил Михаил.

Я кивнул. Подошёл к стеклу. Посмотрел на Настю.

Она склонилась над кроватью и поила Руслана из бутылки. Тот жадно пил.

Руслан больше не казался мне славным, но запутавшимся юношей, в силу возрастного максимализма влипшим в дурную историю.

Сейчас я его искренне ненавидел.

Он мечтал стать квазиюком. Он готов был ради этого жрать людей — может быть, не в деталях, но он понимал процесс. Он с жиру бесился, этот парнишка, которому надо было учиться и с девчонками обниматься, а не о превосходстве квази над людьми размышлять.

А сейчас он стал источником вируса, опасностью для всего человечества. Хуже того — от него могла заразиться Настя. Из-за него, выносившего в себе вирус, мог умереть Найд.

Нет, не было во мне ни капли благородства и сострадания, никаких возвышенных чувств и мудрости более старшего человека. В семнадцать лет пора уже начинать думать своей головой и отвечать за свои поступки.

Но я уже ничего не мог поделать. Не мог отмотать время назад, не мог остановить Настю.

Единственное, что я мог сделать, что мог попытаться сделать, — спасти сына и остановить Викторию.

— Я всё обдумал, — сказал Михаил. — Денис...

— Да? — глядя на Настю, ответил я.

— Мы не сможем обмануть Викторию. Точнее, сможем, но тогда Найд погибнет. Нам придётся либо остановить её ценой жизни Найда, либо позволить ей уйти в надежде, что она отпустит мальчика.

— Ты о чём?

— Она наверняка потребует вывести её за МКАД вместе с мальчиком. Мстительность квази не свойственна, более того — убивать Найда, если мы выполним её требования, глупо и вредно. Так что мы можем поверить её слову. Если выведем — она отпустит мальчика и уйдёт с вирусом. Вот и весь выбор.

— И что выбираешь ты? — спросил я.

— А у тебя есть сомнения?

— Конечно. — Я повернулся к Михаилу. — Ты же его не любишь. Ты разучился любить и дружить, с тех пор как умер. Ты заботился о нём потому, что это «правильно».

А что для тебя правильно сейчас? Допустить гибель мальчика или выпустить вирус к экстремистам?

— Справедливость, — глядя мне в глаза, ответил Михаил. — Всегда правильна только справедливость.

— И что для тебя справедливость? Те, кто живёт в Омеласе, и те, кто из него уходит, понимают это слово по-разному.

Михаил стоял, чуть склонив голову в мятой фетровой шляпе, не то раздумывая, не то подбирая слова. За окнами всё сильнее и сильнее шумел дождь.

— Что бы я сейчас тебе ни сказал, — произнёс квази наконец, — это ничего не изменит. Ты не знаешь, как я на самом деле думаю. Что я на самом деле чувствую. Как поступлю. Не знаешь, совру я или скажу правду.

— Хотя что-нибудь скажи, — попросил я.

— Ты знаешь, как выйти за МКАД вместе с преступницей, которую ищет вся полиция и спецслужбы Москвы?

— Да, — сказал я. — Знаю.

— Тогда нам надо идти, — кивнул Михаил. — Люди Маркина будут тут с минуты на минуту, а в их решении можешь не сомневаться.

Я кивнул, достал свой мобильник и положил на стол. Вместо него взял мобильник, оставленный Викторией.

— Разумно, — сказал Михаил и положил свой мобильник рядом с моим.

Я легонько постучал по стеклу бокса.

Настя обернулась. Встала, подошла к стеклу. Прижала к стеклу ладонь. Удивительно, но в эту секунду её жест не показался мне пошлым или наигранным — я прижал свою ладонь через стекло.

— Удачи, Денис, — сказала Настя. Движение губ не было видно под маской, а голос раздавался от стола, от вёселенькой панды-радионяни. — Не сердись на меня. Я жду помощи.

— Настя, может быть, я собираюсь сделать большую глупость... — сказал я. — Тебе лучше рассказать Маркину...

— Не знаю, о чём ты, Денис. Я же тут за стеклом, я ничего не слышу. Я осталась с мальчиком, а вы с Михаилом продолжили погоню за Викторией. Вот всё, что я знаю.

Я кивнул, глядя ей в глаза.

У Насти и у Ольги глаза одного цвета, серо-зелёные. Я только сейчас это понял. Хотя во всём остальном Настя и Ольга совершенно разные.

Но Ольга, наверное, тоже вошла бы в бокс.

Когда ты по-настоящему готов отнять чужую жизнь, надо быть готовым отдать и свою. Потому что за жизнь есть только одна справедливая цена.

Глава двенадцатая

ДОЗНАВАТЕЛЬ И ИНСПЕКТОР

Из Москвы, как всем известно, ведут десять дорог, десять контролируемых выездов в периметре МКАДа.

Но есть ещё Дмитровское, Щёлковское и Рублевское шоссе. Зоны Замкадьа за ними пережили катастрофу наиболее сильно, и эти выезды были попросту закрыты, забаррикадированы. Особенно пострадала в своё время Рублёвка, бывший элитный район, место обитания политиков и богачей. Говорят, что восставшие, которые пытались ворваться в город по Рублевскому шоссе, выглядели особенно ужасно — мужчины в изорванных дорогах костюмах от Бриони и Фиораванти, женщины — увешанные окровавленными бриллиантами... Даже мародёрство здесь процветало несколько лет, отмороженные идиоты выбирались за периметр, чтобы поохотиться на восставших и забрать бумажники и драгоценности. Потом и восставшие стали опытнее и опаснее, и число дураков уменьшилось, и порядок на периметре навели.

Но район Рублёвки уже не восстанавливали.

Вот здесь я и предложил Виктории покинуть город.

Мы с Михаилом сидели в машине рядом с заброшенным торговым центром на выезде. Теперь там осталась какая-то крошечная лавка и бензозаправка на пару колонок. Мы остановились на обочине, дождь всё сильнее и сильнее бил по крыше машины, даже разговаривать приходилось громче обычного.

— Мало кто знает, — объяснил я, — что на Рублёвке осталось одно поселение. Смешанное, квази и люди. Какой-то барин с челядью. Упрямые. Они периодически ездят в Москву за покупками.

— Да, я в курсе, — кивнул Михаил.

— Шоссе проходит под МКАДом, поверху всё как положено — колючка, камеры, автоматические турели. А шоссе перекрыто наглухо. Сварные конструкции, стальные двери. Охраны нет, только обычные патрули.

— Так, — подбодрил Михаил.

— Я знаю, как открывается эта дверь.

Михаил хмыкнул.

— Есть у меня такая привычка, — объяснил я. — Если вижу запертую дверку, то пытаюсь найти от неё ключ.

— И всё-таки? Коды регулярно меняются.

— Я работал на стройке, сразу после катастрофы. Здесь как раз и работал. Подумал, что пригодится.

— Но зачем? — спросил Михаил.

Я промолчал.

Зачем рассказывать, что я трижды выбирался из Москвы и пробирался в Шолохово. Бродил по музейному комплексу, среди застывших навеки танков... искал следы.

Не нашёл.

А потом выбирался ещё четыре раза. Когда совсем прижимало, когда становилось так плохо, что темнело в глазах. Искал восставших. Находил... или они находили меня.

И на время отпускало.

Нет, не хотелось мне это рассказывать. Тем более мне казалось, что Михаил и сам об этом догадывается.

— Ты уверен, что готов отпустить Викторию? — сменил Михаил тему разговора. Я покрутил в руках чужой мобильник. Заряд был, хотя телефон садился удивительно быстро, сеть тоже была. Виктория пока не звонила...

— У меня нет выхода. У нас нет. Если она уйдёт, это плохо, но это ведь не конец света. Верно? Виктория как раз

из тех квази, кто лишь хочет страховки. Паритета. Есть оружие у людей, есть оружие у квази. Равновесие сил. В конце концов, СССР и США долго жили в таком режиме.

— Всё так, но только если мы верим Виктории, — сказал Михаил.

Я подумал секунду.

— Верим. Другого выхода нет... Ну когда же она позвонит!

И в этот момент в заднее стекло машины тихонько постучали.

Обернувшись, я увидел две тёмные мокрые фигуры: одну женскую, повыше, другую мальчишескую, пониже. Они прижимались друг к другу, будто мать с сыном, ищущие в объятиях друг друга укрытия от дождя и холода.

Но увы, всё было куда более прозаично и куда менее трогательно.

Женщиной была Виктория. Сейчас она выглядела практически так же, как при нашей первой встрече, только была коротко, под ёжик, пострижена — видимо, чтобы легче надевать парики. На ней была тёмная облегающая одежда, что-то вроде спортивного костюма, но с какой-то пропиткой — дождевые капли сбегали с ткани, будто масло с тефлона. Виктория улыбалась, глядя на меня.

Ну а мальчишкой, конечно же, был Найд. В обычной футболке и джинсах, мокрый и несчастный. На шее у него был какой-то тонкий поводок, конец которого Виктория сжимала в руке.

Я начал опускать стекло.

Передумал и просто вышел из машины под дождь. Михаил молча вышел со своей стороны.

— Извини, предпочла выбросить телефон, — сказала Виктория. — На всякий случай.

Кивнув, я кинул под ноги и свою трубку. Спросил Найда:

— Ты как?

— Нормально, — упрямо ответил он.

— Зачем это? — спросил я уже Викторию.

— Страховка, — пояснила Виктория и улыбнулась. — Это тонкий металлический тросик. Порвать его невозможно, перерезать крайне сложно. А если я резко рвану рукой — мальчишке оторвёт голову.

— Это я понимаю, — сказал я и посмотрел Виктории в глаза. В слабом свете из машины они отблёскивали красным. — Я не про поводок. Ты могла позволить парню ветровку надеть? Он же простынет. Хотела подавить мне на нервы? Так они у меня крепкие. Зато закрадывается нехорошая мысль — может быть, тебе всё равно, может быть, ты не собираешься Найда живым отпускать?

Виктория перестала улыбаться.

— Я не подумала об этом. Я хотела всего лишь оказать психологическое давление. Я его отпускаю.

— А гарантии? — спросил я. — Ты выходишь за МКАД, растворяешься в темноте — и что дальше? Мне ждать, что ты отпустишь парня? А если рядом восставшие и они его разорвут?

— Я почувствую восставших.

— Ночью, в дождь? На каком расстоянии? Если он сойдёт и пойдёт в противоположную от Москвы сторону? Сколько будет блуждать под дождём полуголый?

Это я, конечно, сказал чушь. Как можно, стоя за МКАДом, спутать направление — над Москвой зарево, которое из космоса видно. Никакие тучи не помешают.

Но Виктория, очевидно, считала людей калеками.

— Что ты предлагаешь? — спросила она. — Гарантии нужны тебе, гарантии нужны мне. Если я отпускаю Найда сразу за МКАДом — Михаил меня догонит.

— Он не будет, — сказал я и засунул руки в карманы. Дождь тарабанил мне по голове, струйками стекал за шиворот. — Он пообещает.

Виктория рассмеялась.

— Подожди, — попросил Михаил. Обошёл машину, встал рядом со мной. Я заметил, что Виктория напряг-

лась. — Виктория, я могу гарантировать тебе полное прощение.

— Я не могу, — напомнил я.

— Его полномочия кончаются за МКАДом, — продолжал Михаил. — А мои — только начинаются. Я могу тебе гарантировать, от имени Представителя, что ты будешь прощена, тебя не выдадут людям и не будут преследовать.

— Взамен? — спросила Виктория.

— Верни образцы вируса, отпусти мальчика, — сказал Михаил. Сделал шаг вперёд, протянул руку. — Верни вирус...

— Может быть, что-то одно, Дранный Лис? — с иронией спросила Виктория.

Михаил помолчал. Потом сказал:

— Верни вирус. Это будет жестом доброй воли с твоей стороны.

Я коротко размахнулся и ударил Особого Инспектора Михаила Бедренца по затылку.

Череп у квази крепкие, как у людей. А удары они переносят гораздо легче. Но у всего на свете есть предел прочности.

Бедренец рухнул на колени, чуть помедлил — и упал лицом в грязь. Шляпа слетела с него и покатилась под колёса машины.

Найд вскрикнул, рванулся. Этого я боялся больше всего, но рассчитывал на реакцию Виктории. И та не подвела, схватила Найда за плечо, удержала, не дав затянуться удавке.

Я выбросил надетый на руку тяжёлый металлический кастет, склонился над Михаилом. Достал из кармана пластиковые стяжки и начал сковывать ему руки за спиной. Пояснил:

— Это надёжнее наручников, как мы убедились.

Некоторое время Виктория смотрела на это молча, потом сказала:

— Не менее пяти. И на ноги тоже.

Я не ответил. Закончил с руками. Перевернул Михаила, посадил, привалив спиной к машине. Глаза его были закрыты, он тяжело дышал. Я стал сковывать ему ноги.

— Надеюсь на что-то подобное, — сказала Виктория. — Но не была до конца уверена, что ты решишься.

— Мы, люди, очень предсказуемы, — ответил я. — Уверен, что ты всё рассчитала.

Виктория кивнула:

— Да. Он бы меня не отпустил.

— Ты его убил? — с ненавистью спросил Найд.

— Не заставляй меня считать тебя глупым, — ответил я. — Квази не убить ударом по башке. Полчаса — и очуаается.

Найд кивнул и сказал:

— Я тебя презираю.

— Верю, но это не важно. — Я выпрямился и спросил Викторию: — Что ты хочешь сделать с вирусом?

— Отнесу его своим.

— Кто эти «свои»?

— Не самые крайние радикалы, — пояснила Виктория. — Они не будут первыми начинать бактериологическую войну, если тебя это тревожит. Но мы начнём говорить с людьми на равных. Не так, как Представитель. Он слишком мягок, его время ушло.

— Это может кончиться войной, — заметил я.

— Всё и всегда кончается войной, — сказала Виктория. — К сожалению. Но шансы есть. Может быть, мы не повторим судьбу динозавров.

Я кивнул. Сказал:

— Сделаем так. Я доведу тебя до прохода. Открываю ворота. Ты отпускаешь Найда и уходишь. Сама понимаешь, я тебя и днём в городе не догоню, а уж ночью и в лесу...

— Вирус я уношу, — сказала Виктория.

— Вирус ты уносишь, — подтвердил я.

Виктория помолчала, разглядывая путы на руках и ногах Михаила. Видимо, результаты её устроили.

— Не понимаю, в чём подвох, — призналась она. — Хорошо, веди. Ты идёшь впереди. Но вначале — вначале выбрось всё из карманов. В сторону, подальше от Драного Лиса.

Я выбросил.

Мачете. Пистолет. Связку ключей. Швейцарский перочинный ножик. Газовый баллончик. Наручники. Даже носовой платок.

И пошёл впереди.

А что мне ещё оставалось делать?

Хорошо хоть Найд молчал, не то поражённый моим предательством, не то уже не желающий разговаривать.

Под непрерывным дождём мы дошли до МКАДа, до многоуровневой развязки, когда-то забитой машинами, а сейчас пустой. Транспорт, конечно, по МКАДу шёл и сейчас, по двум оставшимся полосам, слышен был шум машин, металась над дорогой огни фар — стационарное освещение было выключено в целях экономии. Но здесь, на тупиковой, никому, кроме сумасшедшего барина, живущего на холмах со своей челядью, не нужной Рублевке, было безлюдно.

Баррикада под МКАДом, наглухо закупорившая Рублёвку, была основательной. Даже не баррикада, а капитальная стена, пробка, заглушка. Сооружение из бетонных плит, со сваренной вместе арматурой, с забетонированными щелями, укреплённое толстенными стальными листами. В первые месяцы никто не знал, чего ждать от восставших. Вдруг они бетон прогрызают... Перестраховывались как могли.

Ворота были одни — массивные, высокие, достаточные для проезда небольшого грузовика. Они стояли на роликах, скользящих по жирно блестящим под дождём рельсам. Тут всё регулярно смазывали — раз в месяц рублевский отшельник посещал Москву, привозил на прода-

жу мёд, зерно и овощи, посещал со всей прислугой кино-театры, закупалялся в супермаркетах. Говорят, это походило на цыганский табор или бродячую ярмарку. Нормальный в общем-то дядька, упорный.

Возле ворот в стене был небольшой пульт, прикрытый грубой железной крышкой, и несколько фонарей в решётчатых коробах. Фонари, конечно же, не светили.

— Даже если ты знаешь код, сработает сигнализация, — сказала Виктория.

— Понятное дело, — усмехнулся я. — Но кода я не знаю. Их регулярно меняют... Давай отпускай Сашку.

— Я — Найд, — сказал сын, упрямо глядя на меня.

Виктория размышляла.

Никакого оружия при мне не осталось, она сама провела быстрый, но умелый обыск. Михаил был оглушён и связан. В рукопашной с квази мне ничего не светило.

— Поэтапно, — сказала она наконец. Привлекла к себе Найда, сняла у него с шеи удавку.

— Хорошо, — согласился я.

Подошёл к стене, взялся за один из фонарей сбоку от стены и потянул. Он был закреплён всего на одном болте и со скрипом повернулся вверх, вытягивая за собой кабель и открывая небольшое отверстие между бетонными плитами.

— Что это? — растерянно спросила Виктория.

— Технологический лючок. Для доступа во время монтажа ворот. По недосмотру одного из монтажников остался плохо закреплённым.

Я засунул руку глубоко в отверстие. Ощупал железо. Взялся за рукоять лебедки. И принялся её вращать.

Ворота скрипнули и медленно поползли в щель внутри стены.

— Так просто, — сказала Виктория.

Я молча крутил ворот, пока ворота не разошлись сантиметром на тридцать. После этого вытащил руку и сказал:

— Пролезешь?

Виктория посмотрела в мёртвое, пронизанное дождём Замкадь. Кивнула:

— Да. Денис, ты помнишь, как я советовала не верить квази? Никому, в том числе и мне?

— Помню, — сказал я.

— Хорошо, — кивнула Виктория.

И легонько толкнула Найда ко мне.

Я поймал сына за плечо, но тот дёрнулся, отпрянул, отступил на шаг. Мгновение смотрел на меня яростным ненавидящим взглядом — а потом рванулся в темноту.

— Он запомнил, где ты выбросил нож, — сказала Виктория. — Так что быстро освободит Драного Лиса... Зря беспокоился, Денис. Он бы не заблудился, отпусти я его снаружи.

Я пожал плечами.

— Счастливо оставаться, — продолжила Виктория. — Но позволь... один вопрос.

— Ну?

— Тебе не приходило в голову, что Дранный Лис тебя обманул? Что Найд не твой сын? Что это слишком невероятное совпадение?

— Я видел результат генетического анализа.

— Ты видел бумагу о том, что на двух представленных образцах ДНК совпали контрольные участки генов. Подсказка, Денис Симонов — если разделить один образец на два, то результаты будут точно такие же.

— Зачем это ему?

Виктория покачала головой, будто недоумевающая от моей глупости. Повернулась и стала протискиваться в проём ворот.

Я шагнул к «технологическому лючку» и вновь засунул туда руку.

Видимо, Виктория это заметила. Наверное, она решила, что я собираюсь закрыть ворота, защемив её, или сде-

лать что-то подобное. Она мгновенно рванулась обратно, выскользнула из проёма и кинулась ко мне.

А я выхватил из тайника в стене мачете и ударил её по шее.

Глупо таскать с собой оружие, с которым выходишь из города убивать восставших. Я хранил его прямо здесь, у прохода.

Виктория успела отпрянуть и голову ей я не отрубил. Глубокий разрез прошёл снизу вверх, через грудь, по шее. В ране взбухла чёрная густая кровь.

— Браво... — булькающе сказала Виктория, отступая на шаг. Она попыталась было отступить к приоткрытой двери, но у неё стала заваливаться назад голова. Виктория схватила её обеими руками, удерживая на шее. Оскалилась в улыбке.

— Вирус, — сказал я.

— Ипустишь? — ухитрилась спросить она.

— Нет. Ты слишком много чего натворила. И ты обидела моего сына.

Виктория моргнула, будто соглашаясь. А потом бросилась ко мне, одной рукой удерживая полуотрубленную голову, а другую вытянув вперёд.

Думаю, что она не надеялась меня победить и выжить. Просто предпочитала умереть в бою.

Я её понимал.

Поэтому увернулся от рывка и ударил сзади, снова по шее. У меня это самый поставленный удар. Что поделаться, специфика работы.

Обезглавленное тело рухнуло.

Я подошёл, присел рядом. Чем в этом плане хороши восставшие и квази — кровь у них густая, не бьёт, а вытекает из артерий. Не забрызгаешься.

Обшарив карманы я нашёл маленькую, с зажигалку размером, заворачивающуюся металлическую капсулу. Всего одну.

Неужели это оно и есть?

Культура вируса-убийцы, выращенная в живом человеке?

Вот из-за чего столько грязи и крови...

— А если бы она бросилась убежать?

Я встал и посмотрел на Михаила, вышедшего из темноты.

По квазию не поймёшь — нормально он себя чувствует, или же ему больно и обидно от удара по черепушке. Но Михаил был весь перепачкан в грязи, шляпа у него была помята и сидела набоку.

— Пришлось riskнуть, — сказал я. — Извини, что приложил.

Михаил поморщился.

— Я понимаю. Иначе бы она не расслабилась. Но мог бы предупредить!

— Не мог. Я уверен, что телефон непрерывно работал на передачу. Она слышала всё, что мы говорили.

Михаил кивнул, подошёл поближе.

— Да, ты прав. Это очень вероятно. Ещё одна радионяня... Вирус в этой ампуле?

— Думаю, что да, — сказал я, пряча металлическую капсулу в карман. — Что там, как полагаешь? Кровь?

— Соскоб из высыпаний, скорее. Дай посмотреть.

— Не стоит. — Я несколько раз встряхнул мачете, подставил струям дождя, чтобы смыть кровь. — Чего там смотреть. Отрава.

— Маркину надо передать, — предложил Михаил.

— Я передам, — усмехнулся я.

Михаил вздохнул. Виновато улыбнулся. Посмотрел на мачете в моей руке.

— Пат, — сказал я. — Верно?

Михаил кивнул.

— А где Найд? — спросил я.

Только тут Михаил забеспокоился.

— Как — где? Он был с вами.

— Он убежал спасать тебя. Я думал, что это Найд тебя освободил.

— Нет, я перегрыз стяжки... — рассеянно сказал Михаил. — Разминулись, наверное... Может быть, ты дашь мне ампулу? Для сохранности?

— Нет, — повторил я. И взял мачете поудобнее.

— Давно понял? — спросил Михаил, помедлив мгновение.

— Сразу. Ну что это за задание для главы спецслужбы — схватить экстремиста? Вот если цель была доставить что-то важное, что-то такое, чего никому нельзя доверить...

Михаил кивнул.

Снял свою старую шляпу, комкая в руках, подставил лицо дождю. Пробормотал:

— Голова болит... сильно ты ударил... Денис, мне нужен этот вирус.

— Чтобы всех нас убить? — спросил я.

— Нет, Денис. Власть Представителя не безгранична. Мы все знаем о человеческих опытах, мы знаем, что и в России, и в США, и в Европе создано бактериологическое оружие.

— «Чёрная плесень».

— И она тоже. Общество квази кажется тебе единым, но это не так. Мы очень разные. Но сейчас все мы одинаково напуганы. Нас уничтожат, если не будет гарантии ответного удара. Либо к власти придут радикалы и используют восставших как пушечное мясо. Поверь, тоже ничего хорошего.

Я пожал плечами:

— Ничем не могу помочь.

— Денис... — Если бы Михаил мог застонать, он бы застонал. — Я не хочу так. Пойми же меня!

— Понимаю, — сказал я. — Но чего ты хочешь? Чтобы я собственными руками отдал тебе смерть человечества?

А если твой Представитель решит нанести упреждающий удар?

— Он не захочет!

— Слова. — Я развёл руками. — Только слова.

— Что мне тебе сказать? — спросил Михаил. — Что? Как доказать, что это единственный выход, единственный шанс избежать миллиардов смертей?

— Я не знаю таких слов, — сказал я. — Слова всегда лгут.

Михаил подумал. Спросил:

— Может быть, про Найда?

— Что именно?

— Я отдал его тебе. Но ты же хочешь знать правду?

— Я её и так знаю, — ответил я. — Это Сашка, мой сын.

— С радостью отдаю его тебе, — сказал Михаил. Голос его не дрогнул. — В обмен на вирус.

— Нет.

Михаил снова посмотрел на мачете в моей руке. Покачал головой.

— Виктория не ожидала. А я...

Он не закончил.

— Попробуй, — сказал я.

Михаил Бедренец был стар, но для квази это не слишком-то многое значит. Его рефлексy были быстрее, он был сильнее, выносливее, нечувствительнее к боли.

Мы это оба понимали.

Квази сделал шаг в мою сторону — и я отметил, как изменились его движения, стали мягче, плавнее, наполненные сжатым рывком, будто готовая распрямиться пружина. Так двигаются профессиональные бойцы. Он и человеком, наверное, неплохо дрался...

В следующий миг из темноты выскочил Найд и, оскальзываясь в грязи, встал между нами. Разве что руки не растопырил, пытаясь остановить.

Что он слышал из нашего разговора?

— Найд... — прошептал Михаил.

Мальчишка, сжав губы, смотрел то на него, то на меня. Потом негромко сказал:

— Я Сашка...

Михаил ссутулился. Только что это было готовое к смертельной схватке существо, превосходящее человека практически всем.

А теперь — просто одинокий старик, мокнувший под дождём.

Одинокий мёртвый старик.

— Мы не выбирали своей судьбы... — прошептал Михаил.

Повернулся и пошёл к полуоткрытой двери в Замкадье. Потом остановился. Снял пиджак. Порылся в карманах, достал какую-то мелочёвку, рассовал по карманам брюк. Подошёл к Найдю — тот отступил было на шаг, но остановился. Михаил набросил ему на плечи свой пиджак, пожевал губами, словно намереваясь что-то сказать — и пошёл обратно к двери.

Я смотрел ему вслед. Потом окликнул:

— Квазюк!

Он повернулся — и я бросил ему металлическую ампулу.

Первый раз мне удалось его по-настоящему удивить.

Бедренец настолько не ожидал этого, что даже не поймал капсулу, летящую ему в руки. Ему пришлось нагнуться и поднимать её с земли.

— Не обмани нас, Михаил, — сказал я, подходя к Сашке и беря его за плечи. — Пожалуйста. Мы все люди, большие и маленькие, живые и мёртвые.

Михаил прикрыл глаза. Кивнул.

И скрылся в узкой щели дверей.

— Я закрою дверь и пойдём к машине, — сказал я. — На тебе сухой нитки нет.

— На тебе тоже, — заметил Сашка.

— Наблюдательный, весь в меня, — сказал я и пошёл крутить лебёдку.

Мне показалось, что Сашка хочет что-то спросить.

Но он промолчал.

Поэтому спросил я:

— Как она тебя схватила?

— Позвонила и сказала, что вы с Михаилом — её заложники. Я вышел, сел на метро, приехал на станцию «Крылатское»...

Всё очень банально.

Я подумал, что никогда не стану уточнять время, когда Виктория выманила его к себе. Потому что если окажется, что Виктория вначале позвонила мне, а уже потом — Сашке, я буду считать себя идиотом до конца жизни.

Когда мы вошли в магазинчик — мокрые и грязные, молодой продавец вытаращил глаза, вскочил и выхватил из-под прилавка здоровенный тесак. Согласен, принять нас за восставших было немудрено. Тем более что, судя по сладковатому запаху в помещении, продавец либо был индусом, совершавшим воскурения Кришне, либо баловался анашой.

— Есть ли у тебя, друг мой, сухая и чистая одежда на мужчину тридцати с небольшим лет и мальчика одиннадцати? — спросил я.

Продавец спрятал тесак и ответил:

— То есть для вас? Ну так осмотритесь, друзья мои. Что из богатств моей скромной лавки послужит вам одеждой?

Я скептически осмотрел полки с консервными банками, картонными коробками и бытовой химией.

— В том углу зала есть полотенца, — сообщил остроумный юноша. — А я, если хотите, налью вам горячего чая. Мне кажется, не помешает.

Уже удаляясь в подсобку, он крикнул:

— Да, где-то рядом с полотенцами есть носки. Дрянь, синтетика, но сухие. Когда вымокнешь — сухие носки самое главное!

— Вытрись насухо и выжми одежду, — велел я Сашке, бросая ему полотенце. — И смени носки.

А сам, оставляя мокрые следы на полу, двинулся в подсобку. Парень заваривал чай в кружках, опустив в обе по два пакетика. Ещё на столе стояла початая бутылка дешёвого коньяка.

— Можно? — спросил я и плеснул в свою чашку. — Ещё бы телефон...

— Кассу открывать не потребуете? — осведомился продавец.

— Я полицейский.

— Ну мало ли... — Парень протянул мне трубку.

Несколько мгновений я стоял в раздумьях.

— Ни одного номера не помнишь? — посочувствовал продавец.

— Догада, — буркнул я. И набрал номер Маркина, который мне когда-то дала Виктория.

— Отнесу мальчику, — сказал продавец и сыпанул в чашку без коньяка сахар. — О, идея. У меня тут одеяло есть...

Он взял со старого дивана клетчатый плед и вышел.

Хороший человек...

— Маркин, — слышалось в трубке.

— Это Симонов.

— Где Михаил? — мгновенно спросил Маркин.

— Ушёл за МКАД. В районе Рублёвки.

— С Викторией?

— Нет. Её я нейтрализовал. Найдёте девушку двумя частями на Рублёво-Успенском шоссе у самого МКАДа.

Маркин помолчал. Спросил безнадёжно:

— Вирус?

— Мне кажется, инспектор Бедренец унёс его с собой.

Маркин снова замолчал.

— Что с Настей? — спросил я. — Где она?

— Там же, где и была. В больнице. Мы нагнали туда врачей, привезли оборудование. Нет смысла переводить куда-то.

— Она здорова?

Маркин сделал паузу, прежде чем ответить.

— Я не Нострадамус и не Парацельс. Парнишка ещё жив. У Насти пока признаков заражения нет. Мы не знаем, сколько длится инкубационный период, но он должен быть короткий.

Маркин опять замолчал. Потом спросил:

— Зачем я тебе всё это говорю? Тебя арестовать надо. Ты упустил вирус.

— Меня наградить надо, я уничтожил террористку, — сказал я. — А говоришь ты потому, что хочешь получить меня в свою команду.

Маркин выругался. Потом сказал:

— Езжай домой. Сюда тебя всё равно не пустят, это даже не в моей компетенции... Стой! Как она вас выманила?

— У неё был Найд.

— Твой сын?

Всё-то он знает.

— Да.

— Я понял, — сказал Маркин. Если бы он был роботом, то я бы сейчас услышал, как вращаются у него в голове шестерёнки. — Понятно. Но ты старался? Ты пытался любой ценой захватить вирус?

— Конечно, капитан. Я смог нейтрализовать Викторию, но задержать Михаила не смог. Как я мог предположить, что официальное лицо от квази, с рекомендательными бумагами от министра внутренних дел, ведёт какую-то свою игру?

— Угу, — буркнул Маркин. — Просто невероятно... Езжай домой, капитан. Я сам к тебе подъеду.

Я положил трубку на стол, выпил залпом крепкий, пахнущий коньяком чай. Вышел в зал. Сашка сидел на стуле продавца, закутанный в плед, и пил чай из кружки. Его одежда сушилась на включённом тепловентиляторе, что было по меньшей мере пожароопасно.

Продавец возвращался от стеллажей с какими-то паке-
тиками в руках.

— Чудо современной китайской технологии! — бодро
объяснил он. — Кусок полиэтилена, но не простой, а с
дыркой для головы! Пластиковый одноразовый плащ-на-
кидка. По акции: берёте один, второй бесплатно!

— Обалдеть, — кивнул я. — Дайте два.

В машине Сашка заснул.

Остановившись перед подъездом и обернувшись на
заднее сиденье, я задумался, не понести ли его на руках.
Это было бы очень трогательно и по-голливудски.

Но дождь продолжал лить, а открывать дверь подъезда,
держа на руках спящего ребёнка, — интересный акробати-
ческий номер.

Так что я разбудил Сашку и отвёл домой. Надо было,
наверное, поставить его под горячий душ, напоить чаем с
малиновым вареньем и дать какого-нибудь парацетамола.

Но мальчишка хотел спать, варенья у меня дома не во-
дилось, а все таблетки я слопал, получив по голове от Вик-
тории.

Так что я довёл его до кровати, помог раздеться и укрыл
одеялом. Он уснул мгновенно.

А сам я, взяв сухую одежду, отправился на кухню. За-
глянул на одну полку, на вторую, на третью...

Да, Настя была права.

Единственное, что у меня имелось в достатке, — ал-
коголь.

Теперь придётся менять привычки. Покупать какие-то
хлопья, каши... А что там вообще дети едят? Сосиски?
Хотя Найд не любит есть мясо...

Я взял бутылку кубинского рома, налил полстакана.
Скинул мокрую одежду, засунул в стиралку, переоделся в
домашнее. Глотнул обжигающую, пахнущую солнцем и
тропиками жидкость. Посмотрел на портрет на стене.

Ольга смотрела понимающе.

Сашка — с лёгким недоумением и даже обидой.

На столе лежали какие-то сложенные листки. Я раз-
вернул их. Ах да, черновик статьи профессора Томилина,
создателя удивительной московской суперветрянки. Опи-
сание его счастливой жизни с женой-квази...

Я открыл статью где-то посередине и начал читать.

*«Именно тогда, глядя на Викторину, я понял, в чём наша,
человеческая, ошибка. Мы считаем восставших и квази из-
вращением, болезнью, ошибкой природы. А на самом деле
они — новая ступень эволюции.*

Долгожданная!

Ожидаемая!

Прекрасная!

*С самого своего рождения разум был отравлен страхом
смерти. Этот страх заставлял людей безудержно плодить-
ся, совершать злодеяния, строить нелепые и бессмысленные
памятники, пирамиды, мавзолеи. Сколько цивилизаций в
своём страхе смерти и жажде бессмертия уничтожили
себя, впуская потерю материальных и человеческих ресур-
сов? Древний Египет, надорвавшийся в постройке пирамид,
Империя Великих Моголов, растратившая казну при строи-
тельстве Тадж-Махала, жители острова Пасхи, уничто-
жившие леса ради строительства каменных истуканов.*

*А сколько преступлений было совершено во имя несуще-
ствующих богов, придуманных ради одного лишь — избавиться
от страха смерти?*

*Наверное, человеческая цивилизация должна была пере-
болеть всеми религиозными глупостями, как ребёнок должен
переболеть детскими инфекциями. Но как ветрянка безо-
бидна для ребёнка и смертельно опасна для взрослого, так и
дурман веры простителен в первом веке, но ужасающ в два-
дцать первом».*

— Вот же сволочь, — сказал я и глотнул рома из стакана.

Томилин писал эту статью недавно. Уже заканчивая
работу над своим вирусом. И не удержался — намекнул.

Сволочь — она и есть сволочь. Живая или мёртвая.

Я пролистнул страницу.

«Мне, как и любому вирусологу, прекрасно известно, что никакого Z-вируса, превращающего мёртвых людей в восставших, а потом и в квази, не существует. Эта информация не является секретной, с минимальным трудом её можно обнаружить в Сети, прочитать в научных изданиях. Многолетние поиски ничем не увенчались — вируса нет. Только инерция и косность человеческого мышления, только иррациональный страх заставляют основную массу людей по-прежнему повторять бредовые теории о «вирусе» и «болезни».

Люди боятся потерять свою исключительность.

Люди боятся признать, что уже не являются венцом эволюции.

Вершина — квази.

Мы — лишь полуфабрикаты, заготовки, нуждающиеся в доработке, отладке и настройке. К счастью, этот мучительный и неприятный этап мы проходим в форме восставших, избавленные от необходимости нравственного выбора и следования устаревшей морали.

Но те из нас, кто пройдёт этот тяжкий путь, обретут полное бессмертие и настоящую свободу существования — в виде квази.

Отбор может показаться слепым и безжалостным, но на самом деле он полностью биологически детерминирован. Очевидно, что какой-то наработанный потенциал интеллекта остаётся и в форме восставшего, проявляясь в поведении и приводя особь-восставшего в состояние особи-квази. Общеизвестно, что большинство квази — это творческая интеллигенция, учёные, люди образованные и занимающиеся интеллектуальным трудом. Жестоко, но справедливо. Современному миру не нужны сильные и глупые особи».

Томилин знал. Прекрасно знал, как восставшие становятся квази. И подвёл под это какой-то свой людоедский идеологический базис.

— Ах ты тварь, профессор Томилин, — сказал я. — Как хорошо, что я отрубил твою грязную интеллектуальную голову...

— То есть ты сознаёшься, что сознательно убил восставшего? — спросил Маркин, входя на кухню.

Я посмотрел на него, нахмурился. Сказал:

— Мне казалось, что я запираю дверь.

— Да-да, запираю, не беспокойся, — кивнул Маркин. — Я закрыл снова. Что пьёшь?

Он, кажется, был уже слегка выпивший. Или просто его развезло от усталости и избытка кофеина.

— Ром, — сказал я.

— Пойдёт, — решил Маркин, сел, плеснул себе в стакан. — Что читаешь?

— Статью Томилина. О том, как хорошо быть квази.

— А, это та, что мы тормознули перед публикацией... — махнул рукой Маркин. — Знаю... С Настей пока всё в порядке. Ничего обещать не могу. Все мы можем ошибаться. Но врачи надеются, что она не заразилась.

— Спасибо, — сказал я. — Как мальчик?

— Руслан? — Маркин не ответил и выпил ром.

Я тоже выпил не чокаясь.

— Судить тебя не будут, — сказал Маркин. — Но и награждать не за что, Бедренца ты упустил. Хорошо, что у него было письмо из МВД. Ты не крайний, ты честный служака... К тому же действовал ты по моему указанию.

— Да? — вяло удивился я. Перед глазами стоял Руслан — ещё живой и здоровый, красивый умный парень, наслушавшийся гениального профессора. Не обязательно быть восставшим, чтобы убивать после смерти. Иногда это получается и у людей...

— Конечно. Как привлечённый в мою группу. Завтра тебе оформят увольнение из полиции и перевод в госбезопасность. Даже звание сохраняют.

— И с чего вдруг такие милости? — спросил я.

— Это не милости. У меня полно ловких ребят, умеющих работать мачете. И у меня достаточно умных ребят, способных понять, когда надо рубить головы, а когда не стоит. Но вот человек, способный принять стратегическое

решение... и не выполнить приказ, который я вынужден отдавать... это большая ценность.

Я кивнул. Понятно. Маркин бы и сам отпустил Михаила с образцом вируса — если бы решился пойти наперекор приказу. Но для него это было невозможно. А вот позволить мне самому принять решение он мог.

— Как власть будем делить?

— Никак. На самом деле я не капитан, я подполковник. — Маркин плеснул себе ещё рома. Привалился к стене, закрыл глаза. — И только не надо вставать в позу: «Не хочу, люблю свою работу, я честный опер...» Ты хочешь, ты не любишь свою работу, ты не честный опер. Ты давно перерос то, чем занимаешься. Или ты снова собираешься ездить по квартирам и рубить головы восставшим старушкам?

— Старушек я не трогаю, — сказал я. — И вообще, я с тобой не спорю. Я согласен.

— Вот и славно... — пробормотал Маркин. — Слушай, а что, если я у тебя посплю? Прямо на стуле? Буквально полчаса. А то пока доеду домой, пора будет вставать.

— Это не стул, а табуретка, — сказал я. — Иди в гостиную, там есть удобное кресло. На диван не ложись, я там лягу.

— Найда оставляешь? — спросил Маркин, не открывая глаз.

— Конечно, он же мой сын.

— Молодец, уважаю, — сказал Маркин. — Но Бедренец... хитрый квазюк... Дранный Лис... Мы понимали, что он тоже охотится за вирусом. Но никаких доказательств... формально союзник... Ты не подумай, что я очень расстроен. Не захватили бы квази вирус Томилина — создали бы свой, да ещё неизвестно, кто именно бы его создал. Лучше уж Представитель и Дранный Лис. Представитель — вменяемый дядька. Политик уровня Черчилля или Путина. Он никакой мировой войны не хочет, у него своя дурацкая мечта о покорении квазюками, как вершиной эволюции, Вселенной...

— Почему дурацкая? — спросил я.

— Потому что это... — Маркин протянул руку и, не открывая глаз, сгрёб со стола распечатку статьи Томилина, — туфта. Мечты психопата.

Он принялся меланхолично разрывать листы; обрывки, кружась, полетели на пол.

— Не существует эволюционных механизмов, в какой-то момент приводящих к появлению бессмертных неразмножающихся существ... — вялым сонным голосом сказал Маркин. — Это матушке-природе не нужно... даже если принять как гипотезу отсутствие Бога...

— Но Томилин...

— Гениальный вирусолог. Ему бы Нобелевку вовремя дать — может, опомнился бы. Или бабу нормальную, живую... А так... привык возиться со своими вирусами... Знаешь, что такое вирус? Организм на грани жизни. Не живой и не мёртвый. Паразит. Яд, заставляющий живое воспроизводить себя... Так и квази. Не живые и не мёртвые. Не способные размножаться. Не способные развиваться. Даже если эволюции это нужно, то квази — явно не вершина. Не цель творения...

Он крякнул, сел. Посмотрел на пол.

— Намусорил я у тебя. Пришёл, выпил, намусорил... Так ты меняпустишь в кресло поспать?

— Слушай, Маркин, — сказал я. — Хватит налаживать со мной контакт. Я не Шарапов, а из тебя Жеглов никакой. Зато ты начинаешь напоминать Бедренца, а это меня злит.

Маркин скосил на меня глаза. Крякнул и начал собирать с пола мусор.

— Ты можешь сказать, кто же такие на самом деле квази, чего нам от них ждать и что со всем этим делать?

— Пока не могу, — ответил Маркин.

— Понял. Тогда отвали. Я тоже хочу выспаться, но вначале ещё выпью. Мне с утра надо отвезти сына в школу, а потом поехать к Насте.

— Тебя не пустят.

— Меня — пустят, — сказал я, глядя Маркину в глаза.

— Я пригреваю у себя за пазухой наглого, что неплохо, и амбициозного, что куда опаснее, сотрудника... — пробормотал Маркин.

И пошёл в гостиную.

А я остался сидеть на кухне, глядя на фотографию жены и сына.

Где-то в Замкадье шёл дождливыми просёлками, таясь от своих и чужих, мёртвый старый полицейский, пряча в кармане ампулу со смертью, которая должна была предотвратить войну.

Где-то на Рублёво-Успенском шоссе ребята Маркина упаковывали в мешок останки Виктории, которая всю последнюю неделю своего посмертного существования разрывалась между любовью к жизни во всех её формах и смертью, на которую она работала.

Где-то в заброшенной старой больнице, куда сейчас собрали десятки врачей, лежала в изолированной палате Настя и ждала — проснётся или нет в ней смертоносный вирус.

В гостиной мирным крепким сном спал подполковник госбезопасности Владислав Маркин, который знал про квази куда больше, чем говорил, а для всего, чего не мог сделать сам, ловко использовал простых полицейских капитанов.

В спальне беспокойно разметался на кровати мальчик Найд, который мог быть моим сыном Александром. Который отныне был им.

Я ещё раз посмотрел на фотографию и закрыл глаза.

Мы — не вершина эволюции.

Мы — люди.

Мы все друг другу братья и сестры, отцы и дети.

Хорошие, плохие, добрые и злые, но — все свои.

И это самое главное в жизни.

Сентябрь 2015 — март 2016 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. Дознание и наказание.....	5
Глава вторая. Небо и ветер.....	37
Глава третья. Актёр и приют.....	64
Глава четвертая. Замкадье и Москва.....	98
Глава пятая. Вера и квази.....	125
Глава шестая. Дранный Лис и картошка.....	156
Глава седьмая. Дети и динозавры.....	183
Глава восьмая. Любовь и мыши.....	210
Глава девятая. Ученики и вирусы.....	239
Глава десятая. Старичье и заложники.....	269
Глава одиннадцатая. Ветрянка и телефон.....	299
Глава двенадцатая. Дознаватель и Инспектор.....	327